

18+

ДИНА

МУР

ТАЙНА
БОССА

НИКТО НЕ УМИРАЕТ ДВАЖДЫ

Лина Мур

Тайна Босса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65632026

ISBN 9785005392428

Аннотация

Каждый мой шаг оставляет кровавый след. Как бы я ни пыталась бороться с этим, следов становится больше. Насилие, жестокость, похоть и боль, – новые составляющие моего мира. Он ведет меня по темному коридору, открывая одну дверь за другой в его смертельные тайны. Готова ли я узнать их, а потом безразлично забыть? Нет. Меня утягивает всё глубже и глубже мир Лазарро, и я задыхаюсь в нем. Но удушение становится мне ближе, чем что-либо. Я продолжаю свой путь. К чему он меня приведет? Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	23
Глава 3	37
Глава 4	52
Глава 5	66
Глава 6	82
Глава 7	94
Глава 8	107
Глава 9	122
Глава 10	135
Глава 11	148
Глава 12	160
Глава 13	172
Глава 14	187
Глава 15	202
Глава 16	216
Конец ознакомительного фрагмента.	229

Тайна Босса

Лина Мур

© Лина Мур, 2023

ISBN 978-5-0053-9242-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Люди безответственно относятся к жизням тех, кто их окружает. Зачастую мы делаем себе хорошо, не задумываясь хорошо ли это для других. Чем это обернётся? Какова будет расплата за наше «хорошо»? Да. Я достаточно уже видела и знаю, чтобы понять – два мира слились внутри меня воедино, и им комфортно. Я никогда не стану такой, как Марта. Никогда не стану такой, как Лавиния Браун. Я Белоснежка, но только в реальной жизни. Я та самая невинная женщина, которая всё ждала и ждала, когда же её спасёт принц, и когда вера в добро вернётся к ней бумерангом, когда над головой вновь вспыхнет радуга, ведь ливень так утомляет, хотя и жила в нём двадцать семь лет, но всё же мечтала о радуге. Прошедшее время. Мои мысли застряли именно в этом промежутке, потому что сейчас всё изменилось. Я стала другой, и это не конец, это только начало моего преобразования. Я злая королева, которая может без зазрения совести манипулировать человеческими страхами. Я добро и зло. Я похоть и невинность. Я боль и сладость. Я тщеславие и щедрость. Во мне, как и в каждом человеке, уживаются дьявол и ангел. Каждый из них силён. Каждый готов бороться за себя. Но ни один из них не может помочь мне понять самое главное: какого чёрта творит Лазарро? Это теперь вопрос на миллион фунтов.

Бывают мужчины, с которыми тебе никак. То есть они есть, но в то же время ничего и не изменится, если их не будет. Время не остановится. Боль не разорвёт сердце. Ночь сменит день. Шаги не замедлятся. Улыбка не погаснет. Ничего не станет другим. Такие мужчины напоминают изношенную пару туфель. Ты идёшь, сбрасываешь их и не жалеешь об этом. Они как смена кожи у змей. Ты тоже обновляешься и продолжаешь жить дальше.

Бывают мужчины, с которыми ты слышишь своё дыхание. Оно глубокое, когда они отворачиваются. Оно поверхностное и сбившееся, когда они смотрят в твои глаза. Время останавливается. Боль вспыхивает, как горящая татуировка на коже, напоминая о себе. Ночь сменит день. Шаги станут увереннее. Улыбка будет подарком. Ничего не останется прежним. Такие мужчины похожи на костёр. Они сжигают всё на своём пути, оставляя пепел, разрушения и слабый огонёк надежды. Он красив, и рядом с ним так тепло, но тебе всё мало. Ты тянешься к нему. Тянешься. А потом он кусает тебя. Кусает. Ты извиваешься в его объятиях. Тебе жарко. Душно. Больно. Страшно. Хорошо. Ты получаешь извращённое наслаждение от ожогов, оставленных им. Ты плачешь, мажешь мазью раны и снова жаждешь этой встречи. Ты уже знаешь, что произойдёт дальше, но эта наркотическая зависимость слилась с твоим ДНК. Именно она его изменила, и ты уже никогда не станешь прежней. Ты пойдёшь дальше, наслаждаясь мазохизмом, и именно в нём увидишь

свою власть. Она опьяняет, делает тебя сильнее, ведь терпеть боль и получать от итога удовольствие намного сложнее, чем причинять её. Для этого нужно терпение. Но порой терпение заканчивается...

– Мэм, ваш чай.

Втягиваю в себя тёплый летний воздух и аромат зелени вокруг. Широко улыбаюсь и поднимаю голову.

– Благодарю, Симон. Присядь напротив, составь мне компанию, – предлагаю я.

– Простите, мэм...

– Это приказ. – Моя улыбка становится лишь воспоминанием. Мужчина делает глубокий вдох и садится в кресло напротив меня.

– Сегодня прекрасная погода, не так ли? – Вновь улыбаюсь, разливаю чай в две кружки.

– Вы правы, мэм. Солнце, – отвечая, сухо кивает мне. Передаю Симону кружку и откидываюсь в кресле.

– Но когда-нибудь небо затянет тучами. Всегда приходит время для туч. Ты так не считаешь?

– И вновь вы правы, мэм.

– Как тебе чай? – интересуюсь я.

Симону приходится сделать глоток, и он сдерживается.

– Достойный вас.

– Такой же крепкий?

– Нет, такой же горький.

Тихо смеюсь и качаю головой.

– Я горькая?

– Отравы, мэм.

– Жаль, что только ты это понимаешь. Итак, когда тучи будут над нашими головами?

– По прогнозу погоды, в ближайшее время ожидается аномальная жара.

– Что ж, я устала от неё. Есть ещё какие-то новости?

– Хм...

– Да-да, я спрашиваю про нашего дикаря. В каких джунглях он на этот раз и сколько деревьев изрубил?

Симон цокает и закатывает глаза.

– Я жду ответа, – напоминаю.

– Семь пентхаусов и три машины.

– Вау, да он бьёт рекорды. Это только за двое последних суток, подскажи мне?

– Именно.

– И долго это будет продолжаться?

– Я не имею ответа на ваш вопрос, мэм.

– Такое с ним уже случалось? За неделю он уничтожил тринадцать квартир, восемь машин, три мотоцикла и, предполагаю, убил нескольких людей, верно?

– Увы, мэм, – мрачно подтверждает Симон.

Прикрываю глаза на пару мгновений.

– Когда он вернётся?

– В его планы это не входит. Он буквально пару часов назад отправился в первый пентхаус, где вы уже были, и пока

не собирается оттуда съезжать, – сообщает Симон.

– Потрясающе, – шиплю и резко поднимаюсь.

– Пистолет. Дай мне чёртов пистолет, – говорю, требовательно протягивая руку.

– Мэм...

– Пистолет! Иначе я переверну этот стол. Он меня заразил своими припадками. Он сотворил со мной ужасное. Я не умею это контролировать и сейчас готова превратить в щепки этот дом. Пистолет, – рычу я.

Симон встаёт и достаёт оружие. Он вкладывает его мне в руку.

Резко разворачиваясь, снимаю предохранитель и вытягиваю кисть вперёд.

– Мудак! – Раздаётся выстрел.

– Ненавижу тебя!

– Ублюдок!

– Трусливая тварь!

Залпы выстрелов оглушают меня, но с каждым из них лучше не становится. Наоборот, подавленное, пугающее меня состояние лишь усиливается.

Тяжело дыша, бросаю взгляд на Симона.

– Надеюсь, что он услышал это в Нью-Йорке, – горько шепчу и кладу пистолет на стол.

– Мэм...

– Не надо, Симон. Он говорит одно, делает второе, а думает, вообще, о третьем. Лазарро самый неадекватный чело-

век в этом мире. И он даже шанса мне не оставил, чтобы понять, что за чертовщина с ним случилась. – Дёргаю головой и приподнимаю подбородок.

– Хм, мэм, вы же...

– Я сделала то, что была должна. Не смей ещё и ты оспаривать моё решение. Лазарро и Итана по горло хватает. Они спелись, как и обычно. Бросили меня здесь одну, абсолютно ничего не понявшую в их поступках. Мало того, мне пришлось ухаживать за шлюхой Лазарро, которую он чуть не убил. Думаешь, я счастлива была это делать? Нет. Мне было противно, что он ни черта не оценил. Надеюсь, что Бруна справится сама, находясь рядом со своей семьёй. – Запускаю пальцы в волосы и стараюсь уgomонить проклятых демонов, терзающих мою душу с той самой ночи. Мне так паршиво.

– Ей уже лучше благодаря вам, мэм. Вы можете гордиться собой, она жива...

Горько бросаю на него взгляд.

– Это не то, чем я хотела бы гордиться. Абсолютно не то, – шепчу и, разворачиваясь, иду в дом. Симон следует за мной, как и ещё несколько парней. Мне оставили их. Надсмотрщики. Они не позволяют мне гулять дальше бассейна и постоянно следят за каждым моим шагом. Они закрыли мой балкон по приказу Лазарро. На самом деле его просто забили деревянными досками, и теперь моя спальня напоминает какой-то загон для скота.

Меня безумно раздражает поведение Лазарро, как и вся

ситуация в целом, и невероятно злит, что он так поступил со мной. Мало того, я уверена, что он участвует в чёртовых оргиях, чтобы сделать мне больнее. Хотя чему я удивляюсь, ему зачастую наплевать на меня. Ненавижу его.

Лежу на постели, откровенно поплёвывая в потолок. Тишина и бездействие меня изводят. Бессилие в этой ситуации тоже. Я больше не знаю, что думать.

Так проходит ещё один день до тех пор, пока в моём закрытом мире не раздаётся стук в дверь.

– Мэм, у ворот посетитель. Он просит пропустить к вам.

Подскакиваю с постели и подлетаю к двери.

– Кто это? – распахивая дверь, живо интересуюсь. Хоть бы Карл. Единственный, кто может немного вырвать меня из лап меланхолии и всё прояснить.

– Марта, мэм.

– Пошла она в задницу, – шиплю я.

– Мне так и передать? – усмехается Симон. – Вы же должны понимать, что если я это сделаю, то Сэл будет крайне недоволен.

Обиженно вздыхаю и передёргиваю плечами.

– Тогда я скажу ей об этом в лицо. Пусть проезжает, – фыркая, закрываю дверь.

– Я прикажу, чтобы стол накрыли в гостиной, мэм...

– Плевать, она здесь не задержится, – бросаю через дверь.

Сбрасываю халат, в котором я хожу все эти дни. Босая. Голая. В халате. Переодеваюсь в джинсы и топик, обдумываю

вая, зачем Марта сюда приехала. Она мне не нужна. Она меня предала, и я её не простила. А в таком состоянии я точно могу наговорить много лишнего, но она источник новостей. Сплетница. Я не знаю, были ли ещё трупы на территориях, что, вообще, происходит в Нью-Йорке, и как Лазарро собирается решать создавшуюся проблему. Он мне даже на сообщения не отвечает. Он меня заблокировал, как сказал Симон. Псих.

Спускаюсь вниз, и в нос сразу же ударяет аромат духов Марты. Кривлюсь, но натягиваю дружескую улыбку.

– Лавиния, дорогая, рада тебя видеть. – Она широко улыбается и подходит ко мне, но я быстро обхожу её и становлюсь за диваном.

– Не могу сказать того же, но ты хотя бы развлечёшь меня. Чай, кофе или что-то покрепче? – Я играю роль радушной хозяйки, приглашая её присесть на софу напротив меня.

Марта не подаёт виду, что я её как-то задела. С улыбкой садится и отмахивается от предложения.

– Не стоит. Думаю, нам нужно кое-что обсудить.

– Правда? Какая тема дня сегодня? – усмехаясь, откидываюсь на диване.

– Ты и Лазарь. Эта тема не исчерпает себя никогда. Я хочу спросить: какого, мать его, хрена ты сделала? – Её лицо искажается от гнева.

– Не твоего ума дело. Занимайся своей семьёй, ведь ты так о ней печёшься, что позволила себе подставить Карла.

К слову, как он? Я скучаю, и мне жаль, что ты влезла в наши отношения...

– Лавиния, да хватить нести всё это дерьмо! – выкрикивает Марта.

– Прости, но я вижу только одно дерьмо здесь, это ты. Думаешь, я буду дальше тебе что-то доверять? Ошибаешься. Ты за моей спиной настроила Лазарро против Карла и наоборот. Из-за тебя он взбесился. И вообще, тебе плевать на меня, поэтому не играй роль милой свахи. Бесишь, – ядовито выговариваю ей.

– Я должна была так поступить, Лавиния. Я тебе уже говорила: Карл мне дорог...

– Конечно, – закатываю глаза.

– Я обязана думать о его будущем. Если у Лазаря с ним будут проблемы, то при голосовании он никогда не отдаст свой голос за него, как за Босса. Тем более ты играешь с Карлом, чтобы сильнее разозлить Лазаря. Я не могла это допустить. Я клялась защищать свою семью, для которой ты опасна. Ты опасна для всех, видимо. И кто бы мог подумать, да? Манерная англичанка превратилась в дьяволицу и соблазнительницу, разбудив хищников, – произносит Марта, передёргивая плечами.

– Я никогда не играла Карлом. Он мне дорог, как друг и, может быть, даже больше, я не знаю. Но именно ты разворошила змеиное гнездо, и меня ужалили. Из-за тебя Бруна чуть не погибла, а мне пришлось встать на чёртов балкон, прыг-

нуть оттуда, не зная, успеет ли Лазарро поймать меня или нет. Ты думаешь только о себе и своей семье, а мне приходится думать о каждом из вас. Не находишь, что это нечестным? – зло прищуриваясь, спрашиваю.

– Никто не просил тебя брать на себя такую ответственность. Пусть бы Лазарь убил Бруну, тебе какое дело. Ты сама на это решилась, так что не приплетай меня. И тебе нужно остановить Лазаря, только ты это и сможешь. По этой причине я здесь. Успокой его, – примирительно произносит она.

– Уволь. Пусть выпустит пар, за этим весело наблюдать, – хмыкаю я.

– Правда? А как же твои мысли о верности, Лавиния? Тебе приятно чувствовать себя брошенной, пока он выпускает пар с другими девицами? Не ты ли была за чистоту ваших отношений? – Это удар. Сильный удар по моему самолюбию. Дёргаюсь и сжимаю кулаки.

– Насколько я знаю, то сегодня его пригласили на одну довольно интересную вечеринку. Лазарь собирается пойти туда, и уж точно он не останется там в одиночестве. Чёрт побери, возьми себя в руки и угомони уже этого психопата! Не угомонишь ты, ему будет плохо на совете, который собирается созвать Сэл, чтобы обсудить происходящее. Трупы появляются каждый день, а Лазарь прячет тебя здесь. Это уже задолбало! Или ты приводишь в чувство Лазаря, или это сделают другие. Выбор за тобой. – Марта резко встаёт и хватается сумочку.

– И да, могу сказать, что я горда тем, как ты ответила им. Я горжусь тобой, Лавиния. Жаль, что я не была в своё время так умна, как ты. Но тебе нужно многому учиться. А для начала необходимо прекратить убийства, из-за тебя страдают невинные девушки, и их с каждым днём становится больше. Спаси своего Босса, Лавиния. Он нуждается в тебе, но никогда об этом не скажет, ведь гордость для него превыше всего. Сделай шаг навстречу ему. Всё то, что он творит, только ради тебя. Он проверяет тебя на выносливость, и безразличие мужчин ранит больше всего. – Она уходит, оставляя после себя неприятную горечь внутри.

Лазарро никогда не был примерным мужчиной, а я всегда была правильной женщиной. Теперь же пора показать, что он со мной сделал.

– Симон!

– Да, мэм. – Он сразу же появляется в гостиной.

– Ты всё слышал. Она правду сказала? Лазарро снова собирается к своим рабыням? – мой голос клокочет от ревности.

– Да, мэм.

– Он спал с кем-то до этого?

– Мэм...

– Скажи мне, – прошу, приближаясь к нему. – Скажи. Мне это необходимо знать. Это важно для меня.

– Секса не было. Наказания были. Минет был. Он каждую ночь после дела проводит в своём клубе.

Прикрываю глаза от боли. С Лазарро в моей жизни всегда будет куча грязи. И ведь сейчас она не обоснована.

– Мэм, Босс не клялся вам в верности, – добавляет Симон. Добивает.

Открываю глаза и тяжело вздыхаю.

– Я знаю, но зачем-то я ему в этом клялась. Где он сейчас?

– На встрече. Затем у него следующая.

– Хорошо. Значит, я еду туда...

– Мэм, это плохая идея. – Симон перекрывает мне путь.

– Я тебя не спрашивала. Ты хороший мужчина хоть и убийца, но это моё право выбирать свою тропу. Я несу за неё ответственность, не ты. И если у Лазарро есть что тебе сказать из-за меня, то пусть скажет мне это в лицо. Больше он не тронет вас из-за меня. С меня хватит.

– Это небезопасно, мэм...

– На удивление, это теперь норма для меня. Весь мир давно уже восстал против меня, и, кажется, я тоже начала к этому привыкать. Мы выезжаем в Нью-Йорк через час. На тебе точное местонахождение Лазарро. Не отвезёшь меня сам к нему, я найду способ сделать так, чтобы он приехал сюда, и вот тогда ты будешь нести ответственность. Оно тебе надо? – Хлопаю его по плечу и направляюсь к себе.

– Он будет недоволен, мэм...

– Не напугал. Лучше ему бояться, потому что сейчас я крайне недовольна его поведением, – цокая, поднимаюсь по лестнице.

Я тщательно собираюсь на встречу с Лазарро. Принимаю душ, укладываю волосы и наношу макияж. Выбираю чёрный брючный костюм и голубую рубашку без рукавов с воротником, обуваю чёрные лодочки на самых высоких шпильках из тех, что есть в моём арсенале. Если встретаться с врагом, то только так.

Спускаюсь вниз и киваю Симону, информируя о том, что готова. Мы выходим на крыльцо, и я надеваю солнцезащитные очки. Опускаюсь на сиденье машины. Мы выезжаем из дома, и за нами следует ещё один автомобиль. Я пока не знаю, что сказать Лазарро. На самом деле за всей этой бравадой скрываются самая обычная женская обида и разочарование, а ещё волнение. Я не видела его довольно долго, а скачки его настроения – всем известный факт. Как он отреагирует на моё появление, я понятия не имею. Но больше так продолжаться не может. Или мы вместе с Лазарро работаем над этим делом, или мне придётся работать с Сэлом. А также слова Марты меня сильно пугают. Лазарро теряет авторитет, и это может пагубно сказаться именно на нём и на его семье. Видимо, только я одна об этом и думаю.

Оказываясь в Нью-Йорке, безынтересно смотрю на то, мимо чего мы проезжаем. Я пытаюсь собраться с мыслями, а их так много.

– Мэм, Босс в этом ресторане. Мы на нашей территории, поэтому сюда никто не сунется, – сообщает Симон. Бросаю взгляд на заведение, одно из самых шикарных на этой улице.

Киваю. Симон выходит из машины и открывает мне дверь. Помогает подняться. Я очень рада видеть других людей. В заточении я немного одичала.

– Ожидай меня. Это не займёт много времени, – бросая, вхожу в ресторан.

– Добрый день, мэ. Вас...

Поднимаю руку, останавливая приветливого менеджера. Снимаю очки и обвожу взглядом зал. Большинство столиков заняты, но я сразу же нахожу Лазарро. Он всегда мог выделиться среди толпы и уж точно слиться с ней у него никогда не получится.

Моё сердце стонет при виде его резко очерченных скул, губ, шевелящихся при ответе незнакомым мужчинам, пальцем, указывающих на стол. Весь его вид какой-то вызывающий. Вульгарный. Пошлый. Опасный.

Лазарро продолжает говорить, а затем его взгляд встречается с моим. Его глаза вспыхивают от ярости, а по моим венам сразу же начинает нестись адреналин. Лазарро замирает на долю секунды. Мне хочется быть сейчас выше, чтобы он не подавлял меня собой даже сидя на стуле. В висках стучит пульс, но я упрямо расправляю плечи.

Я иду к его столику, и Лазарро поднимается. Поправляет пиджак, застёгивая пуговицу, и быстро приближается ко мне. Мы сталкиваемся. Не телами, а чем-то большим. Между нами довольно приличное расстояние, чтобы все присутствующие здесь решили, что мы просто знакомые. И слыш-

ком маленькое, чтобы я не ощутила аромат Лазарро, который он украл у меня.

– Какого хрена ты здесь делаешь? – приглушённо рычит он. – Живо обратно. Это приказ. Нарушишь – я тебя накажу. Тебе не ясно было сказано, никуда не выходить? Ты должна слушать меня...

Поднимаю руку и резко сжимаю её в кулак. Лазарро озадаченно переводит на этот жест свой взгляд. Сам научил.

– Я не займу у тебя много времени, Босс. Всего каких-то три минуты. И ты найдёшь их для меня, – шепчу, улыбаясь ему. Боже, как же хочется его ударить. За те боль и отчаяние, которые он мне причинил. За те волнение и страх, которые я пережила. А он такой же, как и раньше. Мудак.

– Ты бросил меня. Снова. У тебя это вошло в привычку, но ты многому меня научил. Так вот теперь пожинай плоды, Босс. Я отказалась не потому, что захотела показать характер или испугалась. Я отказалась стать твоей любовницей из-за тебя. Из-за того, что увидела в твоих глазах. Ты не смог пересечь черту, а я не из тех, кто насильно заставляет людей что-то делать. Я никогда не соглашусь на это. И никогда не стану частью твоего мира, потому что мы разные, и это не то, что ты хочешь. В ту ночь я думала не о себе, а о тебе и твоём будущем. Не понимаю, почему ты так разозлился, ведь я сделала то, что хотел ты. Так откуда в тебе эта ярость и желание отомстить мне? Или себе? Нам обоим это не нужно. Мы расстанемся и больше не вспомним друг о друге, ко-

гда это всё закончится. Поэтому я предлагаю тебе поднять белый флаг, чтобы начать работать сообща, – делаю паузу, смачивая языком губы.

– У тебя был шанс объяснить мне всё, но ты предпочёл вернуться к началу, что ж я это принимаю, но теперь выберу другую дорогу. Ты говорил, что мой путь к тебе, но сам отвернулся. С меня достаточно такого отношения. С этого момента мы просто случайные знакомые, которым придётся работать вместе. Надеюсь, что ты примешь правильное решение и сможешь со мной обсудить дальнейший план действий завтра утром в твоём пентхаусе, где я буду тебя ждать. А сегодня желаю хорошо повеселиться на вечеринке для мудаков. И да, Босс, – широко улыбаюсь и кладу ладонь ему на грудь. Даже это причиняет боль.

– Не сделаешь сам шаг ко мне, я сделаю его от тебя и буду одна работать над этим. Я хочу скорее вернуться домой и оказаться подальше от тебя, чтобы больше не испытывать отвращения к тому, что после стольких трудов... наших с тобой трудов ты просто взял и извалялся в грязи. Неразборчивый кобель ты, Босс. И ты мне противен, ведь там, на балконе, мне казалось, что теперь всё может быть иначе. Три минуты прошли. До встречи, может быть, на том свете. – Разворачиваясь, иду быстро к выходу.

Мою ладонь покалывает от того, что она больше не чувствует жара его тела. Силы тоже покидают меня, словно я отдала их все на этот разговор, точнее, монолог.

– Мэм. – Симон подходит ко мне.

– Да... да... всё в порядке. Мы можем ехать в пентхаус. Я буду ждать его там. – Провожу ладонью по лбу.

– Это был его приказ?

– Нет, это моё решение. Я... – Краем глаза замечаю старушку с опорой-ходунками. Она едва передвигается по тротуару, и её задевают прохожие. Старушка охает и, не удерживая равновесие, медленно оседает на землю.

– Мэм... – Симон перехватывает мою руку, не позволяя помочь.

– Господи, она упала. Это пожилой человек, Симон. Где твоё сострадание? – возмущаясь, вырываю свою руку и быстро подхожу к женщине.

– Мэм, вы в порядке? – шепчу я. Она поднимает на меня влажный взгляд, моё сердце сжимается от жалости к ней.

– Давайте, я помогу вам. Здесь очень многолюдно, и вам следует быть осторожнее. Людям порой плевать на других. Они даже не обернутся на призыв о помощи. Может быть, вас куда-то нужно отвезти? Я могу попросить шофёра, и он доставит вас в любую точку города, – шепчу, улыбаясь и подхватывая её за руки, и она медленно поднимается.

– Как ваше самочувствие...

– Сукин сын забрал моего мальчика, я заберу его суку, – произносит она, и мои глаза распахиваются от шока. Опускаю их вниз и вижу пистолет, направленный прямо мне в живот.

Шок от ужаса пронзает меня.

Глава 2

Говорили мне – не доверяй жалобным взглядам и слабости, за ними всегда скрывается желание причинить тебе боль. Говорили, да, но моя сущность иная, и я расплачиваюсь за неё дулом пистолета, впившимся прямо в своё тело.

Страх парализует моё сознание, и, кажется, что даже время останавливается. Я смотрю в выцветшие, полные безумия карие глаза женщины преклонных лет, возраст которой меня всегда учили уважать и почитать. И эта пожилая женщина прямо сейчас и по непонятным причинам собирается меня убить. Лёгкий вздох срывается с моих губ. Есть всего пара секунд на спасение, и никто не успеет это сделать за меня. Я уверена, что сейчас последует выстрел без заминок, без каких-либо разговоров.

Опираясь на одну ногу, резко поворачиваюсь в сторону и поднимаю руки.

– Симон, в сторону! – одновременно с резким движением корпусом кричу я.

Пуля вылетает из пистолета, задевая край моего пиджака, развевающегося от моего быстрого рывка. Я путаюсь в своих ногах и лечу спиной в зелёную ограду ресторана.

Всё стихает в моей голове. Я лишь вижу, как Симон достаёт пистолет и нажимает на курок. Пуля попадает в старуху. С грохотом падаю и ударяюсь всем телом, скатываясь

на землю, и вижу быстро сереющее лицо с отверстием от пули во лбу. Глаза женщины становятся белёсыми, безжизненными, её пистолет валяется рядом. Даже крови почти нет. Только тонкая струйка течёт по мёртвому лицу.

– Мэм, ну же, мэм. – Меня хватают за шею и немного приподнимают. Всё моё тело парализовано. Симон быстро ощупывает меня. Звуки включаются. Столько криков. Столько паники. Столько страха.

– Не приближайтесь. У нас съёмки. Не пересекайте линию. Это фильм, – раздаётся где-то мужской голос, но люди смотрят на нас. Они окружают нас, а мои губы подрагивают.

– Какого хрена здесь происходит?

Я снова падаю на землю. Симон отпускает меня. Ударяюсь затылком об ограду, но меня вновь подхватывают.

– Белоснежка! – Ладонь Лазарро проходит по моему лицу. Он рывком поднимает меня на руки и, прижимая к себе, быстро идёт куда-то.

– Реши здесь всё. Быстро. И узнай, что это за сука, – бросает Лазарро. Он сажает меня в машину. Я просто смотрю вперёд и ничего не вижу, кроме мёртвого лица с отверстием от пули во лбу. Меня хотели убить... снова.

Моё тело дёргается назад, когда Лазарро даёт по газам. Тошнота поднимается по пищеводу вверх.

– Меня сейчас стошнит, – шепчу я. Кровь отливает от лица. Меня нещадно мутит.

– Сейчас. Потерпи. Немного. Белоснежка, дыши. Глубо-

кий вдох и длинный выдох, – громко произносит Лазарро. Но я не могу дышать. Я не могу ничего сделать. Я попросту давлюсь своей рвотой и хватаюсь за ручку на двери.

– Открой... открой... – я дёргаю за неё. Свист тормозов. Его крик, и затем я вылетаю на обочину. Ноги меня не держат. Мой взгляд цепляется за порванный пиджак. Расталкиваю людей и нагибаюсь над урной. Меня рвёт. Я хватаюсь за урну дрожащими и побелевшими пальцами. Меня рвёт. Снова и снова. Горло дерёт. Я кашляю. Захлёбываюсь. И снова. Меня ничего не волнует. Ничего. Только лицо пожилой женщины с отверстием во лбу. Она ранила кого-то? Пуля из её пистолета ведь должна была в кого-то попасть? Откуда у таких глубоко пожилых людей оружие? Это законно? За что?

Со стоном закрываю глаза и понимаю, что не могу больше стоять. Меня тянет к земле. Но Лазарро подхватывает меня. Снимает с меня пиджак и вытирает мой рот.

– Лучше? – шепчет он, прикладывая что-то холодное к моему лбу. Сквозь приоткрытые веки смотрю на него и слабо качаю головой.

– Поехали. Давай, я приведу тебя в чувство. Это шок. Это нормально, – сухо говорит он без какого-либо сострадания ко мне. Это ранит, а ещё больше ранит то, что я спасла себя ценой чужой жизни.

Лазарро несёт меня обратно в машину и вместе со мной на руках забирается на водительское сиденье, отодвигает его

немного назад и закрывает дверь.

– Радуйся, Белоснежка, ты смогла позаботиться о себе.

Насмешливый тон Лазарро злит, но я настолько обессилена, что даже ударить его не могу. Вообще ничего не могу. Я лишь лежу на нём, пока он со мной на своих коленях ведёт машину.

В груди образовывается пустота. Мои чувства опять выключаются. Мне хочется бежать из этой жизни. Бежать из мрака и холода, из отвращения и боли. В какой-то момент я полностью теряю нить, связывающую меня с реальностью. Знакомый аромат пороха, огня и сладкого дурмана проникает в мой разум. Я помню этот запах. Кожа впитала звук пуль и запах крови. Она впитала в себя все пороки человечества. Она мне очень близка.

Неожиданно понимаю, что куда-то лечу, а потом всем телом ударяюсь о прохладную, скорее, даже ледяную воду, ментально заливающую мой нос. Я дёргаюсь и распахиваю глаза, видя только искажённую водой скачущую картинку. Я задыхаюсь, не могу двинуть рукой или ногой, как вдруг меня вырывает из неё, и кашель разносится по всему огромному пространству. Захлёбываясь кислородом, цепляюсь за горячую мужскую шею и прижимаюсь к ней. Лазарро обхватывает мою голову и отодвигается немного назад. Он стирает воду с моего лица, пока я глупо моргаю и пытаюсь понять, что случилось.

– В порядке? Приходишь в себя, Белоснежка? – припод-

нимая уголок губ, интересуется он.

– Мудак... – хриплю я.

– Признаю, что скучал всему по этому, – смеюсь, он крепко целует меня в губы и плывёт со мной к бортику. Только сейчас я понимаю, что мы в пентхаусе, в бассейне, и здесь очень пусто. Раньше был целый розарий, но теперь лишь одинокое искусственное зелёное покрытие.

– А где всё... цветы... зелень? – шепчу, когда он сажает меня на бортик. Лазарро даже не разделся. Он как и был в костюме, так и прыгнул, и моя туфля проплывает у него за спиной.

– Они...

– Меня хотели убить, – вспоминаю я. Дрожь снова проходит по телу.

– Ну, всё, вернулась, – цокает Лазарро и выпрыгивает из воды. Он садится рядом.

– Она сказала: «Сукин сын забрал моего мальчика, я заберу его суку». Что это значит? – нервно хриплю.

– Блять. – Лазарро передёргивает плечами и отклоняется назад, облакачиваясь на локти.

– Я задала вопрос и так понимаю, что это точно не заказ моего работоторговца. Да? – Бросаю злой взгляд на Лазарро.

– У тебя макияж потёк...

– Отвечай! – Ударяю его по бедру, и он шипит. Взгляд наполняется яростью.

– И не смей орать на меня, ты заслужил, Босс. Кто это был,

и кого ты снова убил? – цежу я.

Лазарро цокает языком и чмокает губами так, словно дохлую крысу съел.

– Её внука я убил за предательство. Он был одним из тех, кто впустил на мою территорию итальянцев, которые устроили взрыв, и я потерял своих людей, – нехотя говорит Лазарро.

Шумно вздыхаю и провожу ладонью по мокрым волосам. Смотрю на гладь воды и ударяю по ней ногой.

– Она решила отомстить тебе, – делаю я вывод. – Только вот она не была в курсе того, что тебе насрать на меня. Бесмысленная смерть.

– Теперь ты убьёшь все их семьи? – тихо спрашиваю.

– Я ещё не решил.

– Значит, да, – фыркаю я. – Не находишь это чересчур необоснованным? Хотя ты, в принципе, король необоснованных поступков. Всё в твоём духе. Она просто была в трауре, и горе вело её...

– Начинается. Опять ищешь оправдания. Тебя, мать твою, чуть не пришили, а ты всё ищешь и ищешь их! Что, блять, должно случиться, чтобы ты перестала это делать? Что? Глупая Белоснежка!

Лазарро зло приподнимается и шлёпает к выходу из бассейна.

– А ну, вернись! Я с тобой ещё не закончила! Босс!

Он, не обращая внимания на мои крики, спускается

по лестнице. Яростно подскакиваю на ноги, меня ведёт немного в сторону, но я концентрируюсь на своей цели.

– Лазарро! Я не ищу ей оправданий, просто понимаю причины её поступка, вот и всё! Лазарро!

Дверь хлопает, но я нажимаю на ручку и влетаю в его спальню. Охаю от того, что вижу. Здесь только матрас. Один матрас и свалка вещей, разбросанных по всему полу, помимо этого, куча пистолетов, автоматов и коробки с пулями.

– Пошла на хрен, – рычит, бросая в меня мокрым пиджаком, но я отскакиваю.

– Хватит уже. Хватит этого твоего характера, Лазарро. Что здесь, чёрт возьми, случилось? Я была в этой спальне недавно, и тогда здесь стояла кровать. Была гардеробная. И были шторы! Что ты опять натворил? – Всплёскиваю руками, тяжело дыша.

Лазарро вырывает рубашку из брюк и бросает её на пол.

– Молчание не делает тебя умнее, – язвительно замечаю.

– Зато сохраняет тебе жизнь. Я пытаюсь не придушить тебя.

– Почему? Ты можешь объяснить мне почему? Почему ты в таком состоянии? Или скажешь, что ты так сильно расстроился из-за моего отказа? Можно я тебе не поверю? – фыркая, упираю руки в бока.

Он упрямо продолжает молчать, снимая брюки вместе с боксерами. Проходит мимо меня в ванную, а я следую за ним.

– Ты оставишь меня в покое? Оставь меня в покое, Белоснежка. Я устал от тебя. Мне нужен кислород. Свали. – С грохотом ударяет кулаком по крану и включает душ.

Сбрасываю оставшуюся туфлю и медленно подхожу к Лазарро.

– Чёрт, я чувствую тебя даже на расстоянии. Слышу твоё дыхание. Его даже звук льющейся воды не может перебить. Что тебе нужно от меня, Белоснежка? Ты ещё жива, потому что у меня есть дела поважнее, чем заниматься тобой и твоими выходками. – Лазарро поворачивает голову и пристально смотрит мне в глаза.

– Сидела бы там, где я сказал, ничего бы не случилось. Но нет, тебе нужно было притащить сюда свою задницу. Адреналина не хватало?

– Выговорился? Или ломаешь ещё что-нибудь, чтобы полегчало?

Он рычит и стискивает кулаки, словно готов наброситься на меня и отлупить, как Бруну. Это меня и пугает. С ним что-то не так. После той ночи он стал ещё более агрессивен и зол.

– Я всего лишь просила тебя поговорить со мной нормально. Объяснить мне, что случилось в ту ночь. Но ты бросил меня одну. Ты начал творить безумие с собой и со мной одновременно. Я не понимаю тебя, Лазарро, и вряд ли захочу понять. Прости, что разочаровала тебя в чём-то. Прости, я подожду Симона или кого-то другого в спальне, которую ранее занимала. Оставляю тебя одного, как ты и хотел, – пе-

чально вздыхаю и больше не знаю, что делать с ним. Как достучаться до него? Он как будто закрылся в своём коконе, а причин-то, видимых для меня, нет.

– Белоснежка, – его шёпот ударяет по моему сердцу. Замираю у двери, и глаза наполняются слезами.

– Не надо звать меня, если ты не готов видеть во мне личность и человека, которому можешь довериться. Не зови меня, я не приду. Не зови. Больше не зови, ты потерял это право. Я не готова вновь начинать войну с тобой, переживать то, что было раньше, рисковать своей жизнью, чтобы остановить тебя. Мне паршиво без тебя, Лазарро, а с тобой ещё хуже. С меня хватит всего этого. Ты или начнёшь ловить преступника, или я это сделаю без тебя, но ничего личного между нами больше нет. – Тихо закрываю за собой дверь и выхожу из спальни Лазарро.

На меня наваливается ужасная апатия. Я все силы отдала на первый разговор с ним, затем на то, чтобы увернуться от пули и на шоковое состояние. В данный момент я не испытываю романтических чувств, лишь печаль оттого, что когда увидела его, моё сердце снова забилося быстрее. Не хочу влюбляться в Лазарро. Не хочу больше видеть в звере человека. Не хочу. Но я вижу. Это меня убивает. Я страдаю без него, а он просто в гневе ломает мебель.

С тяжёлым вздохом оглядываю пустую комнату с ободранными обоями. В стенах даже дырки от пуль остались. Что же ещё здесь случилось? Зачем он всё это делает? Зачем

всё портит? Разве Лазарро не видит, что строить куда сложнее, чем просто поддерживать чистоту? Он думает, что всё можно купить. Нет. Я считала, что смогла показать ему это, но, видимо, сдалась раньше, чем он понял мою мысль.

Умываюсь в полуразрушенной ванной. Выжимаю свои волосы, а одежды-то здесь нет. Она, вся изодранная и сложенная в большие пакеты, находится в том месте, где раньше была гардеробная. Мне уже не хочется видеть, что он сделал со всем пентхаусом. Он его уничтожил. Он мастер уничтожать всё хорошее. Псих.

В мокрой одежде всё же спускаюсь вниз и печально смотрю на голые стены. Просто голые. Только кухня осталась. Даже стёкла на балкон выбиты, и их ещё не успели вставить. Ужасно. Отвратительно.

Сажусь на искусственную траву на балконе, думая, что так моя одежда высохнет быстрее. Притягиваю колени к груди и закрываю глаза.

Кожей чувствую, как кто-то оказывается рядом со мной. Распахиваю глаза и поворачиваюсь. Лазарро, стоящий в одном полотенце, обёрнутом вокруг бёдер, протягивает мне бокал с алкоголем. В его руке такой же, и рядом стоит бутылка.

Усмехаясь, беру бокал и выпиваю содержимое залпом. Алкоголь моментально прожигает желудок и лёгкой вуалью опускается на мой разум, немного расслабляя его. Лазарро обновляет мой бокал и садится так же, как я, упираясь лок-

тями в колени. Я молчу, жду, когда он решится на разговор, который нужен нам обоим. Очень нужен. И то, что он пошёл хотя бы на такой контакт, меня немного радует.

– Я был очень зол на тебя, – его голос хрипит. Он прочищает горло и выпивает зараз виски. Наливает себе ещё.

– Почему? – шепчу я. – Ты же не хотел этого. Разве я не права?

– Ты права. Я был зол на то, что ты не подумала о себе. Так ты не выживешь, Белоснежка. Здесь нет близких людей, есть только ты. Не важно хотел я этого или нет, но ты должна была защитить себя, став моей любовницей. Выжить, используя меня. А ты осталась всё той же милой и глупой дурочкой. Я сотню раз говорил тебе, что нет в моём мире сочувствия. Только пистолет и пуля. И это лишь первое, с чем ты столкнёшься в будущем. Однажды я просто могу не успеть, – хмыкает Лазарро.

– Значит, так тому и быть...

– Ты, блять, издеваешься? – рычит Лазарро, сверля меня яростным взглядом.

– Послушай, Босс, у тебя своя жизнь, у меня своя. Ты принимаешь свои решения, я свои. Я не жалею о том, что отказалась стать твоей любовницей. Я не она, и ты знаешь об этом. Для меня важно, чего хочешь ты. Важно. Намного важнее, чего хотят другие. И я тоже не хотела этого. Не хотела, понимаешь? Это не моя дорога. Я постараюсь быть более внимательной в следующий раз и обещаю, что буду всеми сила-

ми пытаться не подставить твоих парней. Они не виноваты в том, что у меня ещё живо сердце. И оно болит за вас. Мне жаль, что тебе придётся понести убытки из-за меня, но решение своё я не изменю.

– Это глупо, – говорит он, качая головой, и мы вместе делаем глоток алкоголя.

– Пусть, – пожимаю плечами.

Повисает молчание, в котором я просто сдаюсь.

– Я бы, вообще, хотела, чтобы ты отдал меня ему. – Бро-саю на Лазарро взгляд и вижу, как он крепко сжимает зубы, зло двигая челюстью.

– Ты не думал о том, что, отпустив меня к нему, сможешь поймать его? И не важно, убьёт он меня или нет, ведь это проще, чем тратить деньги на моё содержание, своё время и силы, когда это не даст никаких плодов.

– Что за хрень ты несёшь, Белоснежка?

– Почему ты так говоришь? Это разумно. Если ты проследишь за мной, то есть большая вероятность, что выйдешь на работорговца моментально. Он не упустит возможности сам прийти за мной. Я помню его. Ему нравится наслаждаться мучениями своей жертвы. Он получает удовольствие, когда она сдаётся. Так почему бы всё это не прекратить? Ты явно уже сходишь с ума из-за того, что происходит, а я... просто знаю, что наши дороги разошлись в ту ночь. Так отпусти меня по этой дороге, Лазарро. Отпусти, и всё решится быстрее, чем если ты вновь потянешь меня за собой.

Лазарро потирает переносицу и хмыкает.

– Ты думаешь, я не разрабатывал эту схему? – цокает он.

– Я не знаю, что ты разрабатывал. Ты никогда этим не делился со мной, поэтому мне пришлось приехать самой. Так что дальше? Ты отпустишь меня?

Лазарро медленно поворачивает ко мне голову.

– Ты хочешь уйти?

– Если это поможет, то да. Я уже высказала свои мысли насчёт работорговца, как и вариант его поимки, – уверенно киваю.

– Что ж, хорошо. У меня есть предложение для тебя, Белоснежка. Я отпущу тебя, но при одном условии: ты не обернёшься, когда будешь уходить.

Хмуро сдвигаю брови.

– Не понимаю. То есть, я не должна смотреть назад? Или это какая-то аббревиатура?

– Именно она. Я дам тебе свободу, хотя ты и до этого была свободна. Ты пойдёшь туда, куда глаза глядят. Никто тебя не остановит. Но главное условие – не оборачиваться назад. Ни при каких обстоятельствах. Сможешь уйти без оглядки – делай что знаешь и проверяй свою идею. Ты согласна? – На его губах играет гадкая улыбка. Что ещё он задумал?

– Идёт. Я согласна.

Лазарро ударяет по моему бокалу своим и приподнимает его.

– Тогда нас ждёт незабываемая ночь.

Только от одного его взгляда мурашки бегут по моей коже, а кровь вспыхивает от адреналина. Лишь бы это не было очередной уловкой Лазарро. С его фантазией и неадекватными поступками я опасаясь, что он приготовит мне сотню ловушек.

Глава 3

Испытания, наверное, никогда не закончатся в моей жизни. Я с этим смирилась, как и с тем, что она больше не будет прежней. Даже если мне и удастся вернуться в Англию, то я больше никогда не смогу вести привычный образ жизни. Лазарро посадил меня на адреналин. Я понимаю это и пытаюсь бороться, но всё безуспешно. Он был прав, это хуже наркотика. Ломка, похожая на волнение от незнания вначале проявляется слабо. Затем она становится сильнее, усугублённая привезённым для меня полупрозрачным чёрным платьем в пол, роскошными туфлями и шёлковым зелёным нижним бельём. Она наполняет разум практически до краёв, когда ночь опускается на город, и Лазарро поправляет галстук-бабочку. Она покалывает в каждом уголке моего тела, когда он касается моих обнажённых плеч, и на шее вместе со словами: «Для моей Белоснежки. Прощальный подарок» оказывается тяжёлое изумрудное кольцо. Она вынуждает кровь нестись всё быстрее, когда Лазарро сам опускается на колени и подхватывает мою ногу, обувая на неё туфельку. Она взрывается, точно попкорн, в моих венах, когда он оглядывает меня, и его глаза горят ярче от наслаждения.

– Я голая, – провожу пальцем по тонкой материи платья на своём бедре. – Насколько я помню, раньше ты рычал и ругался из-за этого.

– Всё в этой жизни меняется, Белоснежка, – усмехаясь, Лазарро ведёт меня по полуразрушенному пентхаусу, и мы спускаемся вниз. Укол боли от его безразличия пронзает моё сердце. Адреналин бушует, вызывая злость и обиду. Он остыл ко мне. Перегорел. Его интерес погас. Но я чувствую какую-то особую перчинку в своих мыслях. Пытаюсь разочароваться в себе или в нём. Не могу. Что-то, определённо, не даёт мне это сделать. Может быть, то, что он прижимается всем телом ко мне, стоя позади, и его дыхание теряется в моих волосах. Может быть, то, что он так медленно и даже машинально водит пальцем по моей ладони, вынуждая моё тело отвечать пиком возбуждения. Может быть, то, что его глаза напоминают звериные, как только мы выходим на парковку, а все мужчины быстро опускают глаза в пол. Может быть, то, что он останавливает меня и сам помогает сесть в машину, словно невзначай проводя по моей пояснице пальцами и оставляя обжигающий мазок возбуждения.

– Итак, я хочу уточнить: ты даёшь мне шанс уйти от тебя и свободно передвигаться по городу, чтобы стать приманкой для работарговца? – нарушая тишину, замечаю, что мой голос понизился до хрипоты.

– Всё верно, Белоснежка, – кивает Лазарро.

– Хорошо, но зачем всё это? Куда мы едем? – спрашиваю его.

– Я должен убедиться, что ты не врёшь мне. С каких-то пор я перестал понимать реакцию твоего тела и ход твоих

мыслей. Поэтому это всё лишь для меня. Я хочу быть спокоен, зная, что ты не настолько привязалась ко мне и к моему миру, чтобы вернуться к нам.

– То есть ты не понимаешь? – удивляюсь я. – Неужели, я могу обмануть знаменитого «стрелка» Лазаря Михея Ромариса?

Он бросает на меня резкий взгляд, обдавая моё тело горячей волной удовольствия.

– Повернись, – приказывает он.

Подавляя победную улыбку, подчиняюсь ему. Мне на глаза ложится повязка, и я сразу же хватаю запястья Лазарро.

– Это испытание, Белоснежка. Ты на него согласилась.

– Ты не рассказал мне обо всех условиях. На это я не соглашалась, – возмущаюсь и чувствую, как он придвигается ближе.

– Надо было уточнять сразу. Первая ошибка, но она не столь важна. Белоснежка, не лишай меня шанса в последний раз увидеть тебя порабощённой мной, – шепчет Лазарро мне в ухо, и я ломаюсь. Моё тело изнывает без него, но разум помнит, что этот мужчина изменщик и никогда в верности мне не клялся.

– Что ж, ладно. Лелей своё эго до поры до времени, Босс, потому что я собираюсь нанести сокрушительный удар по нему, – едко фыркая, закрываю глаза.

– Я жду этого, Белоснежка. Я сумасшедший в своём желании увидеть твою спину и поохотиться за ней. – Лазарро

неожиданно кусает мочку моего уха, отчего я подпрыгиваю на месте. Он смеётся низким, бархатным тембром и завязывает повязку.

– Но сейчас отодвинься. Ты сам уехал, тебе не привыкать демонстрировать своё отвращение ко мне. – Дёргаю плечами, сбрасывая его руки. Да, я ревную. Сильно. Лазарро каждым своим действием намекает на ту связь, которая была между нами, но он сам виноват. Остался бы и высказал свои претензии в ту ночь, было бы всё иначе. А так...

Лазарро смеётся, и тепло его тела отдаляется от меня. Сглатываю горечь разочарования.

– Я никогда не давал тебе обетов, Белоснежка. Ты насколько оскорблена дюжиной минетов?

Чувствую его ладонь, ложащуюся мне на бедро. Резко снимаю её и отбрасываю от себя, поджимая зло губы.

– Ты ревнива, а когда-то обещала, что не будешь закатывать мне сцен, – нагло припоминает Лазарро.

– А ты обещал, что будешь рядом и не заставишь меня снова бояться своей тени. Так что мы оба не сдержали своих слов, – дерзко парирую.

– Думаешь, что справишься с моим заданием, Белоснежка? Осмелела? – рычит он мне на ухо.

– Я не думаю, а знаю это наверняка. Ничто и никто не заставит меня обернуться. Никогда. И это не смелость, а желание поскорее забыть тебя и то, что ты сделал со мной, – цежу я.

– Ты так сильно обижена. Я, конечно, знал, что внутри тебя скрыт небывалый темперамент, но чтобы настолько... Видимо, я сделал ошибку, оставив тебя, Белоснежка, надо было трахать тебя до тех пор, пока ты не начала бы молить о пощаде за свою выходку. Впредь буду знать, насколько ты выносливая на самом деле.

Мою щёку обдаёт его дыханием. Лазарро едва касается моей кожи губами, а я уже чувствую его рот на себе. Он специально это делает. Возбуждает меня. Играет со мной. Сбивает с поставленной цели. Пусть алкогольные пары ещё не выветрились, а моё состояние из-за смерти старушки ещё не восстановилось, но я, чисто из принципа, выиграю эту гонку. Утру ему нос, чтобы не задирает его и понял, насколько я устала от смены его настроений.

Машина останавливается. Лазарро помогает мне выйти из неё и ведёт за собой. Я чувствую аромат зелени и прохладу. Мы на улице. Затем останавливаемся на пару мгновений, пока громкая музыка и смех не начинают разрывать мои барабанные перепонки. Ладонь Лазарро скользит по моей талии, и он ведёт меня рядом с собой. Не знаю, куда мы идём и где находимся, но подозреваю, что эта та самая вечеринка, куда его пригласили ранее развлечься. Порнография в его извращённом мире боли. Стараюсь сконцентрироваться на шагах, но мы постоянно с кем-то сталкиваемся. Я путаюсь. Мы идём направо, затем останавливаемся и разворачиваемся. Потом вновь направо. Поднимаемся по лестнице

и снова останавливаемся. Лазарро специально меня путает, чтобы я не поняла, каким путём вернуться. Я знаю, что он задумал. По крайней мере, догадываюсь. Он выпустит меня в этом мире и будет наблюдать за тем, как я миную каждую, установленную на моём пути, ловушку в виде похотливых козлов. Ничего. Я справлюсь. Я так зла. Внутри меня так много адреналина, что я готова на многое, только бы выиграть.

Музыка стихает, я слышу голоса. Их много. Смех. Звон бокалов. Стук дверей. Звуки сменяются на более чувственные, шум стихает, и вокруг становится практически спокойно. Мои шаги разносятся эхом в пространстве. Лазарро продолжает плутать, но я уже не считаю шагов, это бессмысленно. Он умнее меня и хитрее, это я признала уже давно. А его извращённая фантазия куда хуже, чем у самого дьявола.

Лазарро останавливается и несколько раз поворачивает меня вокруг своей оси. Козёл. Голова немного кружится, я оступаю и нахожу опору в его груди.

– Ты долбаный ублюдок, – шиплю я.

Его смех. Его ладони. Его дыхание. Мои рецепторы становятся чересчур чувствительными.

– Итак, Белоснежка, благодарю за комплименты, но перейдём к делу. Условия следующие: оглядываться назад запрещено, смотреть назад запрещено, шагать назад запрещено. В общем, всё, что связано со словом «назад», для тебя табу. В каждой комнате есть сквозная дверь, и любая из них

ведёт к параллельным коридорам. В этом месте нет ограничений. Сюда приводят лишний груз, если ты понимаешь, о чём я...

– Прости? – поперхнувшись от его слов, переспрашиваю.

– То есть тех, от кого хотят избавиться. Бывших парней, партнёров или любовников для того, чтобы все могли найти себе развлечения и забыть друг о друге безболезненно. Лишний груз, – нахально поясняет он.

– Выходит, так ты меня видишь, – шиплю я.

– О-о-о, совсем наоборот. Это ты меня так видишь. Ведь именно ты решила уйти от меня, Белоснежка, я лишь пытаюсь отпустить тебя. Условия поняла?

– Прекрасно запомнила, – зло цежу.

– Дам тебе фору в десять секунд, а затем буду наблюдать. Задержишься здесь, я тебя поймаю. Сможешь добратся до выхода – отойду в сторону.

– Клянёшься?

– Клянусь.

– Тогда приступим. Я хочу скорее сбросить лишний груз, – буквально выплёвываю слова. Надеюсь, ему так же противно, как было мне, когда я узнала о его похождениях.

Лазарро грубо разворачивает меня и медленно стягивает с глаз повязку. Неожиданно свет словно ослепляет меня. Несколько раз моргаю и охаю, с ужасом смотря на сотню зеркал, расположенных вокруг нас.

– Какого чёрта? – шепчу, оглядываясь по сторонам. Это

зеркальный лабиринт.

– Одно из развлечений. И я не удерживаю тебя. Вперёд, Белоснежка, гномы заждались. – Лазарро хлопает меня по ягодице, и я с вызовом смотрю на него.

– Уже попалась. Ты обернулась. Назад. Ко мне, – самодовольно ухмыляется.

– Игра ещё не началась. Считай и увидишь, как сильно я тебя презираю, неуравновешенный мудака, – цежу я.

– Ты сегодня крайне красноречива, а мне это так нравится. Раз, – выдыхает он.

Отворачиваюсь и иду вперёд, как сразу же натыкаюсь на зеркало. За спиной раздаётся смех.

– Два.

Чертыхаясь про себя, быстро иду вбок и вожу ладонями по зеркалам, ища выход. Везде отражается Лазарро, наблюдающий за мной с ехидством. Терпеть его не могу.

– Четыре.

Хватаюсь за край зеркала и юркаю в коридор. Быстро иду по нему.

– Шесть.

Снова натыкаюсь на зеркало.

– Девять.

Мой пульс подскакивает, и я срываюсь вместе с ним на бег. Нельзя оборачиваться.

– Моя Белоснежка, ты ещё здесь?

Вскрикиваю, когда Лазарро появляется в отражении.

Несусь вдоль зеркал, постоянно сворачивая в разные стороны, слыша звук его размеренных шагов.

– Ты обещал не мешать! – выкрикиваю, прижимаясь к зеркальной стене.

– Ошибаешься, никогда не обещал такого. Наоборот, я буду тебе мешать.

Мне кажется его голос везде.

– Это нечестно! – возмущаясь, иду дальше.

– А мир, вообще, дерьмо, Белоснежка. Он одна огромная тюремная камера.

Хочется обернуться, но я упрямо двигаюсь дальше, натываясь снова и снова на зеркала. Моё собственное отражение уже вызывает тошноту.

– Мы заключённые.

Вздрагиваю, когда шёпот Лазарро раздаётся прямо за спиной.

– Не смей, – цежу, плутая по коридорам. Он идёт следом. Я вижу его. Если мои шаги быстрые, то его скучающие и спокойные. Но выражение его глаз, как у зверя, вышедшего на охоту, меня подавляет. Я знала, что испытание не могло быть лёгким, но в действительности оно оказалось безумно сложным. Ненавижу зеркала. Ненавижу это ощущение беспомощности. Оно лишает сил. Но я упрямо иду вперёд.

– Мы оба закованы в цепи, и тебе нравятся мои цепи, – летит в спину.

Сцепляю зубы. Меня раздражает то, что выхода отсюда

нет. Краем глаза замечаю отпечатки своих рук, и меня пронзает догадкой. Я буду помечать зеркала. Облизываю палец и прикладываю его на стекло, проводя им по каждому зеркалу.

– Bravo, Белоснежка! – Смеясь, Лазарро издевательски хлопает. Но я стараюсь абстрагироваться от его голоса, утягивающего назад. Никакого назад. Я закончу всё это сегодня.

Мы ходим по кругу, пока я не сворачиваю в разные стороны и не проверяю каждый проход. Победно улыбаюсь, замечая чёрную ткань в отражении. Выход.

Добегаю до неё и распахиваю. Горячий воздух из тёмного коридора сразу же ударяет по лицу. Свет здесь приглушён, и есть люди. Практически голые женщины стоят у стен, а их зажимают мужчины, либо сами женщины.

– Я даже не удивлена. Очередное место под стать тебе, Босс. Такое же грязное, как ты сам, – фыркаю, чувствуя его за своей спиной.

– Будь проще, Белоснежка, – усмехается он.

– Да пошёл ты. – Иду дальше по коридору, не смотря на людей. Замираю, понимая, что не слышу шагов у себя за спиной. Мне хочется обернуться, чтобы проверить, где Лазарро. Позади раздаётся женский стон и рычание Лазарро. Сукин сын. Сцепив зубы, сразу же догадываюсь, что он уже увлёкся кем-то. Ненавижу. Ревность меня изводит. Но кто я такая, чтобы ревновать его? Вот и нужно помнить об этом, а не тешить себя иллюзиями.

Мне навстречу идёт высокий мужчина. Он не сводит с меня глаз и плотоядно облизывается. Нельзя делать шаг назад. Лазарро сказал, что везде есть сквозные проходы. Резко толкаю дверь справа от себя и юркаю внутрь. Быстро закрываю дверь и, шокированная, замираю. На огромной кровати сплетены мужские и женские тела. Они оборачиваются ко мне. Хочется бежать отсюда. Я чувствую, как ручка под моей рукой опускается вниз, и как ошпаренная, пряча взгляд от обнажённых тел, прохожу мимо кровати и толкаю ещё одну дверь.

– Чёрт возьми, – шепчу я. Полностью чёрная комната, и в ней всего один фонарь, к которому привязан мужчина. Женщина в чёрном белье ударяет его ремнём по бедру, и его член дёргается.

– Красавица, можешь попробовать, – шёпот незнакомца пробирает до костей.

Я просто иду вперёд, поражённая увиденным. Они ничего не стесняются. Хотя чему я удивляюсь. Это ведь стихия Лазарро. И, кстати, где он сам? Неужели, так просто сдался, и секс его привлёк быстрее, чем итог нашей игры? Козёл.

Нахожу дверь и открываю её. Лучи света сразу же падают мне на лицо. Вижу несколько шестов, на которых крутятся девушки, и сидящих напротив их мужчин. Чёрт, я не хочу проходить мимо них и их плотоядных взглядов. Страх пробирает меня до мурашек, когда один из них, одетый в классический костюм, поднимается и направляется ко мне. Сры-

ваюсь на бег и несусь к другой двери. Уже не представляю, что меня может ждать за ней. Хлопаю дверью у себя за спиной и оказываюсь в очередной спальне, но здесь тихо. Слишком тихо. Прохожу мимо кровати и слышу из темноты угла рычание. Дёргаюсь в сторону, а на свет выползает мужчина в наморднике.

– Цербер, сидеть! – В темноте щёлкает плеть, и мужчина скулит.

– Милая, хочешь поиграть с моим мальчиком?

Охаю от предложения.

– Благодарю, но мне это неинтересно, – цежу я.

Боже мой!

Вылетаю в коридор и натываюсь на девушку. Она обнажена. Её тёмные волосы спутаны, а губы блестят, как и глаза.

– Отвали, – рычу, отталкивая её от себя, и иду дальше по коридору. Нахожу лестницу, видимо, ту, по которой мы шли вместе с Лазарро. Быстро спускаюсь, придерживая платье. Музыка становится ритмичней и быстрее, как и моё дыхание. Я попадаю в коридор, в котором нет света, а только клубные огни и множество людей. Почему у мужчин столько привилегий? Они здесь в основном одеты нормально, а вот женщины голые. Меня кто-то щиплет за ягодицу, и только я порываюсь обернуться, как одёргиваю себя. Прорываюсь сквозь толпу, но это так сложно. Они все двигаются и не желают облегчить мне задачу.

Неожиданно над головой гремят выстрелы. Испуганно за-

мираю, и меня несёт вместе с толпой влево. Я не могу двинуться. Люди кричат и, зажав меня между собой, тащат в сторону. Выстрелы остаются за спиной, а я цепляюсь за людей, не заботясь о воспитании, и настойчиво прорываюсь вперёд до тех пор, пока не нахожу дверь и, открыв её, врываюсь в нечто, похожее на цирковую комнату. Здесь идёт представление. Стоят несколько стульев, и все они заняты. На сцене находится женщина, привязанная к крутящемуся деревянному кругу. В центр сцены выходит мужчина в маске, подбрасывающий в руке нож. Он швыряет его в девушку, и я, охая, закрываю рот рукой от ужаса и страха. Нож падает куда-то рядом с её бедром, вызывая этим бурную реакцию у присутствующих. Дёргаю головой, сбрасывая наваждение. Медленно иду вдоль стены и затем вперёд. На меня никто не обращает внимания, я без затруднений нахожу ещё одну дверь.

С облегчением прижимаюсь к ней спиной, тяжело дыша. Аромат сигарет наполняет воздух. Впереди вижу крест с распятой на нём девушкой. Рядом стоит мужчина, изо рта которого вырывается сигаретный дым. Он бросает на меня взгляд, его грудь быстро поднимается, а ладонь скользит по алым ягодицам девушки. Сглатываю от воспоминаний. Я была в такой же ситуации. Мужчина отходит немного в сторону и с силой ударяет девушку ремнём. Она визжит, но её не слышно из-за кляпа. Моё сердце дерёт.

– Простите, – шепчу, быстро проходя вперёд. Нет, я не бу-

ду это вспоминать. Не буду.

Открываю дверь в следующую комнату. Шокированная видом, оглядываю поистине королевский зал. Здесь так светло и богато. В центре вижу пару, вальсирующую по всему пространству. Это что, какая-то шутка? Мужчина специально наступает девушке на ногу, и она кривится от боли. Заторможенная от всех впечатлений иду дальше, наблюдая, как пара борется, и сразу же отворачиваюсь. Распахиваю следующую дверь и оказываюсь в салоне самолёта. Вижу девушку, связанную и лежащую на одном из кресел. Она бросает на меня взгляд, умоляя о помощи. Сглатываю. Мою кожу покрывают мурашки. Что за чертовщина? Медленно двигаюсь дальше и открываю шторку. Мой рот открывается при виде мужчины, трахающего в рот стюардессу. Поднимаю взгляд на его лицо, и он улыбается, приоткрыв губы. Дёргаюсь от этого зрелища в сторону. Он сильнее стискивает женские волосы, а я быстро толкаю дверь и хлопаю ей за собой. Мой слух сразу же привлекает звук цикад и шум прибоев, в лицо откуда-то дует влажный ветер. Оглядываясь, понимаю, что обстановка комнаты очень похожа на ту, в которой я была на вилле. Какого чёрта? Подхожу к кровати и вижу девушку, она мирно спит, но хлопает дверь, и я дёргаюсь в сторону. Мужчина медленно приближается к ней и хватается её за лодыжки. Она кричит от страха. Нет... нет...

Срываюсь на бег и буквально влетаю в следующую комнату. Это мой персональный ад. Звучит музыка, и я вижу пару,

танцующую в центре пустого зала. Они полностью поглощены друг другом. Она отворачивается от него, отпивающего что-то из бокала, и сбрасывает пеньюар. Опускаясь на колени, она ползёт к нему. Мотаю головой. Что происходит? Это всё не может быть простым совпадением, не так ли? Но как Лазарро удалось всё это разыграть? Он словно показал мне прошлое. Зачем?

Оказываюсь в очередной комнате, в которой нет ничего примечательного. Голые серые стены. Матрас на полу и разбросанная одежда. Замираю, осознавая, что это очень похоже на то, что сейчас представляет собой комната Лазарро. Подхожу к матрасу и поднимаю знакомые чёрные трусики. Клянусь, что сегодня я была в таких же. Не знаю, что здесь происходит, и не хочу знать, но это мои трусики. Мои!

Дверь за спиной хлопает, и я слышу, как щёлкает замок. Нельзя оборачиваться. Нельзя двигаться назад. Только вперёд.

Глава 4

– Это ты, – шепчу, поверхностно дыша.

– Ты уже чувствуешь меня даже на расстоянии, Белоснежка, – приглушённо отвечает Лазарро.

– Что это всё значит? Наказания. Банкет. Самолёт. Стюардесса. Вилла. Пентхаус. Я ничего не забыла? Это были мои трусики? – Напрягаясь, облизываю губы. За спиной раздаются шаги.

– Ты увидела мои любимые моменты наших встреч. Хотя их было куда больше, но эти самые изысканные. Ночь наказания. Когда ты начала меняться. Ты так боролась сама с собой, что мне было крайне интересно узнать, что же ты решишь дальше. Облегчение моих яиц. Они всегда рядом с тобой полны спермы. Они ждут, чтобы выстрелить в твой рот, в тебя, на твою кожу. Пропитать всю тебя собой. Танец. Характер твой, Белоснежка. – Лазарро касается моих волос, убирая их назад. Всхлипываю и замираю.

– Ты отомстила мне, и снова проявился твой характер. Я гордился тобой в тот момент. А после него я искал ради тебя рассвет. Твоя борьба продолжилась, – произносит, губами касаясь моей шеи, и проводит ими к уху.

– Ты обвиняла меня в насилии. Так кричала. А твоё тело всегда было намного умнее, чем разум. Оно принадлежало мне. Акулы. Твой страх за мою жизнь. Никому нет дела

до неё. Обычно люди хотят, чтобы я сдох. Но не ты. Ненавидеть, всем сердцем презирать насильника в моём лице и спасти его из грёбаного ада. В этом вся ты, Белоснежка. Полна противоречий. И вот где мы в результате оказались. В разрушенных стенах моей любимой квартиры. Из-за тебя. Из-за твоей глупости. Из-за твоего сердца. Из-за твоей души, – он цедит слова и хватает меня за шею. С шумом втягиваю в себя воздух.

– Я замарать тебя хочу. Оставить чёрные пятна на тебе. Где они? Где мои прикосновения к тебе? Хоть чем-то я тебя испачкал? Кровью? Дерьмом? Ненавистью? Злостью? Ты испачкана мной хотя бы немного? Белоснежка.

Его шёпот дурманит. В нём столько эмоций, отчего мои ноги дрожат.

– Нет. Ты скажешь нет, и я знаю, что не соврёшь. Тогда почему меня не очистила? Почему я, как был грязным, таким же и остался? – рычит, крепче стискивая пальцы.

– Ты сам ушёл. Твои проблемы. Отпусти меня. Я дойду до конца, – решительно произношу, вскидывая подбородок.

– Посмотри на меня, – он давит на меня своим приказным тоном, отчего я на секунду вся внутри сжимаюсь.

– Нет. Я помню условия, Босс. Помню и не сделаю ошибку. Нет, – выпаливаю, хватая его за руку и отрывая от своей шеи.

– Я пойду дальше, а ты можешь вернуться к той, кто тебя так сильно заинтересовала в коридоре. Ты сам себя валя-

ешь в этой грязи, она тебе нравится. Это твоя вина, не моя. Прощай. – Прямо в обуви наступаю на матрас и направляюсь к двери.

– Ты ушёл, чёрт возьми! Ты сбежал из дома, разрушая всё на своём пути! – останавливаясь, выкрикиваю я.

– А что мне нужно было сделать? Придушить тебя за неразумный ответ? Ты хотела сдохнуть в ту ночь?!

– Господи, я объяснила тебе, почему так поступила! Ты должен быть рад! – возмущаясь, ударяю ладонью по стене.

– Я, блять, сгораю в этой радости. Видишь, как я сгораю? Ты понимаешь, почему я держал тебя в доме? Ты своими мозгами немного подумала прежде, чем сунуться сюда? – обвинительно орёт он.

– Да, подумала...

– Ни хрена ты не подумала! Я взял время, чтобы обзавестись поддержкой из других семей и убедить их, чтобы тебя не трогали! Я пытался их убедить, что с тобой живой мы большего достигнем, чем с трупом! Ты, мать твою, ни хрена не подумала своей грёбаной головой, ты думала тем, что у тебя между ног, Белоснежка! Именно чёртова ревность тебя притащила сюда! Хочешь увидеть, как мне сосут, я тебе это покажу, мать твою! Но ты будешь следовать моим приказам! Ты, блять, моя!

За спиной что-то разбивается. Вздрагиваю и задыхаюсь от его слов.

В этот момент я понимаю, сколько проблем и сложностей

теперь возникло у него из-за меня. Он жил себе и жил, убивал, развлекался, а теперь что? Сейчас я к нему приклеена, и он всеми доступными ему способами старается сдержать обещание, данное мне, и оставить мне жизнь. Но это слишком. Всё сейчас для меня слишком остро.

– Прости меня, Лазарро...

– Да заткнись ты, – фыркает он.

– Нет, прости, но я не хочу, чтобы ты страдал. Поэтому прости меня. Ты обещал. Сдержи это обещание, остальную ответственность за происходящее я беру на себя, – шепчу и быстро подхожу к двери.

– Какого хрена ты творишь, Белоснежка? – разочарованно летит в сторону.

– Избавляю тебя от обузы и забот о тех, кто этого даже не ценит. С тебя и так достаточно, Лазарро, – едва слышно произношу и нажимаю на ручку.

Внезапно раздаются грохот и крики. Напряжённо замираю, а потом новый грохот. В комнату кто-то влетает.

– На пол! Всем живо лечь на пол! Полиция! Лечь на пол!

Ор наполняет мой слух. Мои глаза от ужаса распахиваются. Я могу бежать прямо сейчас, Лазарро разберётся с ними. Я исполню то, что задумала. Я...

– Пошли на хрен отсюда. Вас ещё здесь не хватало, – устало говорит Лазарро.

– На пол, я сказал! Мэм? Мэм, вы в порядке? Нам пришло сообщение, что здесь насильно удерживают женщин! Мэм!

– Не приближайся, блять, к ней! Даже не смотри на неё! Меня трясёт от страха. Это полиция. Они накрыли при-
тон, и мы попались. Лазарро попался.

За спиной слышится какая-то возня. Лазарро орёт на них, затем достаёт мобильный, угрожая им. И я уверена, что сей-
час он просто убьёт их. Я так и стою спиной ко всем. Ко мне
кто-то подходит.

– Не трогай её! Я тебя урою! Белоснежка! Не трогай!

– Мэм, вы в порядке? Вам причинили вред? Вам вкалы-
вали наркотики?

Голоса сливаются. На мою талию ложатся чьи-то руки, и я
визжу, сбрасывая их с себя. Я дерусь, ударяя ногами назад.
Крики. Их так много. Меня опрокидывают на пол, пытаются
скрутить руки за спиной. Поднимаю голову, и в этот момент
раздаётся выстрел. Кричу от страха и зажмуриваюсь.

– Лазарро! – Моё сердце пронзает от боли. На его рубаш-
ке слева моментально расплывается алое пятно. Он отшаты-
вается. Мужчины продолжают держать его на мушке.

– Лазарро... нет... нет... Лазарро, – шепчу, не веря своим
глазам. Он падает на колени, держась рукой за рану. Кровь
стекает между его пальцев. Он смотрит на кровь, как будто
тоже не может поверить в происходящее.

– Нет! Твари! Нет! – визжу и, дёргая головой назад, уда-
ряю затылком мужчину, удерживающего меня. Он скулит
от боли, у меня перед глазами всё плывёт, но я сбрасываю
его с себя. Подскакиваю на ноги и подлетаю к Лазарро. Он

поднимает на меня голову и издаёт странный, булькающий звук... Это какой-то кошмар наяву. Его губы окрашиваются в красный.

– Лазарро... нет... пожалуйста... нет, – шепчу, мотая головой, и трясущимися руками глажу его лицо. Я знаю, что он умирает, и его боль проникает в мои вены. Она делает меня безумной. С криком обхватываю его талию и достаю пистолет. Удерживая его одной рукой, со слезами на глазах опускаюсь на пол, разворачиваюсь и снимаю с предохранителя.

– Ложись! – Я нажимаю на курок. Выстрелы разлетаются по стенам, но я не успокаиваюсь. Я обвожу пистолетом всю комнату, разрывая матрас пулями. Мужчины перекатываются по полу, прячась от выстрелов и пытаюсь добраться до нас. А потом всё затихает. Только щелчки слышатся. Они исходят от полностью разряжённого пистолета. Он падает из моих рук, а крупные капли слёз стекают по щекам.

Всё вокруг замирает. Не знаю, ранила ли я кого-то, но здесь больше никого нет. Полиции нет. Они спрятались где-то. Я дышу поверхностно, и меня трясёт от горя. Наверное, рано говорить о горе, сейчас я глубоко потрясена случившимся.

– Bravo, Белоснежка! Bravo!

Меня пронзает холодом от хлопков и смеха Лазарро за спиной. Кричу, падая на пол и отползая от него, а он как ни в чём не бывало поднимается и садится.

– Ты мёртв! Ты же был мёртвым!

– На что не пойдёшь, чтобы создать для тебя ловушку. И ты в неё попала. В следующий раз ты должна бежать. Если произойдёт такая ситуация по-настоящему, то ты берёшь свою задницу в руки и бежишь отсюда со всех ног. Поняла?

Он разыграл меня. Это всё было специально устроено, чтобы я сделала шаг назад, к нему.

– Сукин сын! Мудак! Мразь! Скотина! – визжу, хватая с пола всё, что попадается мне под руку, и бросаю в Лазарро.

– Не нравится, когда твоими страхами манипулируют, да, Белоснежка? – усмехаясь, он вытирает рот, а потом расстёгивает рубашку, и я вижу бронежилет. Он бросает на пол пустой пакет с остатками крови.

– Не приближайся, псих! Ты знал, что я оступлюсь на этом! Это жестоко! Второй раз ты так со мной поступаешь! Акулы! Теперь полиция! Чёртов психопат! – кричу, подсакивая на трясущиеся ноги. – Второй раз, козёл, ты заставил меня пережить твою смерть! Сгори в аду! Сгори там! Ненавижу! Это нечестно!

– Нечестно? А кто играет честно в мафию? Никто. Так что будешь думать в следующий раз, когда заберёшься на балкон и прыгнешь оттуда. Я тебе просто отомстил. – Лазарро смеётся, а мне изуродовать его хочется. Визжу, топая ногами, чтобы куда-то деть адреналин. Не помогает.

– Значит, нет никакой облавы? Эти козлы были не настоящими? – шиплю я.

– Нет. В этом месте можно увидеть всё что угодно,

а за приличные деньги они даже отыграют всё так, как хочет клиент. Тебе не понравилось, Белоснежка? Как так? Я же старался ради тебя. – Он издевается надо мной. Над моим страхом. Над моей болью.

– Пошёл ты. Это ничего не меняет. – Направляюсь к двери.

– Ты проиграла, Белоснежка.

– Никогда! Не тебе! Ты добился того, что теперь я даже не обернусь, когда тебя убьют! Ты мне безразличен! Психопат ненормальный!

Подлетаю к двери и нажимаю на ручку, но она не поддаётся. Лазарро спокойно наблюдает за мной, подавляя зевок.

– Что за чёрт? – шепчу, дёргая дверь то от себя, то к себе.

– Они...

– Заткнись! – кричу на него и иду к другой двери.

Я проверяю другую дверь, откуда и влетели эти якобы полицейские.

Бросаю на Лазарро злобный взгляд и направляюсь к третьей двери.

– Снова движение назад, но кто считает, правда? – усмехается он.

Рычу, ударяя по последней заблокированной двери.

– Открой их. Ты нечестно играл. Я практически дошла до конца, если бы ты не устроил этот маскарад. Знаешь, я даже тебе поверила, чёрт возьми! В твои слова о том, что ты делал здесь, кроме как крушил всё, поверила! А ты прогнив-

ший лжец! – Обвинительно указываю на него пальцем.

– Я не врал, Белоснежка. Я не согласен тебя отпускать.

Ты моя.

– Нет, – выплёвываю я. Не успокоюсь, пока не выйду отсюда.

Прохожу мимо Лазарро, специально его игнорируя, но он резко делает подсечку ногой, и я с криком лечу на матрас. Подпрыгиваю на нём и сразу же перекатываюсь на спину. Лазарро накрывает меня своим телом.

– Нет, – цежу, упираясь в его плечи.

– Да. Говори мне просто «да», я тоже скучал. – Он проводит носом по моей шее, втягивая аромат моей кожи. Он делает это постоянно, и я чувствую признаки его возбуждения.

– Ты мёртвый по сценарию, так и притворись им. Лазарро, нет! Ты бросил меня! Ты... – осекаюсь, судорожно вздыхая, когда он медленно целует мою шею и гладит бедро.

– Не смей... нет... ты не можешь так со мной поступить.

Нет, не здесь.

Лазарро поднимает голову, заинтересованный моими словами.

– Тебе не нравится место? – удивляется он.

Быстро мотаю головой.

– Нет. Хочешь меня, так отвези меня домой. Но не здесь. Я не шлюха. И прежде чем ты притронешься ко мне, помойся. Тридцать раз. Сорок. С мочалкой. Спиртом. Сотри все эти прикосновения. Ты сделаешь это, иначе только насилие,

Лазарро. Только насилие, – предупреждаю его. Он обиженно надувает губы и выглядит при этом очень комично, если бы не чёртова кровь на его рубашке и дырка от пули, и то, что он психопат, инсценировавший свою смерть, лишь бы я от него не ушла. Это идиотизм!

– Хорошо. Я принимаю условия, но потом ты будешь моей, Белоснежка. Я не трахался всё это время, потому что у тебя так много условий каждый раз. То рассвет для тебя найти, то нежнее быть, то Бруну не убивать, то ещё что-то. Это утомляет. Я хочу трахнуть тебя. Ты моя, – недовольно бурчит он, словно ничего такого не произошло. Претензии мне высказывает, а я... я не знаю, что думать. С ним никогда нельзя расслабляться. И уж точно он ко мне не притронется. Пусть хоть сто раз помоеся. Всё.

– Домой, Белоснежка, это было интересно. – Лазарро хватает меня за руку и рывком поднимает с матраса.

– Поцелуй? – спрашивая, улыбается он.

– Пошёл ты, – шиплю, отталкивая от себя, но Лазарро грубо притягивает к себе обратно.

– Ты весь в крови. Целуй себя сам. Это противно, – кривлюсь я.

– Я всю её слизал. Никакой крови нет...

– Противно говорю, Лазарро. Ты псих. Ты ненормальный и неадекватный человек. Из-за тебя я пережила весь этот ужас. Ты вынудил меня стрелять, и я чуть людей не убила...

– Да, это было феерично, Белоснежка. Ещё немного, и ты

начнёшь убивать по-настоящему. Хочу на это посмотреть, но не сегодня. Видишь? Ты видишь, что стала частью моего мира? Ты стала непризнанной, у которой дар влезать в разные неприятности. – Он грубо хватает меня за подбородок, и его глаза снова становятся зловещими.

– И ещё, из-за того, что ты меня не послушала и приехала в город, тебя сегодня пытались убить. Теперь понимаешь, что старших нужно слушать. За это ты тоже получила. Ты была наказана. Ты на полном серьёзе решила, что я тебя отпущу? Нет. Ты моя, пока я лично не убью твоего работорговца, и вот тогда ты и выберешь, что хочешь. Живая. Я ясно выразился?

Поджимаю губы и киваю.

– Хорошая Белоснежка, практически с первого раза понимаешь. – С кривой ухмылкой Лазарро шлёпает меня по щеке, отчего я дёргаюсь.

– Нет, всё же не понимаешь. – Он снимает с себя пиджак и насильно заставляет надеть его. Застёгивает на все пуговицы, а я, совершенно заторможенная, наблюдаю за ним.

– Меня бесит, что они на тебя смотрят. Это не изменилось. Да, наказание также получишь за то, что вынудила тебя так одеть.

Изумлённо приподнимаю брови.

– Псих, – выдавливаю из себя.

– Зато мои методы действенные. Пошли. – Лазарро берёт меня за руку и тащит за собой. Когда он открывает дверь,

то она сразу же распахивается. Это нечестно... нельзя быть таким вечно всё контролирующим и всем приказывающим. Почему люди так его слушают? Обидно. Я ведь практически сделала то, что намеревалась. И я до сих пор в шоке. Меня даже знобит. Сильно. Я пребываю в своих мыслях, пока мы идём по странному месту, наполненному людьми. Я ничего не понимаю. Мне хочется убить Лазарро. Очень хочется. Хочется покричать на него и стукнуть. А ещё поплакать. Потом снова подраться с ним и взвыть. На самом деле в своей голове я это и делаю. Так и вижу всё, словно наяву. Кажется, я тоже рехнулась. Столько смертей, пусть даже одна фальшивая – для меня много. Надо было сидеть в доме. И ведь сидела бы, если бы не Марта. Чёртова Марта! Она специально разозлила меня, чтобы я приехала сюда! Ненавижу её! Она мне не подруга. Нет. Скучаю по Карлу... Где он? Мне что-то дурно.

Мои ноги подкашиваются, и я хватаюсь за окровавленную рубашку Лазарро. Воздух. Я не заметила, как мы вышли на улицу. Так много кислорода. Так хорошо. Лазарро, прижимая меня к себе, ведёт к машине. Замечаю Итана, едва сдерживающего хохот.

– И тебя тоже ненавижу, – бубню себе под нос, бросая на него обиженный взгляд.

– Она не оценила представление? – Итан всё же смеётся, когда Лазарро сажает меня в машину.

– У неё пока не сильно развито чувство юмора, но всё впе-

реди. Домой. Как насчёт новых кроватей? Меня бесит матрас.

– Их уже везут. Ты же сделал особый заказ, Босс.

– Аквариум. Закажи мне аквариум. Тебе нравятся рыбки, Белоснежка? Или лучше завести птичек? Будешь вместе с ними петь?

Дёргаюсь в сторону под мужской смех.

– Итак, аквариум. И найди мне самых маленьких акул в мире. Мне они так нравятся.

– Ты ненормальный, – шепчу, с ужасом смотря на Лазарро.

– В мире чудес всё кажется не таким, как в обычной жизни. Но тебе понравится, обещаю, Белоснежка. Вот и идиллия. Мы договорились, наша Белоснежка снова в строю. – Лазарро прижимает меня к себе и целует в макушку.

– Ты воняешь кровью, – кривлюсь я.

– А ты мной. Меня всё устраивает, а тебя я не спрашиваю. Ты слишком капризна сегодня, – недовольно цокает Лазарро.

Псих. Другого слова не подберу. Устроил чёрт знает что, а теперь такой спокойный сидит. Поражаюсь. Ему лечиться надо. А лучше – нам обоим, потому что он сводит меня с ума. Я уже не выдерживаю этого давления на свою психику. Я готова сдаться, только бы Лазарро больше ничего эдакого не придумал. Но он не успокоится, ему нравится адреналин. Он зависим от него и меня сделал такой же. Это

противно. Он ведь столько сил приложил и заплатил огромные деньги за этот фарс, только бы я не добралась до выхода и не ушла. Станный мужчина. Слишком странный. Инсценировал собственную смерть, ради моего шага назад. Безумец.

В какой-то момент я ловлю себя на мысли, что в их мире это, наверное, называется романтикой. Кто-то, в нормальной жизни, дарит цветы, а кто-то, в криминальном мире, инсценирует свою смерть, как и нанимает актёров, чтобы те отыграли разные эпизоды наших отношений. Наверное, я тоже странная, потому что теперь иначе вижу всё происходящее. Лазарро не романтик, он не будет присылать мне плюшевых медведей, он пришлёт голову того, кто меня обидел, или построит целый город, чтобы никто меня не увидел. Неужели он так проявляет свои чувства?

Удивительно, но сейчас я смотрю на Лазарро совсем другими глазами. Я, наверное, сошла с ума. Меня можно поздравить. Я назвала Босса мафиозной банды криминальным романтиком с жестокими замашками садиста. Потрясающе. Всё, это мой конец. Если и дальше так пойдёт, то я начну радоваться убийствам и прыгать от счастья. Наверное, я в шоке. Пусть это всё закончится. Да... да... я не сумасшедшая. Может быть...

Глава 5

– Как тебе вариант переехать в отель?

Озадаченно поднимаю голову на Лазарро.

– Или мы можем купить новый пентхаус? – Он улыбается, вызывая внутри меня ужас. – Нравится идея, Белоснежка?

Слабо мотаю головой.

– Обещаю, что не разрушу его. Я задолбался жить в этом свинарнике. Он меня бесит, и ты меня бесишь. – Лазарро шумно вздыхает и проводит по своим волосам, оттягивая их назад. Что с ним не так? Стоит в окровавленной рубашке и рассуждает о новых покупках, словно это хлеб.

– Ты меня зачастую раздражаешь своими выходками. Больше, чем другие. В другой ситуации просто избавился бы от тебя, но я не могу. Мне нравится это, – он снова улыбается, а меня пробирает дрожь. – Нравится, что ты делаешь со мной. Это так интересно. Интрига за интригой. Интрига за интригой. Никогда ещё мне не было так весело, как с тобой. У меня сперма в мозги бьёт, когда я вижу тебя. Ты была охрененной в ресторане. Я уверен, что у всех встал, когда ты вошла, и у меня тоже. Чёрт, я хотел поймать тебя прямо там, на полу. Выгнать всех, убить их, к чёртовой матери, и завалить тебя на пол. Я...

– Лазарро, ты в порядке? Ты что-нибудь принимал сегодня? – тихо спрашиваю.

Он передёргивает плечами и кривится.

– Я устал. Да. Я так устал, Белоснежка. Постоянно думать о том, что делать. Думать, как это сделать. Думать. Думать. Думать. Я устал. Я теряю людей и топчусь на месте. Меня всё бесит. Эта ответственность мне уже вот где сидит, а бросить не могу. Они все зависят от меня. Мне приходится думать, как убить. Думать, как избавиться от тела. Думать. Думать. Думать. Устал, – отвечает он, и в его голосе так много горечи. Лазарро отворачивается, и что-то внутри меня снова оттаивает. Я знала, насколько сложно ему, но слышать это признание, да ещё и понимать, что ему приходится постоянно бороться со мной и вытаскивать меня из проблем, вызывает сочувствие.

Я не нахожу слов, чтобы ответить Лазарро. Это его мир. Он владеет им и никогда не бросит. Он верхушка айсберга, который ему нужно постоянно удерживать на месте, чтобы сохранить авторитет и выжить. Почему-то раньше я об этом особо не задумывалась.

Мы входим в пентхаус, и нет в нём больше того величия, что было раньше. Он словно отражение сегодняшнего Лазарро. Разрушенный. Раненый. Тихий. Пустой. Безликий. Тщательнее рассматриваю отсутствующее выражение на лице Лазарро, ведущего меня наверх, и осознаю, что он в тупике. Он сам не знает, куда двигаться, ищет дорогу, а всё никак не находит. Боже мой, я ему сильно сопереживаю, а это уже само по себе ненормально. Жалеть убийцу и неадекват-

ного психа, который может изнасиловать, взять всё силой и просто ударить, потому что ему скучно, неразумно. Видимо, этот день сделал меня сумасшедшей.

– Примешь со мной душ? – интересуется Лазарро.

– Что? – спрашиваю и непонимающе моргаю.

– Я тебя немного испачкал. – Он касается моей груди и указывает на кровавое засохшее пятно.

– Ох, я... протрусь полотенцем. Ничего... ничего страшного, – шепчу, отпуская его руку и сбрасывая его пиджак. Он падает на пол к другой одежде, которая повсюду разложена и разбросана в тёмной спальне. Странное ощущение. Это какой-то склад вещей и психов, вроде нас с Лазарро. Но на удивление меня это больше не волнует. Мне всё равно, я ещё в шоке.

Пока Лазарро швыряет грязную одежду на пол в ванной, я смачиваю полотенце и вытираю свою кожу. Он включает воду и становится под неё. Краем глаза смотрю на мощное тело в отражении зеркала. У меня зубы сводит от этого вида, но я обрываю в себе плохие мысли. Никакого секса. Нет. Я сделаю всё что угодно, но он не притронется ко мне. Надо было в доме остаться. Дура.

Хожу по тёмной комнате и добираюсь до небольшой лампы. Хотя назвать это лампой язык не повернётся. Без плафона, один патрон на длинной ножке торчит, в который вкручена лампочка. Нахожу выключатель щёлкаю им, и комната озаряется тусклым светом. Бросаю взгляд на оружие и, об-

нимая себя руками, подхожу к нему. Как много. Очень много оружия. Карл когда-то говорил мне, что они прячут его по всему дому, вероятно, это лишь то, что было спрятано в этом месте, но всё равно огромное количество. Этим можно целую армию обеспечить.

Сажусь на матрас. Такого я ещё не видела. Это же насколько злым нужно быть, чтобы разнести здесь всё? Не представляю. А сколько силы на это нужно? И теперь даже скромный дом моих родителей, по сравнению со всей этой разрухой, выглядит дворцом.

– Всё. Я готов.

Поднимаю озадаченный взгляд на Лазарро, вылетевшего из душа. Он на ходу вытирает тело, и мне в нос ударяет приторный аромат чего-то сладкого.

– К чему ты готов? – хмурюсь я.

– К сексу, Белоснежка. Я помылся сорок чёртовых раз и теперь воняю так, как будто меня обваляли в кокосе и ванили. Я использовал практически весь гель для душа, спирт жалко на себя тратить, лучше его выпью. Так что я выполнил твои условия, – произносит он и гордо улыбается мне. Я шокирована.

– Ты что, серьёзно?

– Я не шучу насчёт трёх вещей: убийства, правил и секса. С остальным готов что-то обсуждать.

– Лазарро, ты все мои слова воспринимаешь, как условия? – недоумённо спрашиваю, оглядывая его обнажённое

тело. Очень странный мужчина. Я, вообще, пойму его когда-нибудь?

– Да. Ты постоянно ставишь мне палки в колёса, а я хочу, чтобы ты была моей добровольно. Это одно из моих условий. Почему ты одета до сих пор?

– Лазарро, нет. Я не буду спать с тобой. Я...

– Ты обещала, – рычит он, приближаясь ко мне.

– Я не обещала, а всего лишь переключила твои мысли.

Поэтому давай просто ляжем спать. Это уму непостижимо, в каких условиях ты теперь живёшь. Оно того стоило? Я не понимаю зачем...

Он грубо хватает меня за волосы и притягивает к своему паху. Неужели, я надеялась, что мой обман будет так легко забыт? Немного, но сейчас уже не до шуток. Лазарро зол, и сильно.

– Соси, – цедит он.

Упрямо сжимаю губы и поднимаю на него голову.

– Нет. Хочешь, чтобы я тебе сосала, то не суй свой... этот член во все свободные рты. Воспринимай, как условие.

Лазарро дёргает бёдрами, и кончик его члена касается моего подбородка. Как он может быть всегда таким твёрдым? Это нормально?

– И раз уж на то пошло, то ты говорил, что если я сухая, то не возмёшь меня. Проверь. Я тебя не хочу сейчас. – Вырываю свои волосы из его хватки и ложусь на матрас, раздвигая ноги.

– Ну же, проверь. Я не возбуждена. В такой ситуации сложно, знаешь ли, возбудиться. Меня чуть не убили, ты инсценировал свою смерть. Я не шлюха, а живая женщина, и у меня есть свои причины более не хотеть близости с тобой. Давай проверь.

Лазарро не двигается. Стоит и просто смотрит на меня голый.

– Ладно, сам напросился, – фыркая, поднимаю платье, расстёгиваю его сбоку и отбрасываю от себя. Снимаю трусики и провожу пальцами по своим сухим складкам.

– Вот, доволен? – Поворачиваю к нему руку, демонстрируя свою победу. – Ничего. Абсолютно ничего. Наверное, ты меня больше не вдохновляешь на игры. – Сдвигаю ноги и приподнимаюсь на локтях, наблюдая за ним. Он обижен, и ярость в его глазах не сулит ничего хорошего.

– А чего ты ожидал, Лазарро? Покорности и молчаливого согласия сквозь слёзы очередного унижения? Думаю, ты смиришься с этим, как и легко займёшь свой член ртом одной из тех шлюх, с кем ты был всё это время. Да? Ничего ведь особенного не случилось, – извожу его. Знаю, но успокоиться и остановиться не могу. Мне хочется причинить ему боль, как он мне. Я хочу, чтобы он почувствовал, каково это – оказаться на моём месте. Отвергнутая и брошенная человеком, ради которого я прыгнула вниз с балкона, показав, насколько доверяю ему свою жизнь. А он просто плюнул в мою душу и показал свой зад. В принципе, как и сейчас.

Лазарро срывается с места и выходит из спальни. Тяжело вздыхаю и сажусь на кровати. Вожу взглядом по полу, чтобы найти хоть какую-то подходящую одежду для сна. Хотя лучше бы я позвонила Симону и попросила бы его забрать меня, но не знаю, где моя сумочка. После того как Лазарро привёз меня сюда и бросил в бассейн, я понятия не имею, где она.

Слыша тяжёлые шаги Лазарро, напрягаюсь и слежу за входом. Он когда-нибудь научится надевать трусы хотя бы? Нет. Видимо, нет. Лазарро возвращается, и в его руке обычный лист бумаги. Он не сводит с меня глаз, и его губы искривлены в хитрой ухмылке. Хлопает дверью. Что он задумал? Чёрт, мне страшно. Лазарро психопат, и у него странное чувство юмора. В общем, он одна большая странность, что приравнивается к ненормальности.

– Зачем тебе бумага? – сглатывая, напряжённо спрашиваю его.

– Хочу порисовать.

Удивлённо приподнимаю брови.

– Прости? Порисовать?

– Да. Внезапно появилось такое желание. Рисовать. Ненавижу искусство, но ты, Белоснежка, открываешь для меня всё новые и новые грани моих умений. Рисовать. Кровью.

Чувствую, как бледнею.

– Кровью? – Отодвигаюсь на матрасе, но он рывком пересекает комнату и хватает меня за лодыжку.

– Куда же ты? Не убегай, тебе понравится. Я никогда

не сдаюсь, Белоснежка. Ты моя, и я вновь докажу тебе это.

Меня парализует от ужаса. Я не могу двинуться, хотя разумом понимаю, что надо бежать или хотя бы драться с ним. Извращенец больной.

Лазарро кладёт лист на матрас и мягко придвигает меня за ногу ближе к себе.

– Подай мне нож, Белоснежка, – улыбаясь, он указывает на подушку. Мотаю головой.

– Нет... ты же не будешь... нет! Лазарро, это ненормально! Хорошо! Возьми меня так! Пожалуйста, бери! Но только не кровь! Нет! С меня хватит крови! Хватит...

– Ш-ш-ш, – наклоняясь, он пальцем касается моих губ.

– Не бойся. Помнишь, ты прыгнула и сказала, что я всегда тебя поймаю, верно?

Киваю ему.

– Так вот, думаешь, я не понял скрытый смысл твоего поступка? Ты показала мне, что вверила свою жизнь мне, и теперь я несу за неё ответственность. Ты заковала меня в грёбанные наручники, а потом в твоей голове появился тупой план по уничтожению обещаний, данных мне. Я обижен. Теперь я обижен. И вновь предлагаю тебе расслабиться, я сделаю тебе больно, но ты ведь уже знаешь, насколько возбуждающей бывает боль. Ты намокнешь, хотя ты уже мокрая от моего голоса, – он самодовольно усмехается и опускает ладонь между моих бёдер. Я пытаюсь свести их, но он раздвигает их лишь сильнее.

– Почему тебе всегда надо лгать мне? Ведь время стыда давно прошло, или мне нужно устроить показательное выступление, собрать множество мужчин, подвесить тебя и вынудить испражняться перед ними? Хочешь?

Мои глаза распахиваются от ужаса, пока Лазарро медленно массирует мой клитор.

– Ты не посмеешь...

– Всё будет зависеть от тебя. Ты мокрая только от одной фантазии о том, что я с тобой сделаю в этот раз. Чем дольше ты упрямишься и лишаешь меня удовольствия, тем быстрее подталкиваешь вот на такие мысли. Что тебе мешает, Белоснежка, перестать бороться с собой? – вкрадчиво шепчет Лазарро, лизнув мочку моего уха. Зажмуриваюсь на несколько мгновений.

– Ты... ты мне мешаешь... – выдыхаю я. Боже, я знаю, что изначально проиграла эту схватку, но почему ты настолько жесток ко мне?

– Чем же я тебе мешаю прекратить стыдиться самой себя? – Он медленно покрывает поцелуями мою кожу, продолжая изводить, легко касаясь пальцами внизу живота и вынуждая кровь бурлить от жара в ней.

– Ты изменяешь... мне это... я ревную... не хочу быть грязной, как Марта. Не хочу стать ей потом, – жалобно признаюсь. Лазарро поднимает голову и вглядывается в мои глаза.

– Ты и не станешь, Белоснежка. Ты намного сильнее, чем

она. Но раз таковы условия, то я их принимаю. Запомни их, потому что теперь я буду брать тебя в любых позах и когда сам захочу этого. Ты даже не пикнешь. Хочешь, чтобы зверь быть твоим, так приручи его своим ртом, руками и стонами. Сведи его с ума, а пока... – Он резко садится между моих ног и подбрасывает в руке нож. Замираю. Даже не дышу.

– Чудовище очень хочет поиграть. – Лазарро быстро наклоняется ко мне, и я жмурюсь от страха. Холод пронзает мою грудь и кожу, а потом следует грубый рывок. Меня буквально подбрасывает вверх, бюстгальтер лоскутками падает на матрас. Распахиваю глаза, шумно дыша. Моя грудь рывками вздымается и опускается. Лазарро с силой втыкает нож в матрас, прорывая ткань, и оставляет его там. Едва я успеваю обратно повернуться лицом к нему, как он настигает своим ртом мой. Если честно, то я немного отвыкла от того напора, с каким Лазарро целует меня. Он пожирает. Кусает, сосёт, облизывает мои губы, вызывая у тела абсолютный восторг от его власти над ним. Оно совершенно просыпается от движений языка Лазарро, касающихся похотливым мазком моего и забирающего воздух из моих лёгких. Словно и не было этих долгих дней, не было расставания. И вот я вновь в его руках. Он демонстрирует мне свой голод, настоящий голод, какого я не знала раньше. Так глубоко и остро он меня никогда не целовал. И я таю...

Лазарро резко дёргает за кольцо на моей груди, и этот жест болью отдаётся в шее. Вскрикиваю и скулю, зажмуриваюсь.

Выгибаюсь всем телом. Он просто сломал застёжку. Приоткрываю губы, напряжённо смотрю на него. Лазарро проводит пальцем по ранке на затылке, и я вижу на нём кровь. Он слизывает её со своих пальцев.

– Я хочу рисовать. Рисовать впервые в жизни на твоём теле, Белоснежка. Оно моё, – шепчет, утыкаясь носом в мою шею и обнимая меня. Я в шоке от того, что он поранил меня и с таким чувством признаётся в своих извращениях. Меня пугает догадка о том, что для него значит слово «рисовать».

Его губы двигаются по моим ключицам, заставляя мысли ослабеть, а похоть вновь вернуться на передовую. Моё тело отзывается волнообразным удовольствием внутри. Я растворяюсь в нём, прикрывая глаза и полностью отдаваясь во власть губам и рукам Лазарро. Он гладит моё тело, сильнее разгоняя кровь, целует шею, затем ключицы и опускается ртом ниже. На пару мгновений он приподнимается, а потом резкая и колкая боль пронзает мою правую грудь. Вскрикиваю. Дёргаюсь на матрасе. Распахиваю глаза. С приоткрытых губ срываются быстрые вздохи. Глаза Лазарро горят, а в его руке зажат лист. Опускаю взгляд на грудь, где всё кипит от боли. Она огненная и поверхностная. Он меня порезал. Не глубоко. Но кровь проступает на груди.

– Лазарро... – пишу я.

– Это прекрасно. Я рисую, Белоснежка. Ты только посмотри, как это красиво. Твоя кровь. Твоя кожа. Твои крики. Не дёргайся. Я наслаждаюсь, – разрывая слова, низко хри-

пит он и резко опускается. Охаю, когда его язык проходит по всему порезу, который немного щиплет. Лазарро облизывает мою грудь, задевая зубами сосок.

Мои руки опускаются ему на голову, но он недовольно рычит.

– Наверх. Подними их. Иначе я свяжу тебя, – грозитя, бросая на меня взгляд. Его губы измазаны кровью. Моей кровью. Глаза безумные. Мне даже спорить не хочется.

– Послушная Белоснежка. – Лазарро стискивает руками обе мои груди. Оттягивает соски, вырывая из горла стон.

– Вот так... обожаю этот момент. Поставь его на постоянный повтор. – Он продолжает массировать мою грудь. Мои глаза закатываются, бёдра ритмично двигаются под ним.

Крик наполняет мою голову вместе с обжигающей болью от пореза на другой груди. Затем следует ещё один, на ребре. Затем ещё на другой стороне грудной клетки. Я вою, выгибаясь от горячей боли на коже. Порезы полыхают. Лазарро слизывает мою кровь, упивается ей, размазывает её по моим рёбрам, целуя каждый порез. Он буквально вылизывает мою кожу, пока кровь не перестаёт сочиться. Это сводит с ума. Возбуждение в теле становится болезненно острым. Я издаю стон за стоном. Лазарро поощряет меня лаской своих рук. Его губы везде, они скользят по моему телу, но этого так мало.

– Лазарро... пожалуйста, – шепчу, облизывая губы и приподнимая голову.

Моя кожа блестит от его слюны, на ней нет ни капли крови. Он удовлетворённо усмехается, отрываясь от моего горящего и ноющего соска.

– Скажи, что ты хочешь, Белоснежка. Мне остановиться? – спрашивает, немного отдаляясь.

– Нет! – выкрикиваю я. Вряд ли я справлюсь сама с этой бурей в моём теле. Она невыносимо изводит меня.

– Тогда что ты хочешь? Скажи мне. – Он проводит пальцем по моей щеке.

– Займись со мной сексом, – едва слышно шепчу.

– Не так. Мне не нравится, – цокает, отклоняясь и лишая тепла своего тела.

– Боже, рисуй дальше! Да хоть что! Я больше не могу! – выпаливаю, зло смотря на него.

– Сама попросила, – он смеётся надо мной. Над моей нуждой. Ничего. Пусть смеётся, сейчас мне всё равно, а потом я отомщу. Я найду способ...

– Чёрт... Лазарро... – Мысли вновь покидают мою голову, когда он опускается немного ниже между моих бёдер и проводит пальцем между моих складок.

– Ты, охренеть, какая мокрая, Белоснежка, – восхищённо шепчет он.

– Шире. Раздвинь ноги шире, – требует Лазарро.

Распахиваю бёдра так, насколько вообще позволяют мышцы. Он поглаживает кожу на внутренней стороне моих бёдер.

– Потрясающая. Я куплю чёртово издательство, чтобы ав-

тор написал за меня для тебя книгу о твоей коже, Белоснежка, – низко произносит он.

– Рисуи... чёрт бы тебя побрал, Босс, рисуи ты, – шепчу, сцепляя пальцы над головой. Я больше не могу. Давление внизу живота настолько сильное из-за возбуждения, что я готова орать во всё горло. Меня трясёт от похоти. Трясёт от страсти. Кажется, всего этого сейчас во мне даже с избытком.

Резко внутреннюю сторону кожи пронзает болью, и я освобождаю голос. Кричу и выгибаюсь. Двигаю бёдрами. Вою. Лазарро всасывает мою кожу и поглаживает её языком, удерживая меня на месте руками. Он так близко. И мне мало. Мне нужно расслабление. Мои мышцы живота сводит. Всё тело сводит до боли. Лазарро лижет языком то одну сторону бёдер, то другую. Боюсь, что моё сердце сейчас разорвётся. Оно так быстро стучит в груди, ударяя по грудной клетке, и я словно катаюсь по луже ягодицами. Мне плохо. Дурно.

– Замри, Белоснежка. Примени всю свою выдержку, потому что сейчас будет смертельный номер, и от него зависит, пораню я тебя или нет. Замри, – громко приказывает Лазарро. Моя кровь кипит. Я не могу лежать спокойно. Я вою. Откровенно вою и хнычу.

– Глубокий вдох.

Жмурюсь и втягиваю в себя воздух. Секунда. Одна проклятая секунда, и мой клитор словно разлетается от пульсирующего и острого разреза. Ору и кусаю своё плечо. Губы

Лазарро всасывают мой клитор, и я взрываюсь. Оргазм накрывает меня, быстро и чётко ударяя по низу живота. Лазарро крепко удерживает мои ноги и бёдра, не позволяя их свести. Меня бьёт током от удовольствия, а его язык быстрее и быстрее слизывает кровь на моём клиторе. Это чудовищно приятно. Спазмы удовольствия бросают меня то вверх, то вниз. Мотаю головой. Раскидываю руки, и одна из них ложится на рукоятку ножа. Она словно ледяная в сравнении с моей кожей. С силой обхватываю её и с криком выдёргиваю из матраса, когда огонь немного угасает.

Распахиваю глаза, и перед ними всё плывёт. Лазарро резко придавливает мою руку, с зажатым в ней ножом, к постели и, приподнимая моё бедро, входит в меня, вырывая ещё один крик. Он врывается в моё тело с обжигающе громкими шлепками, вновь разгоняя под моей кожей извращённое удовольствие. Матрас стучит о стену. Моё тело извивается под мощными рывками Лазарро, наполняющими меня до нескончаемых стонов. Лазарро поднимает мою руку с ножом к своему горлу.

– Порисуем? – Он замирает на секунду. Я задерживаю дыхание. Лазарро рывком проводит остриём по своей коже и оставляет порез, на котором моментально появляется кровь. Она тёмная. Бурая. Он заносит мою руку, и я кричу, откидывая нож в сторону.

– Я не хочу причинять тебе боль... – шепчу.

С рывком он набрасывается на меня. Забрасывает мои ноги

себе на поясницу и грубо двигает бёдрами. Задыхаюсь от его толчков. Кровь на шее Лазарро течёт ниже, и я прижимаюсь к порезу губами.

– Да... чёрт... Белоснежка! Сильнее! Обними меня! – орёт он, стискивая мою голову. Обхватываю его спину и присасываюсь к порезу. Кровь его горькая, солоноватая и стальная, как он сам. Как только его кровь смешивается с моей, то я вся сжимаюсь внутри от подступающего оргазма. Отрываюсь от раны. Вскидываю голову. Лазарро до боли стискивает мои волосы и впивается в губы. Его член входит в меня так глубоко, словно собирается остаться там на всю жизнь. Низ живота вспыхивает огнём. Он проносится по всему моему телу и возвращается обратно, ударяя по разуму. Я теряю сознание на пару мгновений от силы и мощи оргазма, а потом кусаю его в шею. Там, где порез. Я клеймлю Лазарро. Он мой! Пусть, чёрт возьми, каждая шлюха это знает! Мой! Я слышу, как он стискивает зубы, рычит, в последний раз врываясь в моё тело, и кончает. Вибрации двух наших тел отдаются в моём сердце.

Кажется, дело не в сумасшествии, а в мужчине, который делает меня безумной рядом с собой. И этот мужчина принадлежит мне. В эту минуту. В этом городе. В этом проклятом мире. Он мой. Но мне тоже нужна добровольность. Другого я не желаю.

Глава 6

Можно ли неуравновешенную страсть к боли назвать любовью к мужчине? Будет ли женщина терпеть такое только из-за чувств? Если она умна, то нет. Если глупа, то обречена быть уже мёртвой. Так в чём суть боли? В адреналине? В любви к хождению по тонкому лезвию опасности? В привязанности? Нет. Она внутри тебя. Боль всегда была и будет. Физическая боль – прерогатива мазохизма. Это непреодолимое желание пройти тернистый путь, получить раны и достичь цели. Именно цель важна, а не само действие. Конечная цель. Освобождение. Расслабление. Спокойствие. Почему через боль? Потому что она, действительно, многогранна. Кто-то имитирует боль, кто-то ищет её, кто-то её только познаёт. Я из последних. Но она вкусна, когда направлена на удовольствие. Она смертельна, когда направлена на сердце. Боль – двуличная шлюха. Она продажна и в такой же мере похотлива. Обманчива и честна одновременно. Она огромна. Она оружие. Если хочешь убить человека, направь стрелу боли прямо в сердце, и тогда враг будет абсолютно повержен. Хочешь приручить зверя, дай ему увидеть, что ты не боишься ран от его когтей, и направь боль в его разум. Оказывается, на деле это довольно сложно. Нет, не выбирать, а учиться управлять болью. Манипулировать ей. Вести ей. Лазарро один из тех, кто идеально жалит плетью по самым незащи-

щённым уголком сердца. Он всегда метит именно туда, потому что знает – это моё слабое место. Только вот он забыл, что у него тоже есть такая уязвимая игрушка, и я готова изучить её.

Я пыталась бороться с собой много дней, отрицая тот факт, что Лазарро именно из тех мужчин, которые могут и будут брать то, что им принадлежит. И на меня только сейчас снизошло понимание того, что это бессмысленно. Чем дольше я не позволяю ему поиграть, тем больнее становится потом мне. Поэтому я просто смирилась с фактом, что Лазарро одним своим видом превращает меня в злую королеву, жаждущую почувствовать его кровь на своих губах.

Мои ладони скользят по обнажённой спине Лазарро, и я целую его кожу, прижимаясь к ней лицом.

– Надо купить диван, – произносит он, ложкой мешая кашу, приготовленную для меня, и одновременно поджаривая яйца на сковородке.

– Можно для начала кровать... или переехать в дом, пока сюда не привезут мебель, – шепчу, вдыхая аромат его кожи.

– Ты голая, Белоснежка.

– Ты тоже. Хотя у меня сегодня есть причина быть голой, у тебя же это ненормальный пунктик. Мою одежду ты испортил, – усмехаясь, отхожу в сторону. Лазарро рассматривает меня с ног до головы, и я чувствую прилив крови к каждой, оставленной им вчера, ране на теле.

– Мне нравится твоя дерзость, Белоснежка. И я голоден.

Опять, – Лазарро кривится и выключает плиту.

Опускаю глаза к его паху. Верю. Он всегда твёрдый. Как так можно? Неужели, член никогда не устаёт?

– Ты хочешь, чтобы я тебе отсосала? – склоняя голову набок, привыкаю говорить вульгарности. Его глаза вспыхивают наслаждением от моих слов.

– Чёрт, да. Повтори. – Он подходит ко мне, и я вскидываю голову к его лицу.

– Отсосала. Взяла твой член в рот и обхватила его губами. Облизала его и сосала, пока губы не потрескались, – выдыхаю я.

– Да... да... учишься быстро, Белоснежка. Слишком быстро, – он улыбается, прикрывая глаза и надавливает ладонью мне на плечо, но я сбрасываю его руку.

– Пока только на словах могу отсосать. Продемонстрируешь хорошее поведение и не натянешь на него рот очередной шлюхи до завтрашнего дня, я опущусь на колени, чтобы отсосать тебе, – говорю и покрываюсь краской стыда от кончиков ушей до пальцев ног. Это гадко, но, чтобы увидеть недоумение на лице Лазарро, оно того стоило.

– Я не буду верным, Белоснежка. Я имею тех, кого хочу и когда хочу, – фыркает он.

– Хорошо, без проблем. Это твоё решение, но, насколько могу судить, то я перенимаю от тебя самые дурные привычки. Удивительно, но ты, действительно, учишь меня в этом новом мире похоти. Я о ней раньше не знала и поэтому бла-

годарна тебе за опыт, – обхожу его и достаю вилку и ложку. – Ах да, ещё одно. У меня к тебе просьба, пригласи меня посмотреть, как тебе отсасывают. Идёт? Так, чтобы я понимала, как сделать приятное мужчине. На будущее, – улыбаясь, смотрю ему в глаза. У Лазарро даже веко дёргается от злости, а я хочу смеяться. Псих.

Он дёргается в мою сторону, но я вовремя отпрыгиваю в сторону. Он приближается ко мне, а я так же быстро отхожу спиной назад.

– Ты, блять, что, мне ультиматумы ставишь? – орёт он.

– Что ты, Босс, как бы я посмела, – хихикая, отскакиваю в сторону от его прыжка.

– Белоснежка, ты сейчас доиграешься.

– Ох, ну да, оказывается, я люблю играть. – Хохоча, вылетаю в гостиную, а он несётся за мной. Конечно, я знаю, что он меня поймает. Лазарро цепляет мои волосы и тянет назад. Толкает к стене и хватает мои запястья, сжимая их и приковывая к холодной поверхности.

– Ну и что ты сделаешь, Босс? Я не принадлежу тебе так, как бы ты хотел. И ты мне не принадлежишь так, как бы я хотела. Разве я не права? Ты поощряешь измены, требуя, чтобы я молчала и была такой же послушной, как Бруна. Терпела грязь. Но я не она и никогда ей не буду. Я буду мстить тебе чисто из принципа, а ты меня будешь наказывать за то, что сам мне показал и чему научил. И здесь вина не моя, а твоя.

– Не провоцируй меня, Белоснежка. Я же выебу тебя, что

ты потом ходить не сможешь. Я изуродую тебя. Я... – рычит, отпуская мои руки, до боли обхватывая пальцами мой подбородок.

Отворачиваюсь от него и искривляю губы.

– Раз тебе так неприятна сама мысль, что я буду с другим, пока нахожусь с тобой, то теперь подумай, что чувствую я, – шепчу и бросаю на него косой взгляд.

– Ты не я, Белоснежка. У тебя нет полномочий.

– Ошибаешься, Лазарро. У меня их целая куча. Власть. Только сейчас я поняла, что владею твоими настроением и похотью. Тебе это не нравится, но поверь, это тоже не моя счастливая мечта. Я хочу тебя, – накрываю его щёку ладонью и мягко провожу по ней. – Я не скажу тебе «нет», если ты не скажешь «да» шлюхам. Прошу лишь об уважении ко мне, как к женщине, с которой ты спишь. Научись уважать тех, кто принимает тебя вместе со всеми твоими завихрениями, – добавляя, надавливаю сильнее на его пальцы, лежащие на моём лице, и шагаю к нему. Лазарро испепеляет меня ненавистью за правду. Он терпеть не может, когда я вытаскиваю его слабости наружу.

– Лазарро, я не предаю, и никто не узнает от меня то, что вижу я. Тебе не нужно быть дерьмом рядом со мной. Всё может быть куда проще. Не борись со мной, тогда и я не буду стыдиться того, что ты меня возбуждаешь. Я не буду бояться этого и пойду навстречу к тебе, ожидая только удовольствие, а не отвращение. Не буду отворачиваться от тебя, а стану

принимать твои поцелуи. Я буду видеть в тебе не насильника, а любовника. – Замечаю, что его пальцы разжимаются и ослабевают. Затем рука его падает на моё бедро.

Пользуясь случаем, тянусь к его губам, привставая на цыпочки.

– Ты останешься единственным, чьи поцелуи я буду боготворить, – выдыхаю в его рот.

– Хитрая сука ты, Белоснежка, – он цокает и качает головой.

Кусаю нижнюю губу, улыбаясь ему.

– Но ты успокоился. Видишь, всё может быть куда проще, если ты захочешь этого. – Прижимаюсь к его шее губами. К его вчерашней ране и тёмному пятну от моих зубов. Я целую это место, поглаживая его грудь ладонями. Языком веду ниже. Лазарро хватает меня за голову, вжимая в свою грудь.

– С кем ты борешься сейчас, Лазарро? Со мной или с собой? – спрашивая, поднимаю на него взгляд, кончиком языка цепляя его сосок. Он стискивает зубы. Ему нравится. Он всегда так делает, чтобы подавить стон. Шипит.

– Пару дней назад Итан задал мне вопрос. Ответишь на него моими словами или хотя бы близко к ним, я приму твои условия. Нет – я буду изводить тебя и трахать у тебя на глазах всех, кто попадётся мне под руку. Сейчас моё поведение в твоих руках, – неожиданно произносит он довольно серьёзно.

Облизываю губы и выпрямляюсь.

– Какой вопрос? – хмурюсь я.

– Что ты будешь делать, Босс, если Белоснежка решит уйти от тебя? Как ты сможешь её удержать?

Непонимающе приподнимаю брови.

– Подумай, что я ответил, и скажи мне. Даю всего минуту. – Он обхватывает второй ладонью мою щёку.

– Мне не нужна минута, – шепчу я.

– Тогда говори.

– Ты ответил ему: было бы охренеть, как смешно, с её стороны считать, что она сможет уйти от меня. Она моя, – говорю на одном дыхании.

– Я не держу её, но она принадлежит мне. Я не принуждаю её, она читает меня по взгляду. Я не учу её, она впитывает мою силу сама. Я отпущу её, но она обернётся, чтобы проверить, следую ли я за ней. Я буду молчать, а она – кричать тишиной. Я буду иметь в рот шлюх, а она будет изменять мне глазами. Глазами, мать твою. Глазами иметь каждый член, получая наслаждение от этого, а я кончить не смогу. Она не может оставить раны на моём теле, но оставит их намного глубже. Я не вижу её в своём будущем, но она всё равно останется в моей голове. – Это самое чудовищное признание в моей жизни от мужчины, но оно красиво в своём уродстве.

– Изменять глазами? – прыскаю от смеха.

– Ты уже поимела меня ими несколько раз. Один раз на кухне, ты повернулась, и я трахал тебя там. Второй раз

у стены, когда ты раздвинула ноги, и я поймел тебя у неё. Третий раз ты опустилась на колени, и я кончил тебе в рот. Скажешь, что не было такого?

– Я не заметила, – шепчу.

– Зато заметил я.

– Так я правильно ответила? – прищуриваясь, спрашиваю.

– А как сама думаешь? Ты хорошо меня изучила, и твои мозги начали пульсировать. Или это клитор? Я запутался, где у тебя главный центр мозговой активности.

Смеясь, пихаю его в грудь.

– Ты сложный человек. Ты псих. Ты неадекватный. Ты зачастую пугаешь меня, но почему-то хочется, чтобы мой ответ был верным.

– Значит, он такой.

– Лазарро, – возмущённо повышаю голос. – Мне не нужны поблажки. Я хочу услышать правду. Что ты ему ответил?

Он отпускает меня и отходит в сторону.

– Ты узнаешь только методом наблюдения. И держи свои глаза при себе, Белоснежка. Увижу, что ты ими трахаешь кого-то, разозлюсь.

– Ты снова сделал кучу ошибок в слове, Лазарро. Прикупи словарь, что ли, – подраживаю его.

– И в каком же? – усмехается он.

– Не разозлюсь, а приревную. Называй уже всё своими именами. Это не больно, поверь, проверено на себе. Я ревную тебя, хотя это и не возвышенные чувства, не надейся.

Просто я знаю, что ты мой. Мужчина с кучей психологических отклонений, но почему-то именно они меня и возбуждают. Не знаю, наверное, мне слишком осточертела правильная жизнь, и когда-нибудь из Белоснежки я превращусь в Злую и похотливую диснеевскую Королеву.

Губы Лазарро подрагивают, и он смеётся.

– Не забегай вперёд, Белоснежка. Ты пока на стадии прогулок в лесу. А что будет, когда войдёшь в замок? – интересуется он с улыбкой.

– К этому моменту я научусь хорошо стрелять.

– Главное, не забудь взять пистолет, а не оставить его у меня.

– Но ты же напомнишь. Ты любишь мне напоминать о многих моих минусах и промахах. Не ломай систему, Босс, – усмехаясь, поднимаю с пола ложку и вилку.

Он поднимает руку и манит меня к себе. Подхожу к Лазарро. Он обхватывает ладонями мою талию, притягивая ближе.

– А что мне со стояком делать, Белоснежка? – шепчет он.

– Я бы могла помочь, но пока лишь наблюдаю, Босс, – улыбаюсь ему.

– Думаешь, я долго буду терпеть твои шуточки?

– Зачем мне об этом думать. Это ведь твои проблемы...

Рыча, Лазарро разворачивает меня к себе спиной и толкает к стене.

– Мои проблемы – твои проблемы, Белоснежка. Я не буду тебя спрашивать, а просто возьму тебя. – Он прижимает ме-

ня грудью к стене и гладит мою ягодицу. Кусаю губу, бросая на него взгляд.

– Я не буду милым и добрым. Тебе меня не изменить. Сейчас мне просто интересно, что будет дальше. Но всему приходит конец. Ты услышала меня?

– Прекрасно. Я об этом осведомлена. – Злость появляется в моей груди. Не хочу думать о конце прямо сейчас. Я не могу думать о том, что на моём месте через неделю, месяц, год, пять лет будет другая, и именно тогда Лазарро захочет чего-то большего, чем просто секс. Он возведёт её в дамки, потому что влюбится. Сама мысль о том, что Лазарро сможет перечеркнуть все свои страхи ради другой, меня безумно ранит. Чёрт, неужели, Бруна чувствовала себя так же, как я? А ведь я заняла её место. Выходит, что всегда будет следующая.

– Я голодна, – резко произношу, вырываясь из рук Лазарро.

– Твой стояк – твои проблемы. Найди свободный рот, тебе не привыкать, – фыркая, добавляю.

Нет, он не сделает меня похожей на Бруну, и я не стану ей. Никогда. Я должна тщательнее продумать план и стратегию своего пребывания здесь.

– Белоснежка, опять завела тараканов в своей голове. Что на этот раз? – кричит Лазарро. Беру кастрюлю с кашей и иду мимо него.

– Ничего, я просто голодна. Я не ужинала и даже не обеда-

ла вчера. У меня желудок болит. Спасибо за завтрак. Умеешь сделать приятное, когда хочешь, – пожимая плечами, натягиваю улыбку и поднимаюсь наверх к себе.

– Белоснежка, ты оборзела. Ну-ка возвращайся, – цедит он.

– Прости, у меня другие планы, ведь в свои ты меня не посветил. И попроси кого-нибудь привезти мне одежду, иначе я выйду на улицу голой. А ещё верни мне телефон. Хотя бы иллюзию создам, что я не рабыня твоей похоти, – выплёвывая последние слова и хлопаю дверью в свою комнату.

Чёрт, я забыла, что здесь нет кровати. Ничего. Поём стоя. Больше влезет.

Боже, как меня злит ревность к ещё несуществующей женщине, которая должна появиться. Сможет ли Лазарро любить кого-то? Не меня? Да и, вообще, нужна ли мне его любовь, если я никогда не буду в силах принять его образ жизни и стать второй Мартой? Нет. Так что бесполезно горевать о том, что не моё. Лучше сконцентрироваться на том, чтобы Лазарро навсегда запомнил меня и каждую минуту своей жизни сравнивал с другими. Я стану лучшей. Стану интригой, которой он никогда не сможет разгадать. Чёрт... Лазарро изменил меня, он создал внутри меня неизвестную женщину, и это меня пугает. Злость и ревность, страсть и похоть. Грязь и измененные желания. Я не люблю его, но его кровь слилась с моей, и эта связь намного сильнее, чем любая другая. Я просто знаю это. Никогда не чувствовала ничего по-

добного к мужчине. Я уверена, конец будет плачевным.

Глава 7

Лазарро злится на меня. Я злюсь на себя. Итан злится на нас обоих. Симон никак не выражает своих эмоций. Потрясающий день.

– У нас есть план? – стараюсь выглядеть дружелюбной, интересуюсь, наблюдая за тем, как рабочие вносят коробки в пентхаус.

– Вау, ты со мной заговорила, – хмыкает Лазарро, делая глоток виски.

– Не считаешь, что ещё слишком рано для того, чтобы напиваться? – Указываю взглядом на бокал в его руке.

– Иди на хрен, Белоснежка, – цедит он, специально выставляя руку, чтобы Итан налил снова в пустой бокал алкоголь.

– Вчера была. Пока не планирую, – ехидно парирую.

– Босс, у нас банкет сегодня, – напоминает Итан.

– Насрать. Какая вам обоим разница, пью я или нет? Я уже пьян от её поведения, так не нервируй меня хотя бы ты. – Лазарро бросает злой взгляд на Итана, а тот поджимает губы.

– Мне нужно быть на банкете?

– Нет.

– Да.

Удивляюсь положительному ответу Итана. Не я одна.

– С каких пор ты решаешь за меня? У меня есть с кем пой-

ти, и она точно знает, что такое быть покорной мне и не дерзить, – ядовито улыбается Лазарро.

Закатываю глаза и цокаю.

– Она пойдёт с Карлом. Забыл сказать, что Сэл звонил около трёх часов назад и просил об услуге. Из-за вашего последнего... хм, спора, он считает, что именно так все увидят, что между вами нет разногласий.

Тишина повисает в разрушенной гостиной, слышны только шаги рабочих. Неожиданно бокал в руке Лазарро разлетается на кусочки, и осколки сразу же впиваются ему в кожу. Испуганно охаю и прикрываю рот.

– Ты, блять, ничего не сказал об этом? И дал за меня согласие? – рычит Лазарро, поворачиваясь к Итану.

– Ты был занят, насколько я помню, и просил тебя не беспокоить до первого звонка. А я твой заместитель. Это разумно, Амато тоже поддержал мой ответ. Нам не нужны проблемы с их семьёй, тем более в такой ситуации. И Карл мог бы помочь нам, а у Лавинии есть голова на плечах. Не так ли? – Итан смотрит на меня.

– Давление ощущаю, значит, она на месте. Лазарро, не сжимай ладонь, поранишься сильнее. Я принесу полотенце хотя бы, – тяжело вздыхаю и направляюсь на кухню, подавляя улыбку. Он ревнует. Мне это нравится, но беспокоит то, что Лазарро уже нашёл кого-то. Ничего. Посмотрим, что за шлюху он притащит вечером. Посмотрим. И я точно должна там быть.

Смачиваю полотенце водой и возвращаюсь. Итан и Лазарро о чём-то вполголоса спорят и замолкают при моём появлении. Подхожу к Лазарро и приподнимаю его руку.

– Знаешь, тебе повезло, что там был алкоголь. Сразу же продезинфицировал всё. Обдуманый ход, – весело произношу, осторожно убирая осколки.

– Ты едешь в дом, – отрезает Лазарро.

– Вряд ли, Босс. Если я буду там сидеть, то мы никогда не поймем работорговца. Ты сам говорил, что чем чаще я появляюсь на публике, тем больше даю ему поводов убить меня. Так что твоя ревность сейчас лишняя. К слову, я скупаю по Карлу. Он мне нравится, и я хочу извиниться за то, что ему пришлось увидеть меня голой и насаженной на твой член. Это рубеж, который нельзя переходить в дружбе. Дружба не должны видеть друг друга голыми, иначе это может привести к серьёзным последствиям. Не ори, у нас гости, – спокойно произношу и поднимаю взгляд на Лазарро. Его трясёт от ярости. Прижимаю полотенце к его порезу на руке.

– А вы не беспокоитесь, что рабочие увидят или прихватят с собой парочку пистолетов? Такая мелочь, конечно, но всё же, – едко добавляю.

– Они работают на нас. И они глухонемые. Не волнуйся. Если они прихватят пистолеты, то те незамедлительно окажутся у них в задницах, – отвечает Итан.

– Хорошо. А нам не могут привезти стол и стулья? Есть стоя неудобно. А ещё неплохо было бы покрасить здесь сте-

ны.

Лазарро и Итан переглядываются и прыскают от смеха.

– Что не так? Он ведь всё изуродовал. Я могла бы покрасить стены. Не впервой.

Теперь они уже смеются.

– Вы выглядите козлами сейчас, – шиплю, надавливая сильнее на ладонь Лазарро полотенцем. Он шипит и, кашляя, прочищает горло.

– Белоснежка, у нас покрасить стены означает поставить к ним людей и перестрелять их. Ты уверена, что хочешь покрасить стены? – спрашивает, продолжая насмехаться надо мной.

– Кто виноват, что вы изгадили даже нормальные слова? И если вы не поняли, о чём я, или же пытались показать свою грамотность, то оба безнадёжно просрали это дело.

Итан замирает от моих слов.

– Забыл сказать, она теперь всё повторяет за мной и ругается так же. Чисто из принципа, да, Белоснежка?

– Именно, – киваю.

– Босс, я прошу только об одном, не оставляй её больше одну на такой длительный срок, потому что она становится слишком близка к покраске стен добровольно.

Закатываю глаза и цокаю, отпуская руку Лазарро.

– Дикая роза. С шипами. Разве это неинтересно? – усмехается он.

– Мне нет.

– Тебе и не должно быть. Здесь главный я, и моё слово – закон. Поэтому ты едешь в дом, сидишь там и ждёшь меня. Я буду поздно ночью. – Лазарро пристально смотрит мне в глаза.

– Ты снова забылся, Босс, – фыркаю. – Я свободна и могу передвигаться куда пожелаю. И раз меня пригласили на банкет, то я не упущу такой возможности пообщаться с нормальными людьми. Почему ты против? Из-за Карла? Или из-за того, что я увижу, как ошиблась в своём ответе?

Он стискивает зубы, играя желваками.

– Ладно. Пусть Симон отвезёт тебя в магазин. Купи приличное платье, поняла меня? Увижу вырезы, прозрачную ткань, голую спину, ноги...

– Ты мне не папочка, Босс. Ты лишь любовник и, вероятно, уже бывший. Так что не диктуй мне условий, в данный момент ты не трахаешь меня, чтобы я была отупевшей дурой. Выберу то, что понравится мне. Это моё тело, и я что хочу с ним, то и делаю. До вечера, дикарь, – зло цежу, разворачиваясь и направляясь к лифту, где уже стоит Симон.

– Она всё же стала такой...

– Сукой? Да, я это тоже заметил.

– И она...

– Вдвойне сука, потому что я лишь сильнее хочу её трахнуть.

– Но она...

– Втройне сука, если поймает Карла глазами. Мать их.

А она это делает. Чисто из принципа.

– Ты же...

– Урою. Именно так. Его. А её запру, на хрен, в доме.

– Босс, ты...

– Мне нужно выпить. Хочу быть пьяным, чтобы не видеть то, во что она вырядится чисто из принципа. Белоснежка теперь живёт по какому-то грёбаному принципу, постоянно держа меня в напряжении и раздражая своим языком. Лучше бы так на моём члене работала.

– Лазарь!

– Иди на хрен, Итан. Я поговорил с единственным умным человеком в этой грёбаной комнате. С собой.

Прыскаю от смеха и вхожу в лифт. Едва только двери закрываются, я хохочу в голос.

– Боже, какой он псих, – шепчу, смахивая слёзы и качая головой.

– Спасибо за одежду, Симон, – обращаюсь к нему. Он только кивает мне.

– Я не должен этого говорить, но Босс знал, что вы едете сюда, и приказал вместе с вами привезти одежду для вас из дома, мэм.

– Что? Почему же он не отдал мне её сразу? – удивляюсь я.

– Видимо, ему нравится видеть вас голой. Он и сам любит быть обнажённым.

– Ошибаешься, ему нравится меня изводить.

– Вы уверены, что именно Босс вас изводит, а не наобо-

рот?

– Абсолютно. Он издевается надо мной. Ты же в курсе, что он вчера инсценировал свою смерть?

– Да, мы к этому готовились два дня.

– Что? Как два дня? – шокировано выпаливаю.

– Мэм, Босс всегда знает, о чём вы думаете. Ему не нужно спрашивать об этом у нас. Поэтому будьте осторожны в своих мыслях. Он может воплотить каждую, и она вряд ли будет именно такой, какой вы себе её представляли. – Симон выходит на этаже парковки, а я безумно удивлена. Вот же козёл! Он постоянно на несколько шагов впереди меня и поэтому ожидает, что я нарушу все его приказы. Посмотрим.

И ещё я зла на себя за то, что приревновала Лазарро к призраку, потом показала характер и выдала себя этим. Уверена, ему не стоит труда угадать всё, о чём я думаю, если он точно и чётко рассказал о том, сколько раз я представила утром секс с ним. Меня даже пугает такая осведомлённость о моих мыслях. Как ему удалось забраться в мою голову? Даже наедине с собой теперь побыть нельзя. Наглый псих.

Меня привозят в один из бутиков, где за мной постоянно следует охрана. Симон одним взглядом предупреждает меня не отходить от него.

– Я хотела спросить, – приглушаю голос, сидя в кресле, пока мне подбирают наряды.

– Да, мэм? – Симон опускает взгляд, стоя рядом со мной.

– Та пожилая женщина...

– Вам нужно забыть о милосердии, мэм. Вы увидели, что теперь будут манипулировать именно им. Ребёнок, младенец, беременная женщина...

– Я поняла. Не об этом спросить хотела, – цокая, закрываю глаза.

– Хорошо, если вы, действительно, это поняли, а не просто отмахиваетесь от моих слов. В этом мире нет жалости.

– Поняла. Всё. Хватит. Лекций Лазарро по горло хватает. Вернёмся к моему вопросу. Как вам удалось скрыть, что это было убийство? Я слышала о том, что мы якобы снимали фильм, но ведь был труп? – уже шепчу.

Симон коротко улыбается, а затем его губы превращаются в привычную тонкую линию.

– У нас много схем для отвлечения прохожих при таких ситуациях. Они годами разрабатывались Боссом и работают идеально. Не думайте об этом, никаких проблем убийство не принесло.

– Ты не расскажешь мне об этом, да?

– Нет, мэм, это тайны семьи, а вы не входите в неё по собственной воле.

Раздражённо передёргиваю плечами.

– И ты туда же, Симон. Я поступила правильно, – бурчу.

– Не для себя, мэм. Для Босса, да. Он не приемлет такого. Он передаст всё Итану и его детям.

– У Итана есть дети? – удивляюсь я.

– Нет, но когда-нибудь будут... предполагаю. Босс не со-

бирается их заводить, как и жениться. Тем более объявлять вас своей любовницей. Это практически жена. Это предупреждение, мэм. Я бы не хотел, чтобы вы сами себе разбили сердце. Осколки внутри и снаружи причиняют разную степень боли. Берегите себя от неё, ведь лекарства от любви ещё не придумали.

– Что ты... я нет... закрыли тему. – Хмурясь, откидываюсь в кресле. Хватит уже постоянно говорить мне, что у нас с Лазарро нет будущего. Я это знаю и понимаю, но вот... чертовски паршиво надеяться. Надо просто обрубить эти чувства, а как? Лекарства нет. Так, может быть, этот огонь перегорит? И я не люблю Лазарро. Любовь другая, я видела её между своими родителями. Она лечит, а не калечит. Так что между нами химия. Это то, чем называют обычную похоть, вуалируя её приличным словом.

Выбрав платье к банкету, под надзором охраны и Симона возвращаюсь обратно. Я так думаю, но машина, плутая по улицам, везёт меня явно не домой.

– Что происходит? – напряжённо спрашиваю Симона.

– Приказ Босса показать вам окрестности. Примерно ещё пару часов, – отвечает он.

– Это снова какая-то фраза из вашего мира? Вроде окраски стен? – интересуюсь я.

– Вроде того, мэм. Это значит, что я не должен пускать вас туда, где находится Босс до тех пор, пока он не разрешит.

– Потрясающе, – качаю головой, а потом меня пронзает

ужасающая мысль.

– Он же никого там не убивает? – испуганно шепчу.

– Нет, мэм.

– Чёрт, он притащил туда шлюху, с которой будет на банкете, да? – рычу я.

Симон прыскает от смеха. И это впервые, когда он так широко улыбается.

– Со шлюхами у него разговор короткий, мэм. Ваша территория не загажена.

– Я совсем не это имела в виду. Просто это выглядит совсем некрасиво с его стороны, – сразу же обороняюсь.

– Некрасиво, мэм? Я бы сказал, это охренеть, как грязно.

Кривлюсь от слов Симона.

– Когда ты молчал, нравился мне больше.

– Вы мне тоже, мэм.

– На этом и закончим.

– Я буду только рад.

– Ты специально отвечаешь мне, чтобы последним закончить диалог? Я могу препираться вечно, Лазарро научил меня плохому, – шиплю.

– Вы пока не видели плохого, мэм, но кто знает, что вас ждёт впереди.

– Симон, всё!

– Как только вы прекратите говорить, – кивает он.

– Как только ты замолчишь, я прекращу с тобой говорить.

Он сжимает губы, а на моих расползается победная улыбка.

ка.

– Видите, я отвлѣк вас от криминальных мыслей и планов.

– Симон! – кричу, а потом смеюсь.

– Не думала, что ты такой... нормальный. Ты мне казался козлом. Причѣм злым козлом.

– Я ещё хуже, мэм. Надо налаживать контакт, как сказал Босс.

– То есть это он приказал тебе со мной говорить?

– Нет, он разрешил мне с вами говорить, мэм.

– Он запрещал тебе?

– Как и каждому из нас. Только в крайних случаях, когда дело касается жизни и смерти.

– Он больной, – киваю на своих словах.

– Он Босс. Никто в здравом уме не сможет им быть.

– Ими рождаются или становятся? – интересуюсь я.

– Становятся, мэм. Мы все рождаемся ангелами, но потом ад выбирает своих жертв.

– Ты считаешь, что мафия – это ад?

– Нет, я говорю про мир. Мафия – это одно из чистилищ, где проверяют, достоин ли человек жить дальше, или его лучше утилизировать, чтобы он не забрал тех, у кого ещё есть шанс выбраться из дерьма.

– То есть из мафии можно уйти? Жить нормальной жизнью? Работать в супермаркете или же где-то ещё? – удивляюсь я.

– Нет, мэм, – усмехается Симон. – Я говорю про смерть.

Для нас она рай.

– Не понимаю. Ты же только что сказал, что вы утилизируете людей, значит, этим самым даруете им рай?

– Весь смысл в словах, мэм. Утилизация и смерть разные понятия. Утилизация – это круги ада, мучения и никакого облегчения до последнего вздоха. Смерть, быстрая, резкая, внезапная, как освобождение от грехов.

– Ты веришь в Бога?

– Я верю вот в это, мэм. – Симон достаёт пистолет и показывает его мне.

– Тогда почему ты говоришь о грехах? Это библейская тема, – замечая я.

– Бог и смерть синонимы, мэм. Для нас, по крайней мере. Его распяли. С ним приходит смерть. То есть освобождение и вознесение. Так что для вас и для нас Бог одно и то же – свобода.

– Ты не хочешь этим заниматься, да? – грустно спрашиваю его.

– Я обожаю свою семью, мэм. Это единственное, что у меня есть. Кто-то должен выполнять грязную работу, мэм, и это делаем все мы, оставляя обычным людям уже расчищенную дорогу.

– Слуги Божьи, – шепчу я.

– Нет ада и рая, мэм. Есть этот мир. Эта жизнь. Один шанс прожить её так, чтобы на том свете было стыдно всем вокруг. Боятся двигаться, рисковать, жить. Глупость. Люди бе-

рут кредиты, чтобы было всё стабильно. Машинально одеваются и идут на работу. Глупо. Всё это слишком глупо и недоступно для нас. В нашем мире всегда кипит жизнь. Её огонь несётся по венам, и надо уловить каждый миг, чтобы было, о чём вспомнить и гордиться тем, что ты не предаёшь себя. Никто не знает, что нас ждёт через час или два. Никто не может угадать этого. Так что надо брать от каждой минуты всё, выжимая её, давя на неё, и получать удовольствие.

– Я запомню, – слабо улыбаюсь ему.

Он кивает мне и замолкает. Я знаю, что Симон специально не ответил, чтобы оставить выигрыш за мной, но тот факт, что он так разговорился, меня поразил. Он интересный собеседник, и я думаю, что каждый из этих мужчин имеет не только физическую силу, но и развитый ум, иначе бы Лазарро их не выбрал. Удивительно, сколько нового можно узнать о людях и о самой жизни за столь короткий срок. Странно, что я это начинаю познавать только в двадцать семь лет. Выходит, что я потратила впустую столько времени, и моя жизнь лишь с приездом в Америку стала по-настоящему насыщенной и яркой. Да, зачастую она окрашена кровью, но ошибки не всегда приводят к ужасным последствиям. Порой они нужны, чтобы увидеть и оценить себя со стороны. Узнать себя. Изучить себя. Поверить в себя. Ошибки крайне необходимы. Их нужно совершать, а не бояться. В ошибках таится смысл жизни.

Глава 8

Покатавшись по городу, как предполагаю, больше двух часов, потому что слишком часто Симон предлагал мне посетить магазины и развлечься, ища новые и новые поводы, чтобы я вышла из машины и откровенно убила время, мы, наконец-то, возвращаемся в пентхаус. Симон и другие мужчины вносят покупки, а я устало оглядываю серые стены. Ноги гудят.

– Оставьте всё на полу, я потом разберу. Спасибо, – натягиваю улыбку, предназначенную Симону и остальным. Теперь у меня склад пакетов на полу. Потрясающе.

Лазарро сбегает вниз, и я поднимаю на него взгляд.

– Надо же, ты до сих пор ещё не пьян, – усмехаюсь, замечая, что его глаза совершенно ясные и при виде меня сверкают удовольствием. Хорошо, это приятно.

– Я работал, пришлось быть относительно трезвым. Как поездка? – Он приближается ко мне и кладёт ладони мне на талию.

– Нормально, если бы меня не катали кругами по всему Манхеттену и не забивали голову всякой ерундой. Но зато я побывала в супермаркете и купила средства для уборки, а также новый гель для душа. Насколько я помню, ты его весь использовал.

– Меня тошнит от того, что ты покупаешь мне гель для ду-

ша, Белоснежка. – Лазарро не может сдерживать улыбки, и моё снова сердце тает.

– Тебя будет тошнить больше, когда мы оба начнём во-
нять. Так что с гелем для душа мыться куда приятнее, чем
без него. Мне было несложно. – Пожимаю плечами и прово-
жу ладонями по его груди.

– Закрой глаза, Белоснежка.

Удивлённо вскидываю брови, смотря на Лазарро.

– Зачем?

– А ты не спрашивай, выполняй приказ.

Цокая, делаю так, как он сказал.

– И не подглядывай. Не лишай себя наслаждения. – Ла-
зарро обходит меня и оказывается позади.

– Надеюсь, что ты никого не распял в одной из комнат.
Или не покрасил стены. Или что-то ещё. У тебя слишком
извращённая фантазия, я даже придумать не могу, что ты
хочешь мне показать.

Он ведёт меня по лестнице на второй этаж, постоянно
придерживая за талию.

– Не волнуйся, Белоснежка, скоро твоя фантазия тоже
расширит свои границы, и тогда ты будешь угадывать, что
у меня на уме, – шепчет Лазарро, подталкивая меня дальше.

– Почему-то мне не хочется знать, что у тебя на уме. Если
я буду знать это наверняка, то пропадёт вся интрига.

– Ты, наконец-то, поняла смысл интриги, Белоснежка,
но не волнуйся, тебе никогда не стать лучше меня.

– Ты слишком самоуверен в себе, Босс, – хмыкаю я, когда мы останавливаемся.

– Пахнет краской. Сильно воняет, – кривлюсь я.

– Ты сегодня очень капризная, Белоснежка. Тебе ничего не нравится, – цокает Лазарро, отпуская мою талию.

– Почему же ничего? Мне понравилось, когда ты поранился, – пожимаю плечами.

– Ещё вчера ты говорила, что не хочешь причинять мне боль.

– Я нет, а вот когда ты сам с собой это делаешь, то это довольно приятно. Не одной же мне страдать из-за тебя, – широко улыбаюсь от смеха Лазарро.

– Открывай глаза, Белоснежка, и утихомирь уже свои капризы.

Быстро распахиваю глаза, и мою улыбку стирает напрочь. Сердцебиение в груди усиливается. Испытав шок от увиденного, я закрываю рот рукой.

– Лазарро, – шепчу я.

Не могу поверить в то, что я стою в словно совершенно новой только окрашенной и заново обставленной спальне. Она изменилась. Стены стали светлее, чем были раньше. Они со странным мерцанием. Новая кровать шире предыдущей и с невероятной красоты бархатным высоким изголовьем, выполненным в серо-голубом цвете, шкафы тоже на месте и зеркала. Тумбочки обиты тканью того же цвета, что и постель, как и банкетка, стоящая у изножья кровати. На полу

мягкое белое ковровое покрытие.

– Боже мой... – Я не могу отойти от потрясения и обхожу спальню, изучая дизайнерские торшеры с серебряным декором. Удивительный в своей красоте потолок кажется словно покрыт звёздами, переливающимися в свете, струящемся из приоткрытого окна.

– Тебе нравится?

Бросаю взгляд на Лазарро и в знак согласия киваю несколько раз.

– Это потрясающе. У меня нет слов. Никогда не видела ничего красивее. Боже... Лазарро, это просто удивительно красиво. – Присаживаюсь на корточки и смотрю на переплетающиеся друг с другом металлические ножки банкетки.

– Я просто в шоке. – Подскакиваю на ноги и прыгаю в руки Лазарро. Смеюсь, целую его в губы и обнимаю за шею.

– Стены изумительные. Никогда не видела такого цвета. Они словно мокрые и выглядят так, будто находятся под водой, или...

– Жемчужные, Белоснежка, – подсказывает Лазарро, и я киваю.

– Невероятный оттенок, и он и не тёплый, и не холодный. – Отпуская его, подхожу к стенам и разглядываю их.

– Неповторимый, – раздаётся голос Лазарро за спиной, и я вновь киваю.

– Как твоя кожа, – добавляет он.

Я резко оборачиваюсь.

– Жемчужная. Лаконичная. Аристократичная. Роскошная. Бесценная. Дорогая.

Чувствую, как краснеют мои щёки.

– Почему не бриллианты? Ведь они самые дорогие в мире, разве нет? – спрашиваю, склоняя голову набок.

– Бриллианты вычурны, и их легко подделать. Порой даже самый осведомлённый человек не может отличить фальшивку от чистого камня. Для этого требуется экспертиза. Жемчуг иной. Его можно имитировать или культивировать, но это легко установить. Это самый удивительный минерал, который я видел. Он меняет своё свечение в зависимости от времени суток и освещения, словно демонстрируя характер. Как ты. Жемчуг не всегда ровный, зачастую у него есть естественные углубления, и от этого он становится ещё дороже. Он не идеален, как бриллиант, но говорит о богатстве не в кошельке, а в том, что бьётся у тебя в груди. Жемчуг камень вечной невинности и чистоты.

Лазарро замолкает, и видно, как он горд собой, а меня переполняют эмоции от того, что он сделал для меня и что при этом сказал. Только для меня. И теперь становится понятно, зачем меня так долго катали по городу. Это просто невероятно, ведь Лазарро был очень романтичен, сравнивая меня с жемчугом. Таких слов мне ещё никто не говорил.

– Но спать тебе всё равно придётся на моём матрасе.

Закатываю глаза, сразу же понимая, зачем он всё портит. Он не хочет, чтобы я видела в нём кого-то большего, чем

просто убийцу.

– Да, здесь воняет. Тебе не поставили кровать? Почему?

– Ребята полностью были заняты этой спальней. И ещё кое-что... – Лазарро берёт меня за руку и толкает дверь гардеробной. Она снова забита одеждой.

– Надеюсь, что всё это проживёт дольше, – замечаю я.

– Умеешь обосрать настроение, Белоснежка, – усмехается он.

– Констатирую факт, но только не думай, что я недовольна. Мне всё нравится и очень, я просто прошу тебя потом не испортить всё это. Я, правда, красивее этой мебели ничего не видела, как и цвета стен. Ты всё это заказывал, да?

– Хм, да. Мебель сделали по моей задумке.

– Так ты ещё и дизайнер? Сколько талантов пропадает, – смеюсь я.

– Белоснежка, не переходи границы, – предупреждает он, и тембр его голоса понижается.

– А ты не устанавливай их, – отвечаю, передёргивая плечами, и отхожу от Лазарро, разглядывая стены.

– Я Босс.

– Это ничего не меняет, Лазарро. Ты Босс для них, но для меня ты просто мужчина. Тебе всегда нужно доминировать, да? – спрашивая, бросаю на него взгляд через плечо.

– Всегда.

– Но при этом ты ждёшь ласку и искренность.

– Это плохо?

– Нет, но доминирование не означает давление. Не будем о плохом. Итак, каковы дальнейшие планы? Банкет. Мы едем туда вместе, или ты отправишься со своей спутницей? Она приедет сюда или ты заедешь за ней? Я бы попросила тебя оставить мне Симона. Мне он нравится больше Итана, – быстро меняю тему.

– Тебя не касается, откуда и когда я заберу свою спутницу, – теперь он рычит.

– Хорошо. Не злись, я просто интересовалась. Ты прав, это только твоё дело, – спокойно произношу, пожимая плечами.

Лазарро прищуривается, словно не верит мне. Пусть не верит, но я не дам ему повода снова обвинять меня в ревности. Хотя я ревную. Сильно.

– Насчёт Карла... Он ещё не уверен, сможет ли поехать...

– Хватит, Лазарро. Карл поедет, ты не убедишь меня в том, что он откажется от встречи со мной и обязанностей, которые на него возложил Сэл. Так что сейчас ты выглядишь глупо, считая, что это как-то заденет меня, и я передумаю. Нет. Я еду. С Карлом. – Вот теперь мне хорошо видна промелькнувшая в его глазах злость. Он сам виноват.

– Предупреждаю тебя, Белоснежка, держи свои мысли при себе. И не дай бог, я замечу, что ты позволила ему большее. Поняла меня?

– Что ты подразумеваешь под большим, Лазарро? Я только уточняю. – Складываю руки на груди, начиная очередную

бессмысленную войну.

– Ты знаешь, что я подразумеваю.

– Нет. Абсолютно не знаю. У тебя постоянно меняется настроение, так что ты лучше скажи, что конкретно мне запрещено делать с Карлом. – Хожу по тонкому лезвию. Я уже ощущаю прилив адреналина в крови, и мне так нравится это чувство. Оно возбуждает.

– Прикосновения...

– Прости, но мне придётся прикасаться к нему, как и ему ко мне. Мы не можем идти на расстоянии друг от друга. Это будет выглядеть ненормально, – быстро вставляю.

– Белоснежка, не провоцируй, – рычит Лазарро, приближаясь ко мне.

– Договоримся иначе. Всё, что ты позволишь себе, я скопирую. Всё просто, Лазарро. Хочешь обладать мной, так умей держать свой член в штанах. Я не приемлю грязи, ведь и тебе она тоже противна. Почувствуй, как это неприятно, – произношу и с вызовом вскидываю подбородок.

– Ты переходишь границы, Белоснежка. Выставишь меня перед всеми мудаком, я тебя накажу. В этот раз сильнее. Не провоцируй, – цедит он, пытаясь подавить меня своей мощью.

– Ты сам с этим прекрасно справляешься, мне даже делать ничего не нужно.

Издав рык, Лазарро грубо хватает меня за подбородок и стискивает его пальцами.

– Ты, блять, нарываешься, Белоснежка, – шипит он. Отворачиваюсь, и его губы скользят по моей щеке.

– Повторяю, я не шлюха. Заруби это себе на носу, Лазарро. Если ты окружил себя ими, то это не моя проблема. Если считаешь, что все женщины готовы на секс с кем попало, то ты ни черта не знаешь женщин, – шепчу я.

– Я тебя предупредил. – Он отталкивает моё лицо от себя, и я, охая, отступаю. Ища поддержку, облакачиваюсь ладонью о стену и кривлюсь.

– Чёрт, – щиплю, смотря на отпечаток моей ладони на стене.

Лазарро приглушённо смеётся.

Обиженно поворачиваюсь к нему и резко провожу пальцем по его носу.

– Ты охренела? – орёт он, толкая меня в сторону. Теперь моя очередь смеяться. Я оставила краску на его лице.

– Теперь ты точно найдёшь, как её смыть. Это лишь моя уверенность в том, что не одна я буду ходить испачканной, – хихикая, пожимаю плечами.

– Сука, – шипит Лазарро, пытаясь рукавом пиджака оттереть краску с носа, но лишь сильнее размазывает её.

– Запомни, я буду всегда повторять то, что делаешь ты. Не знаю почему, но с тобой я падаю в грязь. И это лишь начало. Прежде чем схватить меня и причинить боль, подумай, чем я отвечу тебе...

– Я тебя урою, – рычит он.

– Ты можешь, но не сделаешь этого. Ты мог убить меня, насильно взять или просто связать, повесить и лупить, но ты знаешь, что границу никогда не переступишь. И я знаю об этом. Ты ничего плохого мне не сделаешь, разве что оттрахаешь так, чтобы я это запомнила. Я запомнила, и теперь вряд ли обычный секс меня удовлетворит. Точнее, секс без адреналина. Итак, как будем решать эту проблему? – спрашиваю, показывая на свою ладонь.

– Тебя несёт не в ту сторону, Белоснежка. Тебя заносит. Сильно. Ты сама не замечаешь этого?

– Тебе не нравится? Я думала, что ты в восторге, – криво усмехаюсь.

– Всему есть предел. И сейчас ты уже близка к тому, чтобы меня начало тошнить от тебя.

– Тогда определись, где тебя будет тошнить, потому что это моя комната, и ты её только что отремонтировал для меня. Не гадь здесь, иначе мне снова придётся оттирать твоё дерьмо. Поэтому лучше выйди...

– Белоснежка!

Знаю, что говорю гадости.

Лазарро подскакивает ко мне и хватает меня за плечи. До боли. До хруста костей.

– Прости... я взвинчена и... не знаю уже, что сказать. Тебе не нравилось, когда я была вежлива. Тебе не нравится, когда я ругаюсь и спорю с тобой. Хотя ты именно этого добивался. Тебе ничего не нравится. Так что я капризна именно из-за

тебя. Ты избалован, Лазарро, и меня всё это пугает. Остановись дай мне передышку. Я больше не хочу копировать тебя, но делаю это неосознанно, – шепчу, тяжело вздыхая.

– Ты меняешься, ищешь себя, и я не трогаю тебя, потому что знаю об этом. Я видел это часто, но другим людям требуется больше времени, чем тебе. Ты должна учиться контролировать себя, Белоснежка, и понимать, как и с кем ты говоришь. – Лазарро приподнимает мой подбородок и придвигает моё лицо ближе к себе.

– Это не остановить?

– Нет. Чем дольше ты находишься в моём мире, тем сильнее он тебя затягивает. Ты привыкаешь к плохому, а это самое сладкое и запретное в обычном мире. Контролируй себя и свои глаза. Поняла?

– Что не так с моими глазами снова? – раздражённо спрашиваю, глядя на него.

– Ты опять меня имеешь прямо сейчас, у этой стены, оставляя на ней отпечатки наших тел. И я устрою тебе это. Позже. Мы создадим искусство. Я обещаю, но сейчас угомонись. Твоя задача выжить. Твои принципы сегодня могут завести тебя в очень неприглядную сторону. Я говорю про Карла...

– Лазарро, прекрати. Он мне нравится, как человек, и только. Не выдумывай того, чего нет, – фыркаю я.

– Ты просто боишься себе в этом признаться, Белоснежка. Есть. И много. Я это видел. Мне пришлось поскорее вернуть-

ся из Италии, потому что на тех фото я заметил больше, чем просто дружескую встречу для совместной стрельбы по мишеням. Твой взгляд был полон огня и интереса, но я не потерплю подобного. Так ты будешь смотреть только на меня. – Наклоняясь, он грубо целует меня и отпускает.

И ведь он прав. Я помню тот момент в лесу и теперь точно могу сказать, что тогда Карл привлекал меня, как мужчина. Я не шлюха и не буду поддаваться этой грязи. Нет. Мне противно от самой себя.

– Лазарро, – тихо зову его.

– Да?

– Я могу тебя кое о чём попросить? – Бросаю на него напряжённый взгляд.

– Попробуй.

– Пообещай мне, что если я зайду слишком далеко, потеряю сердце и саму себя, то ты исчезнешь из моей жизни, чтобы дать мне свободу и не позволить сойти с ума. Мне страшно от своих мыслей. Страшно от того, что я говорю. Страшно иногда в зеркало смотреться. Страшно от странных эмоций. Я не хочу стать убийцей. Хладнокровной убийцей. Поклянись, что если ты заметишь во мне подобные признаки, то оттолкнёшь и напомним, что я не твоя, и этот мир не мой. Прошу тебя, – медленно подхожу к нему. – Не хочу этого. Я знаю себя и то, что делаю сейчас, как отвечаю тебе, порой желая тебя придушить, убить, отомстить, меня пугает. Я не причиню тебе боль. Я. Не то, что ты видишь сейчас пе-

ред собой, а я... настоящая. Я никогда не заставлю тебя идти против себя. Поклянись, что ты не дашь мне уничтожить вот это внутри меня. Иначе я потеряю всё. Лишусь сердца, а без него это буду уже не я, – с горечью произношу, вглядываясь в его глаза.

– Клянусь, Белоснежка. Я сделаю так, что мой мир навсегда исчезнет для тебя, – серьёзно произносит он.

– Спасибо, – натянуто улыбаюсь ему. – И мне, правда, очень нравится то, что ты для меня сделал. Это лучший подарок в моей жизни. Не цена этой мебели, а цена времени, которое ты потратил на мысли обо мне.

Лазарро, удерживая меня за талию, притягивает к себе и обнимает.

– Когда-нибудь ты научишься балансировать между этими состояниями, Белоснежка. Ты будешь и злой королевой, и невинной принцессой в одном лице. У тебя получится, если будешь тщательнее за мной наблюдать. – Он отклоняется немного назад и касается ладонью моей щеки.

– Зачем мне это уметь, если моё будущее никогда не будет связано с твоим? – шепчу я.

– Ты сама отказалась от этого шанса, – напоминает он.

– Ты этого хотел. Не обманывай, что не через силу просил меня в ту ночь стать твоей любовницей. Я видела боль в твоих глазах, Лазарро.

– Ты права. Я никогда не захочу этого. Дело не в тебе, а в том, что я выбрал одиночество для безопасности тех, кто

меня окружает. Не хочу и не буду тратить время на отношения с женщиной. Для меня это бессмысленно. Она всё равно умрёт. Рано или поздно. Она умрёт внутри, как ты и говорила. Я видел это. Моя мать умерла. И я знаю, что делает мой мир с женщинами. Он превращает их в шлюх для удовлетворения потребностей, злости, обиды и мазохизма. Я не могу так поступить с тобой. Ты моя только на определённый срок. – Он вновь гладит мою щёку, а сердце уже в осколках. Страх Лазарро мне очень понятен, и я не виню его в том, что не собирается, даже в своих мыслях, сделать меня кем-то большим, чем просто женщиной, с которой он просто развлекается.

– Мне этого достаточно. Я знаю, что всё это когда-нибудь закончится, тебе не нужно мне напоминать. Но прошу, не отвергай то, что я могу и хочу тебе дать в это время. Получай удовольствие, ты так говорил?

Лазарро приподнимает уголок губ и кивает.

– Именно.

– Значит, всё в порядке. Поможешь смыть краску? – спрашивая, поднимаю ладонь.

– Ты испортила стену, Белоснежка, – обвиняет он меня.

– Знаешь, пусть так и останется. Как напоминание о том, что порой отсутствие человека может быть намного громче, чем его присутствие. Однажды наступит день, когда ты не будешь знать, как поступить. Приди сюда, в эту комнату, и вспомни, что ночь никогда не может быть вечной. Всегда

наступает рассвет, а ты ведь уже научился его искать.

Глаза Лазарро темнеют, и в них я различаю грусть, одиночество, горечь, печаль. Это всё проносится в его взгляде за несколько секунд, а потом зрачки сужаются.

Он хлопает несколько раз меня по щеке.

– Пойдём, смоем краску, а потом я уеду. Тебя заберёт Симон, и мы встретимся на банкете. Надеюсь, что твоё принципиальное платье не заставит меня никого убить сегодня. – Лазарро улыбается, но это механическая улыбка. Ничего не значащая. Неискренняя. Он на что-то переключил свои мысли, чтобы не поддаться чувствам, которые, уверена, ощутил так же сильно, как и я. Только вот проблема заключается в том, что Лазарро умеет абстрагироваться от боли и быстро забывать о ней, а я всегда буду искать в этой боли искренность и ласку.

Глава 9

– Даже не знаю, Босс будет либо удивлён, либо крайне недоволен вашим выбором, мэм, – усмехается Симон, встречая меня у лифта.

– Мы это узнаем, только когда он меня увидит. Разве я плохо выгляжу? – с улыбкой интересуюсь, направляясь за Симоном в лифт.

– Вы выглядите хорошо, мэм. Вы непохожи на шлюху.

– Высшая похвала. Благодарю, ты очень галантен сегодня и разговорчив.

В ответ он улыбается шире, демонстрируя морщинки вокруг тёмных глаз.

– Босс упоминал о том, что вы не любите тишину. Я стараюсь изо всех сил, мэм.

– А как долго ты будешь обращаться ко мне «мэм»? У меня есть имя, Симон.

– Босс запретил это. Он вас обезличил для нас.

Моё настроение портится.

– Прекрасно, теперь я личность без имени, – фыркаю.

– Не злитесь, он это сделал для того, что мы не привыкали к вам, мэм. Вы ведь когда-нибудь покинете нас, а если мы будем обращаться к вам по имени, то это будет означать, что мы приняли вас, как одну из наших. Это не так. Поэтому субординация крайне важна в нашем деле.

И снова я понимаю поступок Лазарро. Привыкать довольно легко, а вот отвыкать больно.

– Карл уже ожидает вас. Вы поедете с его охраной, я буду сопровождать вас до банкетного зала, чтобы впоследствии привезти обратно домой, – сообщает Симон.

Я чувствую, как мой пульс повышается при упоминании о Карле. Я не видела его с того самого вечера в опере и понимаю, что очень волнуюсь. Вероятно, он мне нравится несколько больше, чем друг. Вероятно, Лазарро прав. Но я не испытываю к нему таких же чувств, как к Лазарро. Они тише, спокойнее... и привычнее для меня. Может быть, поэтому я нервничаю из-за предстоящей встречи.

Дверцы лифта открываются, и Симон выходит первым, а затем останавливается, ожидая, когда я подойду к нему. Мой взгляд сразу же находит Карла, стоящего у белоснежной иномарки. Не могу отрицать, что он невероятно красив в тёмно-синем костюме и галстук-бабочке. Его, словно ещё мокрые после душа, волосы лежат мягкими волнами, а глаза при виде меня сверкают озорством и радостью.

– Винни, – с придыханием произносит он моё имя, и моё сердце замирает.

– Добрый вечер, Карл, – с улыбкой киваю ему.

– Добрый. Я думал, что красота женщины в обнажении, но оказывается, что всё совсем наоборот. Ты умеешь произвести впечатление. Признаюсь, что каждый раз жду, какой я увижу тебя снова. – Он подхватывает мою руку и оставляет

на ней поцелуй. От его слов я покрываюсь краской смущения.

– Прощу, Винни, нас ожидает интересный вечер. – Карл помогает мне сесть в машину и аккуратно укладывает шлейф платья рядом.

Если в машине Лазарро постоянно пахнет кожей и его парфюмом, и в ней я чувствую каждую частичку его сильного характера и звериной сущности, у Карла всё иначе. Светлая обивка кресел, мягкая, негромкая музыка и романтическая атмосфера, слабый и тонкий аромат освежающего парфюма. Мягкость, вот чего не хватает Лазарро. Но будь он мягким со мной, то я бы никогда не захотела ему подчиниться.

Заставляю себя переключиться на другие мысли и не думать о Лазарро. Он помог мне смыть краску с руки, а я ему с его носа. Затем молча развернулся и ушёл, опять оставив меня одну. Я никогда не знаю, где он, и что с ним, и это утомляет. А вот Карл, наоборот, всегда готов мне рассказать и довериться о своих передвижениях. Почему Лазарро так отличается от всех?

– Ты в порядке, Винни?

Слабо вздрагиваю от слишком громкого голоса Карла.

– Да... да. Почему ты спрашиваешь? Всё хорошо, – быстро отвечаю.

– Я звал тебя раз пять, но ты никак не реагировала. Не пугай меня. Не хочу, чтобы наши отношения испортились. –

Он бросает на меня взгляд и улыбается.

– Всё нормально, но насчёт того...

– Не надо. От того, что я увидел, моё отношение к тебе не изменилось. Ты для меня никогда не была и не будешь шлюхой, – быстро заверяет меня.

– Ты специально хотел разозлить Лазарро. Ты атаковал не меня, а использовал, чтобы отомстить ему за что-то. За что? – спрашиваю его.

– Ты права, Винни, я действовал через тебя.

– Ты так легко подтверждаешь это. Где твоя совесть?

– Я похоронил её уже очень давно, но тебе врать не собираюсь. Я был уверен, что Лазарь сделал это без твоего согласия, и меня раздражает то, что он насильно заставляет тебя быть с ним. Я не терплю такого. Мне хотелось ему напомнить, что ты свободна, как и том, что ты личность, а не одна из тех шлюх, к которым он привык. Наверное, я пытался защитить тебя и твои чувства. Не знаю. Прости меня. Я не хотел причинять тебе боль в тот вечер, но остановиться не смог. – Карл поджимает губы и тяжело вздыхает.

– Я пойму, если ты больше не захочешь общаться со мной. Но знай, я не испытываю чувства стыда за то, что видел и за то, что сделал. Лазарь переходит все границы. Он нарушает правила, считая, что ему всё разрешено, раз он Босс. Он просто отдаёт тебя на потеху гиенам, а сам наблюдает до тех пор, пока не наступает критическая точка, чтобы затем выглядеть героем в твоих глазах. Но зачастую он прово-

цирует каждого для собственного спектакля, в котором сам всегда исполняет главную роль. А я молчать не умею. Не собираюсь молчать. Он не признал тебя до сих пор, как свою женщину, как любовницу. Он не может ни взять тебя полноценно, ни отпустить, а в результате плохо лишь тебе, Винни. Прости... прости, я не должен на тебя всё это вываливать. – Карл резко мотает головой и сильнее стискивает ладонями руль.

– Спасибо, что вывалил на меня это, – мягко произношу и кладу ладонь на плечо Карла. – Мне приятно, что ты честен со мной и не пытаешься быть всегда хорошим. Ты живой человек, но прошу тебя, не лезь в мои отношения с Лазарро. Я сама справлюсь.

– А есть ли отношения, Винни? Ты уверена, что всё именно так, как тебе кажется? – горько хмыкает Карл.

– Меня это не волнует. Я приняла его правила игры и твои тоже. Но больше не используй меня в своих перебранках с Лазарро. Я не позволяю себе такого. Это низко так манипулировать мной. Хорошо?

– Я понял. Прости. – Карл похлопывает по моей руке, и я улыбаюсь ему.

– Знаешь, я по тебе скучала. Правда. Очень тебя не хватало, – признаюсь, убирая руку.

– Ради этих слов можно было вытерпеть и кулак Лазаря, – хмыкает Карл.

– Что? – Моё лицо вытягивается.

– Не бери в голову. Так мальчишечьи забавы. Помяли друг друга немного и разошлись в разные стороны. Ему не нравится, когда кто-то другой прав, – криво улыбается Карл.

– Боже мой, почему вам, мужчинам, всегда и всё нужно решать силой? Не умнее будет использовать мозги? – фыр-каю, качая головой.

– Ты имеешь в виду вышибить их? – смеётся Карл.

– Я имею в виду способность думать ими, купить и прочитать много книг, чтобы вести дебаты ртом, а не кулаками. И я уверена, что суть и предмет спора не во мне. Это было бы глупо. Тогда в чём? Что вы не поделили? – недовольно спрашиваю.

– Это наше нормальное состояние. Нам нравится друг друга доводить. Так тянется с детства. Мы всегда соперничали, и продолжаем это делать. Только Лазарь всегда был хладнокровнее меня. Он убил своего отца, а я не смог.

– Прекрати. Он не убивал их...

– Кто знает, – передёргивает плечами Карл и останавливается у ворот роскошного особняка.

– Я прошу тебя больше таких догадок не строить. Пожалуйста. – Бросаю на него умоляющий взгляд.

– Хорошо, но это только потому, что ты такая красивая и добрая.

Закатываю глаза от его слов, а Карл смеётся.

Нас пропускают через ворота, и перед глазами раскидывается очередное дорогое и изысканное поместье.

– Итак, что у нас в программке на этот вечер? Куда мы приехали? – интересуюсь я.

– Вечеринка у мэра. Нас всегда приглашают, потому что мы работаем сообща. Не знаю, что за повод сегодня. Мэру разве нужен повод, чтобы закатить вечеринку? Не знаю, но вроде бы у него кто-то родился или умер, я не особо запоминал суть. Я здесь, чтобы поужинать бесплатно.

Смеюсь и качаю головой от его слов.

– Карл. Неужели, сам мэр пригласил вас?

– Ты ещё президента не видела, но обещаю, что возьму тебя с собой на встречу с ним. – Он подмигивает мне и выходит из машины. Охрана сразу же окружает нас. Карл помогает мне выйти из машины, и я оглядываюсь.

– То есть здесь собрались сливки общества, – замечаю я.

– Прокисшие. Да, именно они.

– Я волнуюсь. Никогда не была на подобных приёмах. Боже, я видела английского мэра только по телевизору и на страницах журналов. Не думала, что ваши кровавые связи ведут так высоко, – шепчу, прижимаясь к Карлу, пока мы проходим внутрь.

– И высоко, и глубоко, Винни. Мы везде. Ты не найдёшь ни одного места в мире, где нет таких, как мы. Поэтому с нами лучше дружить, потому что мы всегда выигрываем. Мы самое живучее вероисповедание и самое жестокое, – приглушённо отвечает Карл.

Мы оказываемся в огромном холле, где полно людей. Все

они ходят туда-сюда, перемещаясь из зала в зал. Смеются, когда встречают знакомых. И это похоже на то, что можно увидеть по телевизору в репортажах со светских мероприятий о том, как живут богатые и знаменитые. Бриллианты, роскошные наряды и банкеты. Но это всё не моё. Я чувствую себя лишней в гонке по выяснению того, у кого украшения дороже. Это так низменно.

– По расписанию у нас банкет и концерт классической музыки с ариями из опер, – сообщает Карл, пробегаясь взглядом по программке.

– А повод-то есть?

– Какая разница? Главное, бесплатно.

– Боже, Карл, – хохочу, ударяя его по плечу, и он улыбается.

– Надо брать всё, что дают. Так что мы здесь за этим.

– Почему я тебе не верю? Вряд ли ты потратил бы время на то, чтобы поесть на халяву, – журю его.

– Ладно, я показываю товар лицом. Довольна, Винни?

– Товар?

– Себя. То есть я приехал сюда с целью убедить мэра в том, что наша семья ещё поддерживает его, и он может рассчитывать на нашу помощь. Я сегодня здесь, как представитель нашей семьи, потому что отец не смог приехать. Обычно он этой ерундой страдает. Ему нравится говорить о политике и спорить, в какие годы был расцвет, как пала власть, и какое огромное влияние имеет телевидение на умы молодёжи.

Любит пофилософствовать, а здесь, среди таких же маразматиков, он чувствует себя королём.

– Ты не самого высокого мнения о своём отце, да? – усмехаюсь я.

– А какого я должен быть мнения о нём? Он ублюдок, каких ещё поискать надо. Но он мой отец и мой Босс, так что когда-нибудь я буду танцевать на его могиле...

– Карл, нельзя так говорить, – с ужасом шепчу.

– Мне можно. Я его знаю получше тебя, и всё то, что ты видела, Винни, пыль, которую он научился пускать в глаза. Он не так хорош, как, в принципе, и каждый человек. Самое грязное – это бельё, которое мы носим. А чтобы добраться до него, нужно сначала убедить человека раздеться. И не каждый соглашается на это, потому что знает, как только его бельё будет выставлено на обозрение, то весь лоск превратится в самое неприятное воспоминание и отвращение. Понимаешь, о чём я говорю? – Карл подхватывает с подноса два бокала шампанского и протягивает один мне.

– Да. Думаю, да. Ты прав. К сожалению, мы всегда хотим казаться лучше, чем есть. Особенно перед незнакомыми людьми, чтобы они никогда не догадались, кто мы такие на самом деле, ведь тогда они узнают наши слабые стороны и впоследствии будут бить по ним, – кивая, делаю глоток шампанского.

– Я не видел тебя чуть больше недели, а кажется, что прошёл год, Винни. Ты изменилась. Мне нравится это. Безумно.

Ты и раньше была умной женщиной, а теперь стала поистине бесценной. Секс когда-нибудь надоедает, и приходит время разговоров. Но не все могут говорить, некоторые должны только сосать.

– Карл, – кривлюсь я. – Вот вроде бы комплимент сделал, а настолько грязно, что проще взорвать всё, чтобы не думать об уборке.

Он смеётся, откидывая голову назад, а затем возвращает на меня игривый взгляд.

– погоди взрывать, я ещё даже не обнажился перед тобой. Потом можешь, я не вынесу отказа и готов буду умирать.

– Дурак, – смеюсь, пихая его ладонью в грудь. Карл улыбается, делая глоток шампанского.

– Ты, правда, вульгарный. Очень вульгарный! И ты со мной флиртуешь, – добавляю с улыбкой.

– Чёрт, ты только это заметила, Винни? Я с того самого момента, как увидел тебя, это делаю. Теряю хватку, раз столько остроумных ответов впустую. – Мы снова смеёмся.

– Вообще-то, я заметила это сразу, так уж и быть, признаюсь. Но порядочная женщина никогда не покажет своей заинтересованности в мужчине, пока он не сделает что-то невероятное ради неё. Мама меня так учила.

– Подкинь пару идей, потому что боюсь, отрубленные пальцы тебя не впечатлят.

– Гадость, Карл.

– Винни, – он ловит меня за руку и притягивает ближе

к себе. – А если серьёзно? Есть то, о чём ты мечтаешь?

– Хм, поймать работоторговца. Можешь его голову принести? Я буду не против. Только чур, не показывай мне её. Я тебе на слово поверю.

– А что-то нормальное? Не из нашего мира. У тебя же были мечты раньше, пока ты не попала сюда?

Я замечаю, что наш разговор стал глубже, и моя улыбка угасает.

– Когда-то я мечтала, чтобы мама выздоровела, нужны были деньги на её лечение, и я нашла нормальную работу. Сейчас моя мечта лишь о том, чтобы они хотя бы живы были. Теперь мои прошлые проблемы мне уже не кажутся такими ужасными, ведь деньги я нашла, продав всё, что было у меня. Работа не была настолько паршивой, как мне казалось раньше. Не знаю, Карл, кажется, я, вообще, перестала мечтать, – с горечью в голосе отвечаю.

– Эй... ты должна мечтать. – Он приподнимает мой подбородок пальцем, удерживая этой же рукой бокал.

– А какой смысл?

– Если ты будешь мечтать, значит, останется хоть что-то, во что ты сможешь верить. Надеяться, понимаешь? Даже если этого не случится, то сам факт, что ты дошла до момента, когда это не случится, должен снова оставлять надежду. И вот так, мелкими перебежками, ты придёшь к тому моменту, когда надежда будет оправданной. Разве не таков смысл жизни? Разве она не разделяется на промежутки, как отдель-

ные главы в наших книгах судеб? И книг может быть много, так что всегда нужно оставлять место для мечты и надежды. Особенно тебе. Иначе ты умрёшь внутри. Без света ты погибнешь, Винни.

Его слова трогают мою душу. Они ласкают её, обволакивают сладким нектаром и лелеют. Мне становится хорошо в груди. Тепло так.

– Спасибо, Карл. Ты даже не представляешь, как мне было это нужно, – благодарно улыбаюсь ему.

– Всегда к твоим услугам, Винни. – Он касается кончика моего носа, и я морщусь.

– Может быть, ты и есть мой свет, Карл?

Он широко улыбается в ответ и пожимает плечами.

– Это мы узнаем только в следующей главе или в следующей книге. Но прошу, не забывай обо мне писать хотя бы иногда.

– Обещаю, что о тебе я никогда не забуду.

Мы смотрим друг другу в глаза, и что-то странное происходит. Так много света исходит от Карла, хотя я знаю, что он один из плохих парней. Он убивает с такой же жестокостью, что и Лазарро. Но я вижу не только его горящий жизнью взгляд, но и сердце, которое у Лазарро, увы, зачастую отсутствует.

Неожиданно мне на спину ложится ладонь. Мужская, крепкая. И мой разум поглощает тьма, которую я словно сама призвала, боясь нарушить клятву поклонения ей одной,

которую даже не произносила. По моей коже бегут мурашки. Мазок прикосновения полыхает на ткани моего наряда, и я делаю резкий шаг назад, поворачивая голову.

– Добрый вечер, Босс, – натягивая улыбку, смотрю в потемневшие карие глаза. Только вот там нет ни ревности, ни злости, а только азарт.

Глава 10

Я никогда не считала себя той, ради кого двое потрясающих мужчин будут бороться друг с другом. Даже в школе я не была популярна. Если честно я, вообще, не была популярна. Шла туда, куда меня тянули за руку, и молча двигалась рядом. В принципе, я никогда не думала о своей внешности, как о чём-то выдающемся или отличном от других. Обычная. Нормальная. Жить можно. Не выделяющаяся из толпы. И сейчас, стоя между двух мужчин, я до сих пор не понимаю, что они во мне нашли.

– Добрый вечер, Лазарь. Рад тебя видеть. – Карл обнимает меня за талию, притягивая к себе. Это не остаётся незамеченным Лазарро. Он быстро опускает взгляд, а потом поднимает его, широко улыбаясь.

– Вечер и впрямь стал куда интереснее, чем был. Вы ещё не были в соседнем зале? Там сегодня сырный фондю. Если ты не против, Карл, я украду твою спутницу, пока ты будешь занят.

– Я свободен, Лазарь, и не у меня тебе нужно разрешение спрашивать. Винни, ты хочешь сырный фондю? – Карл поворачивает ко мне голову.

Я хочу домой, а не снова выбирать кого-то из них.

– На самом деле я ещё не особо проголодалась, но, видимо, у Босса есть что мне сказать. Хватит этого завуалирован-

ного дерьма, идёт? И хватит уже перетягивать меня каждый на свою сторону, я буду на своей. Карл, я скоро вернусь к тебе, – резко произношу и делаю шаг вперёд.

– Показывай своё фондю, Босс. – Залпом выпиваю шампанское и отдаю бокал Карлу.

Лазарро предлагает мне руку, и я кладу свою ему на локоть.

– Зачем ты это делаешь? Сам же портишь всем настроение, – приглушённо говорю.

– Хреновое платье. И это даже не платье. Ты в штанах, – фыркает он, бросая взгляд на мои ноги.

– Это комбинезон, причём довольно оригинального кроя. Мне нравится, а ты никогда даже и комплимента не скажешь, если только я не голая. Ты же не хочешь снова обсудить мой наряд, верно? Так что выкладывай, зачем мне смотреть на фондю? – обиженно цокаю.

– Я ещё не решил, нравится мне этот костюм настолько, чтобы его разорвать на тебе, или он мне не нравится настолько, чтобы его порезать на тебе.

– Лазарро. – Останавливаюсь и зло смотрю на него.

Он ухмыляется и касается пальцами моих губ, проводит по ним, но я хватаю его за руку.

– Мда, – он опускает руку и качает головой. – Я передумал. Фондю ты не заслужила. Возвращайся к Карлу.

– Да что с тобой? – шепчу, непонимающе вглядываясь в его хмурое лицо.

– Хочешь знать?

– Я ведь спросила об этом, поэтому да, хочу. Что не так? Мою грудь не видно, спина закрыта, штаны длинные и даже шлейф есть. Волосы собраны. Что тебе опять во мне не нравится?

– Мне не нравится, как ты на него смотришь...

– Боже мой, Лазарро, не начинай. – Закатываю глаза и отпускаю его руку.

– Я наблюдал за тобой. Десяти минут хватит, чтобы понять – ты увлечена Карлом. На меня ты никогда не смотрела так, словно готова прыгнуть со мной в огонь и умереть за меня.

– Как ты можешь делать такие выводы за меня? Ты ошибаешься, – качаю головой и разворачиваюсь, собираясь вернуться к Карлу. Лазарро мягко обхватывает мою талию ладонями.

– Меня ты трахаешь глазами. Имеешь. Ебёшь. А с ним ты занимаешься любовью. Это моя вина. Я был слишком самоуверен в своём ответе Итану. Хреново ошибаться в женщинах. Оказывается, это неприятно. Поэтому я им и не верю. Они всегда обманывают. Спасибо, что избавила меня от очередной ошибки. Будь ты моей любовницей, он был бы уже мёртв, а я бы потерял остатки авторитета. Я не готов лишаться ни такого человека, как Карл, ни того, ради чего пахал столько лет, из-за обычной шлюхи вроде тебя. Хорошего вечера, Лавиния Браун.

Боль разрывает моё сердце. Холод пронзает тело, как только руки Лазарро исчезают с моей талии. Мне хочется заплакать от несправедливости и беспочвенных обвинений. Я ничего не сделала, чтобы он снова меня унижал, но при этом слышала такую горечь в его голосе. И его слова оседают в моём разуме. Меня тошнит.

– Винни? Всё в порядке?

Поднимаю взгляд на Карла и отрицательно качаю головой.

– Он снова высказал тебе претензии? Не бери в голову. Лазарю редко что-то нравится, и он...

– Нет, он назвал меня по имени. Это странно. Лазарро считает, что ты мне очень нравишься. И он прав. Это паршиво, Карл, потому что я...

– Не продолжай. Я знаю. Я чувствую это, но не руби сплеча. Дай сама себе время разобраться во всём. Тебя сейчас может рвать на части, ведь ты пережила достаточно, чтобы иметь право на страх. Ты считаешь, что рядом со мной не будет опасности, но это не так. Она будет всегда. Не надо. Не думай. Давай, пройдем к столику и посидим, ладно? Не думай о Лазаре. Он слишком мрачен. – Карл обнимает меня за талию и ведёт рядом с собой.

Самое страшное, что Карл ничего не понял. Я забыла о Лазарро, пока была рядом с ним. Мысли о нём, вообще, вылетели из моей головы, её наполнил смех, которого мне так не хватает. Лёгкость. С Лазарро всегда и всё на грани. От этого тоже устаёшь, и я знаю, что сама виновата сейчас,

потому что за чем-то не уследила, не прервала какие-то мысли и позволила себе расслабиться. Но я всего лишь живой человек и так устала от постоянной ночи.

Карл подводит меня к одному из многочисленных столиков. Опускаюсь на стул, а слова Лазарро продолжают крутиться в моей голове. Я не знаю людей, которые окружают меня, но Карл их знает. Он легко поддерживает с ними общие темы беседы, пока я взглядом ищу Лазарро.

– Привет.

Вздрагиваю, когда на плечи Карла ложатся женские руки.

– Привет, Винни. Я так рада тебя видеть! Боже мой, какая ты красивая. Марта теперь на вторых ролях, – смеясь, Ноэль чмокает в щёку брата, а затем меня.

– Ты снова опоздала? – недовольно произносит Карл.

– Я же девочка, имею право. Ничего страшного с Лазарем не случилось, – хихикает Ноэль.

– Что? Ты с Лазарро пришла? Ты его спутница? – спрашиваю.

Девушка быстро кивает и улыбается мне, а моя кровь леденеет.

– Ага, не понимаю, зачем он меня пригласил, если не умеет даже разговаривать. Придурок. Он меня жутко раздражает. Надеюсь, мне удастся сбежать отсюда после ужина. Я специально не обедала, чтобы съесть больше.

– У вас что, это семейное? Есть бесплатно? – прыскаю от смеха.

Карл улыбается мне и подмигивает.

– А вы Лазаря не видели? Он куда-то пропал. Я хочу присесть за наш столик, но даже не знаю, где мы сидим. Как ты его терпишь, Винни? Ему только траурные процессии вести, а не ходить по приёмам, – раздражённо передёргивает плечами Ноэль.

– Наверное, у бара. Найди выпивку или Итана. Лазарь без этих двух вещей никуда не ходит, – советует Карл, и Ноэль смеётся.

– Хорошая идея. А ты неплохо смотришься, красавчик, выполняя обязанности отца. – Девушка треплет его по волосам, отчего Карл шипит и отбивает её руку.

– Не порть мою причёску. Найди Лазаря и отвали от нас. Ты портишь аппетит, – огрызается Карл.

– Если бы папа пришёл с Мартой, то мне бы не пришлось торчать здесь. Лазарь был бы с Винни, – цокает Ноэль, пробегаясь взглядом по залу.

– Уйди отсюда, – цедит Карл.

– Ага, ты меня ещё ударь, как отец Марту, и тогда, вообще, всё будет прекрасно. Винни, не верь этому смазливому личику, в крови его обладателя живёт насилие. В принципе, как и в моей. Только Марту жалко... ой, вот и Лазарь.

Перевожу шокированный взгляд на Карла, поджавшего губы, с недовольством смотрящего на Ноэль, убегающую от нашего столика.

– Что она сказала? Сэл ударил Марту? За что? – испуганно

шепчу.

– Давай, в другой раз, ладно? Сейчас не время, – тихо про-
износит Карл.

– Это правда? Это ведь не аббревиатура?

– Позже, Винни, – понижая голос, он сжимает мою руку
под столом.

На этом всё. Вечер полностью испорчен. Почему Сэл уда-
рил Марту? Почему всё в моей жизни снова становится тём-
ным?

Мэру Нью-Йорка дают слово, но я ничего не слышу. Я
просто смотрю в пустоту. На гостей. На шикарную обстанов-
ку. На улыбки. В тёмные глаза человека, сидящего через стол-
лик от нашего. Они, не мигая, смотрят в мои. Лазарро. Его
мрачный, тяжёлый взгляд полон разочарования. Мне при-
ходится опустить глаза. Почему так стыдно? Почему я чув-
ствую себя так, как будто предала его, хотя ничего подобно-
го не делала? Даже не его, а себя? Я не считаю, что посту-
пила плохо. Я не позволяла Карлу лишнего, это был просто
флирт, которого я не знала раньше. Со мной никто не заиг-
рывал, или может быть, я просто не обращала на это внима-
ния. Не знаю, но для меня это было ново, и хотелось просто
расслабиться. Рядом с Лазарро я становлюсь другой, словно
часть меня засыпает и дерзит другая. А рядом с Карлом спя-
щая подавляет злость, боль и постоянное ощущение никчём-
ности. Я больше не могу... у меня сейчас нет сил бороться
за что-то.

Мой взгляд снова встречается со взглядом Лазарро. Он не сводит его с меня и следит за мной. Выпивает силы. Оставшиеся силы. Я не слышу ничего из того, что происходит вокруг. Я только вижу лица людей, сидящих рядом с нами за столом, смеющиеся и кивающие от какой-то остроумной фразы Карла. Смотрю на сцену, на которой поют певцы и играет оркестр. Я перевожу взгляд на площадку, где танцуют очень высокопоставленные люди, и понимаю, что мне нет среди них места.

В глазах скапливаются слёзы. Я не знаю почему. Быстро моргая, вытираю их, понимая, что больше не сдержусь.

– Мне нужно в уборную, – сдавленно шепчу на ухо Карлу. Он, улыбаясь, поворачивает ко мне голову и поднимается, собираясь идти со мной, но я кладу ладонь ему на плечо, качая головой.

– Мне нужно побыть одной. Пару минут, – прошу я.

– Конечно, Винни. Пройди на второй этаж. Там всегда гостевые комнаты оставляют открытыми. Уборные там тоже есть.

– Спасибо, – целую его в щёку и поднимаюсь со стула.

Опустив голову, быстро прохожу мимо столиков и направляюсь в зал, где уже осталось немного людей, в тишине обсуждающих что-то. Я для них тоже незаметна. Боже, как же мне паршиво. Почему не понимаю.

Поднимаюсь наверх и поочерёдно нажимаю на ручки дверей, ведущих в комнаты. Они не поддаются, и я иду дальше,

пока не нахожу одну из спален. Врываюсь внутрь и закрываю за собой дверь. Темнота, и никого нет. Совершенно подавленная падаю в одно из кресел и закрываю глаза. Но моё уединение длится недолго. Дверь открывается, и я перевожу хмурый взгляд на тёмную фигуру, мелькнувшую на секунду в свете коридора. Моментально напрягаюсь, когда мужчина приближается ко мне. Он бросает на столик пачку сигарет, а сам опускается в кресло, стоящее напротив.

– Нет. Я не буду с тобой ругаться. Не буду спорить с тобой. Не буду тебя переубеждать. Не буду с тобой говорить, – шепчу, мотая головой.

Лазарро не отвечает. Он зажигает сигарету и выдыхает дым. Ничего не понимаю. Он просто курит. Огонёк ненадолго озаряет в темноте его лицо, и я вижу, что он снова не сводит глаз с меня.

– Что ты хочешь? Оставь меня одну. Думаю, ты найдёшь для себя другую комнату, – произношу я.

– Почему ты плакала? – раздаётся его низкий голос.

– Подумай сам. Ты унизил меня без причины. Снова. Каждый раз, когда мы оказываемся на каком-то приёме, он заканчивается слезами для меня. Я устала от твоей тьмы. Устала... я не хочу её больше, – тихо признаюсь.

– А он твой свет? Твой день? Твоё солнце?

– При чём здесь Карл? Не приплетай его. Он не оскорбляет меня при каждом удобном случае, ни разу не повысил на меня голос. Он другой. Он не ты. Я не собираюсь выби-

рать: день или ночь. Мне нужно всё сразу, но, видимо, время не пришло. Ты – это голый секс. А он – это возвышенные чувства. Я не нуждаюсь ни в одном, ни в другом. Ни сегодня. Ни завтра. Ни через год. Мне противно. Сейчас от самой себя. Ты каждый раз забираешь у меня надежду на что-то хорошее, губишь это сам. А он, наоборот, убеждает меня в том, что сдаваться нельзя. Я сама свет и сама же ночь. Я цельная, и мне никто из вас не нужен. – Поднимаюсь из кресла и делаю шаг в сторону, чтобы уйти. Лазарро хватается за запястье.

– Нет. Я не понимаю тебя и не пойму. Думаю, в ту ночь ты не поймал меня, Босс, а отпустил, и я упала. Разбилась. Попала в ад. И я надеюсь, что скоро проснусь и больше не увижу тебя. Ни тебя. Ни Карла. Ни то, что я вижу в отражении зеркала. Мне так паршиво. Из-за тебя. – Вырываю свою руку из его и направляюсь к двери.

Я слышу быстрые шаги у себя за спиной. Оборачиваясь, распахиваю глаза, сжимаясь от страха, когда Лазарро настигает меня. Он толкает меня всем своим телом к двери, которая с грохотом захлопывается от силы удара. Охаю от боли во всём теле. Мои губы оказываются прижатыми к его. Лазарро грубо целует меня, и я ощущаю горький привкус сигарет на языке. Упираюсь в его грудь ладонями, пытаюсь оттолкнуть, но он ещё крепче прижимает меня к себе. Тяжело дыша, отрывается от моих губ.

– Я мудака. Я предупредил. Но я поймал тебя. Поймал

не для того, чтобы ты разрушала меня, Белоснежка. Я всегда верну тебя, где бы ты ни была. И всегда заставлю тебя хотеть меня, – жарко шепчет он.

– В этом и причина. Ты заставляешь, Лазарро. А с меня уже хватит давления. Хватит. Ты только и делаешь, что понижаешь меня в моих же глазах. Ты ничего мне не даёшь, кроме чёртовых нарядов и красивой обивки мебели. Дай мне большее. Дай мне себя, как делает это Карл. Он не стыдится быть неправильным и с собственными ошибками. А ты стыдишься их и отвергаешь. Нет, не смей убеждать меня, что я тебе изменила чёртовыми глазами. Нет. Ты первый изменил мне, когда перечеркнул столько усилий, вложенных в понимание тебя и принятие твоих поступков. Но я не буду с тобой ругаться. Просто хочу, чтобы ты понял – я не шлюха, и никогда ты в неё меня не превратишь...

– Белоснежка...

– Нет, – вырываюсь из сжимающих меня рук, бросая на него злой взгляд. – Нет. Ты человек, вот и вспомни об этом в следующий раз. Если я тебе нужна, то открой чёртовы шторы ипусти свет. Если я тебе безразлична, и ты лишь издеваешься надо мной, то отвали от меня. Отпусти меня.

– Я уже показал тебе, как я могу отпустить тебя. Хочешь ещё поиграть?

– Господи, Лазарро, ты глухой?! Вытащи вату из ушей и услышь меня! Мне осточертели твои игры и твой адрена-

лин! Ты оскорбил меня, обвинив в какой-то ерунде, а потом удивляешься, почему же я не желаю тебя видеть! Боже мой! Начни думать головой, а не своим членом! Мне не нужен голый секс, понял? Я им пресыщена уже! – задыхаюсь от крика.

Повисает тяжёлое молчание.

– Что ты хочешь от меня? Что тебе, действительно, нужно от меня, Лазарро? Ты можешь хотя бы раз честно сказать мне об этом? – шепчу я.

– Нет. Я буду врать. Так что лучше не спрашивай. Я не отдам тебя ему. Ты моя...

С моих губ срывается горький смех.

– Себя, может быть, ты в этом убедил, но меня нет. На этом всё. Даже не приближайся ко мне. Меня от тебя тошнит, как и от твоих губ, твоего вида и твоего характера. Ты избалованный сукин сын. Требуешь искренности, и я даю её тебе. Даже сейчас даю. Но ты этого не видишь. Мне жаль, но я не хочу больше быть рядом с мудаком. Я готова быть с мужчиной, которого, кажется, даже не знала, но он вызывал внутри меня странное восхищение до тех пор, пока не превратился в дерьмо, ищущее на каждом шагу повод, чтобы оскорбить меня и уверить себя, что всё в порядке, так и должно быть. Нет, не должно. Ты не уважаешь ни себя, ни тех, кто вокруг тебя. Твоё сердце разбито, и ты, не задумываясь, разбиваешь его всем, кто хочет дать тебе больше, чем голую порнографию. Ты думаешь, что она тебе ближе? Это

не так. Она проще, чем уважение, отношения и доверие. Ты просто наглый лжец, и я больше не чувствую себя в безопасности рядом с тобой. Мне некомфортно рядом с тобой. Мне хочется бежать куда угодно и быть с кем угодно, только бы больше не видеть тебя. – Распахиваю дверь и вылетаю из неё прежде, чем Лазарро снова остановит меня. Он не хочет даже услышать меня. Не хочет понять, что его слова причиняют боль. Его поведение унижает меня. Это бесполезно.

– Белоснежка, стой!

Спускаюсь по лестнице и вскрикиваю, когда внизу меня кто-то ловит за руку.

– Винни?

Облегчённо вздыхаю, когда вижу Карла.

– Давай, подышим воздухом, ладно? Мне нужно на воздух, – шепчу я. Мне, правда, не хватает кислорода. Голова огромная. Всё кружится, и я словно вот-вот упаду от боли одиночества внутри. Я только что сама отпустила Лазарро, оттолкнула его, а он даже не смог нормально поговорить со мной. Он, вообще, редко говорит со мной, как с разумным существом. Даже сам этот факт, не считая многочисленных оскорблений, меня подавляет.

Он бросает взгляд за моё плечо, и я уверена, видит там Лазарро. Но на его лице не отражается ничего плохого, только понимание.

– Конечно. Пойдём. – Он улыбается мне и, обнимая за талию, ведёт к двери.

Глава 11

– Держи, – Карл протягивает мне бокал с шампанским, и я благодарно ему улыбаюсь.

– Спасибо, что ничего не спрашиваешь, – шепчу, стоя у беседки в саду.

– А здесь и спрашивать не надо. Я видел, что он пошёл за тобой. Столько было шансов, а Лазарь просрал все. Удивительный придурок, – хмыкает Карл.

– Я не хочу говорить о нём. Не хочу. Рядом с его именем у меня огромная пустота сейчас, и я просто не знаю, что чувствую. Поэтому давай не будем обсуждать это, – прошу я.

– Без проблем.

– Почему ты такой понимающий? Почему ты не давишь на меня, как он? Почему? – спрашиваю, бросая на Карла наполненный бокал.

– Потому что меня не растили, как будущего Босса. Я предполагал, что им станет мой старший брат, но его убили. У Лазаря была паршивая жизнь, и она будет такой и дальше. На нём всегда лежало много ответственности. И я не упоминаю то, что у него психованная семейка. Это тоже оставило свой след. Он не умеет извиняться и принимать поражение. Он дикий зверь, и только благодаря этому жив. Не знаю, что тебе ещё сказать, как оправдать его, потому что порой я тоже не понимаю, какого чёрта он творит, – Карл цокает и делает

глоток шампанского из своего бокала.

– Что с Мартой? – выдавливаю из себя, вспоминая о словах Ноэль.

– Наверное, не стоит тебе знать...

– Карл. Просто открой рот и скажи, а я сама решу, что стоит мне знать, а что нет. Хватит от меня всё скрывать. Мне Лазарро по горло хватает, – зло рыкаю на него.

– Отец избил её. Наказал, – Карлу сложно даются слова. А я приоткрываю рот от шока.

– Избил? Ты имеешь в виду, пару раз толкнул или...

– Нет, Винни. Избил, это значит, лупил её до крови. Сломал нос, и она упала с лестницы, когда убегала от него. Избил, это значит, было много пощёчин и ударов кулаком по всему телу, а вместе с ними и гематом.

От ужаса оседаю на лавочку.

– Господи... Боже мой... за что? – едва слышно спрашиваю.

– Из-за того, что она нарушила приказ отца не встречаться с тобой. Точнее, не подталкивать тебя к Лазарю. Она ослушалась, приехала к тебе, нагородила всякой чертовщины про трупы и этим самым сорвала несколько встреч, которые были назначены на этот день, потому что тебя решила убить какая-то старуха. В общем, он наказал её, когда ему доложили о причине твоего возвращения. Наши семьи связаны, и Лазарь был зол на то, что ты приехала. Он и до этого не был пайнкой, но в тот день был очень зол, как и отец. Марта

не подумала и снова влезла в ваши отношения, манипулируя тобой. Вот и получила, – мрачно отвечает Карл.

– Господи, из-за меня? Зачем же она это сделала, если знала о возможном наказании? Она где сейчас? Она...

– Винни, не из-за тебя. Она это сделала, потому что решила вершить судьбы. Один раз не поняла, второй тоже, в третий отец поднял руку.

Жмурюсь от отвращения к Сэлу. Бить женщину это последнее в моём понимании, хотя у них это норма. Сразу же вспоминаю, как Лазарро ударил Бруну по лицу кулаком. Они не считаются с женщинами. Никогда. Они видят в них лишь вещь, которую могут и будут лупить.

– Это ещё не всё. Она получила бы меньше, если бы... – Карл делает паузу, а я выжидающе смотрю на него.

– Если бы?

Он тяжело вздыхает и садится на корточки напротив меня.

– Она была беременна.

– Матерь Божья, – выдыхаю с болью.

– Да. Она не сказала отцу об этом. Когда он ударил её несколько раз, у неё началось кровотечение. Он увидел это, но она убежала. Отец бросил в неё какой-то статуэткой, и она упала с лестницы. Ударилась головой, сломала нос, получила вывих руки и потеряла ребёнка. Восемь недель. Марта не сказала отцу. И даже мне не сказала. Она уверяет, что не знала об этом, но я имею право не поверить, как и отец.

Марта не дура, а вполне взрослая женщина, и я предполагаю, что она собиралась сделать аборт. Отец тоже это понял. В общем, сейчас в моей семье не самая лучшая обстановка.

Кислота из желудка поднимается по горлу, и я быстро запиваю её шампанским.

– Это ужасно... Карл, это так ужасно.

– Винни, ты должна понимать, что Марта приехала к тебе, чтобы спровоцировать отца на эту бойню. Если бы она тайно сделала аборт, то было бы хуже. А так всё произошло естественно. Отец сейчас винит себя в том, что она потеряла ребёнка. Он безумно зол на неё и поэтому не смог приехать сегодня сюда. Марта хитрая сука, Винни, но я знаю её и уверен, что она просто тоже устала от отца. Она давно уже перестала испытывать к нему хотя бы что-то. Марта превратилась в его шлюху окончательно, и ты... Увидев тебя, думаю, она решила воевать за себя. За свою свободу. Всё это сложно, – печально произносит Карл.

– Это не сложно. Это гадко. Это безобразно. Ладно Марта, пусть она провоцировала твоего отца... но почему вы бьёте женщин, да ещё с такой яростью? Почему вы позволяете себе такое? – шепчу я.

– Эй, не обобщай. Не все бьют женщин. Поднять кулак на то, что драгоценно, для многих унижительно. Но для таких, как мой отец и Лазарь, нет ничего святого, Винни. Они берут силой и будут это делать дальше, иначе не выживут. А также они потеряют авторитет у женщин, а для них это

смерти подобно. Они слабы в своей силе, и это последнее, что у них остаётся. К сожалению, такие у нас правила. Марта знала, на что шла.

– Но это не означает, что нужно было так лупить Марту, чтобы она потеряла ребёнка. Господи, Карл! – возмущаюсь я.

– Я понимаю твои чувства, но Марта умеет манипулировать людьми. Повторяю, она знала, что сделает отец, и добивалась этого. Марта спровоцировала его, слышишь? Отец обычно не распускает руки, но дело было слишком сложное, и она влезла, хотя ей было запрещено. Она снова тебя подставила под удар. Она такая, но поверь, не хотела зла тебе. Просто так получилось.

– Получилось. У вас всё так легко. Получилось. Избить женщину – да, так получилось, ничего страшного. Убить человека – да, так получилось, какая разница. Оскорблять всех вокруг – они это заслужили, и так получилось. Вы прикрываетесь этим «так получилось». Это не делает вас, вообще, мужчинами. Это делает вас ничтожествами, – зло рычу, поднимаясь с лавочки, и отхожу от Карла.

– Ты права, я не буду тебя переубеждать. Мы ничтожества. Тебе легче стало?

– Да пошёл ты, Карл, – шиплю, бросая на него яростный взгляд.

– Ты тоже уже должна была знать, в каком мире оказалась. Я принимаю тот факт, что ты расстроена произошедшим, но другого не будет. Жизнь, по сути, дерьмо, Винни.

Ты или тонешь в нём, или учишься плавать. Марта прекрасно плавала.

– Ты сейчас выгораживаешь Сэла.

– Я никого не выгораживаю. Я оперирую фактами, а они хреновые. Другими не будут. Ты или примешь их, или нет. Это твоё право.

– И что он с Мартой сделает потом? Убьёт из-за того, что она не хочет плодить от него детей? Не хочет быть униженной? Не хочет больше быть избитой? – с вызовом бросаю Карлу.

– Он её не убьёт. Отошлёт куда-нибудь, чтобы подумала над своим поведением. У отца странная любовь, и он, действительно, любит Марту. Отпустит он её только в гроб...

– Потрясающе! Какие прекрасные мужчины и их правила! Женщине ничего не остаётся, как заткнуться и молчать, да? Таких, как вы, истреблять надо. Вы считаете, что женщина – это кусок пластика. Вы мнёте его, обманчиво разогревая в руках, придаёте форму, а потом ломаете. Вы гнусные мерзавцы, а насилию нет оправданий!

– Ага, а где ты их взяла для Лазаря? – едко усмехается Карл.

– Он один из таких гнусных мерзавцев, но ты до сих пор с ним. Почему? Потому что он умеет хорошо трахать, или потому что женщины перед ним тупеют от своих чувств? Как Марта? Ааа, Винни, нечем тебе крыть, так что лучше закрой рот, – грубость впервые льётся с губ Карла. И она ещё хуже,

чем от Лазарро. От него я, в большинстве случаев, хотя бы знаю, чего ожидать, а вот лицемерие Карла стало просто открытием.

– Где сейчас Марта? – цежу я.

– Я тебе не скажу...

– Я всё равно узнаю. Я сейчас закачу такой скандал на этом приёме...

– И получишь пулю в лоб от меня. – Карл перекрывает мне путь.

– Ты не убьёшь меня, – прищуриваюсь я.

Он быстро достаёт пистолет и прижимает его к моему виску.

– Поспорим? Если ты попытаешься причинить вред моей семье, я тебя убью. Мне будет жаль. Я буду винить себя за это. Я буду горевать. Но я убью тебя.

Горько усмехаюсь и отхожу назад. Карл прячет пистолет и, тяжело дыша, наблюдает за мной.

– Я думала, ты другой. Отличаешься от Лазарро. Нет. Вы одинаковые. Я выбираю себя. Где Марта?

– В больнице. И не сравнивай нас! Не сравнивай меня с ним! – Карл выходит из себя и кричит, выставя палец перед собой.

– Мне насрать на твои чувства. Задела их? Так вот, вы оба не стоите никаких жертв. Оба. Отвези меня к Марте немедленно, а потом я тебя тоже больше видеть не хочу. Никогда. Вас обоих. Да пусть весь ваш мир сгорит к чёртовой матери!

Вы порождение насилия и смерти! Вы и есть смерть! – выкрикиваю я.

– Теперь я сочувствую Лазарю. Сильно сочувствую. С тобой никаких врагов не нужно, Винни. – Он нервно дёргает головой.

– Отвези меня к ней.

– Нет.

– Отвези меня к ней, – настаиваю я.

– Нет. Сейчас я отвечаю за твою безопасность...

– Тыча в меня пистолетом? Ты просрал это дело.

– Чёрт, Винни, успокойся. Завтра тебя туда отвезёт Симон или кто-то другой...

– Отвезёшь ты. Это моё последнее слово. Ты рассказал мне. Ты и закончишь свой рассказ. Я увижу её прямо сейчас, и мне плевать хочешь ты этого или нет.

Он ударяет себя ладонью по лицу и издаёт стон.

– Боже, какая ты, оказывается, упрямая. Ты понимаешь, что это опасно?

– Не опасней тебя или Лазарро.

– Винни...

– Нет, ты отвезёшь меня туда. Я хочу видеть Марту. Из-за меня её избили. Мне плевать, по какой причине это случилось, но я не успокоюсь. Клянусь, Карл, я не успокоюсь. Я такой концерт сейчас закачу. Пусть сдохну потом, но с чувством выполненного долга и с удовольствием от предвкушения того, что вы утонете в своём дерьме и грязном белье, –

рычу я.

Карл тяжело вздыхает и качает головой.

– Как он с тобой справляется, а? Что он делает, чтобы тебя заткнуть? – шепчет он, бросая на меня усталый взгляд.

– У него зачастую не получается, но порой он затыкает меня поцелуем и затем трахает. Да, думаю, так он решает исход ссоры. А ещё уходит, запирает меня, а потом я возвращаюсь, чтобы снова поорать. И всё заканчивается сексом, – отвечаю, пожимая плечами.

Карл прыскает от моих слов.

– Так мне что, оттрахать тебя прямо здесь, чтобы выбить эти глупые мысли из твоей головы?

– Только рискни прикоснуться ко мне, Карл. Ты научил меня стрелять и поступил опрометчиво, – грожусь я.

– А что на это он отвечает? Ты угрожала ему когда-нибудь? – спрашивает Карл.

– Постоянно. Каждый божий день сотню раз. Я угрожаю ему одним взглядом, а он меня им имеет. Или, наоборот, я не запомнила. Тебя, вообще, не касаются мои отношения с Лазарро. Отвези меня к Марте, и я от тебя отстану.

– А я надеялся, ты уже забыла, – хмыкает он.

– Отвези.

– Ладно-ладно, но ты ни слова не скажешь Лазарю. Я обещал ему этого не делать.

– Хорошо. Значит, он знал?

– Конечно.

– Он вдвойне козёл. – Топаю ногой от злости.

– Вот это мне нравится больше...

– А ты – втройне, – указываю на него пальцем.

– Почему? Я, вообще, ни при чём. Я лишь посланник.

– И именно ему отрубали голову.

– Потрясающе, теперь я крайний. Пошли, – Карл протягивает мне руку.

– Это не значит, что я на тебя больше не злюсь, – вкладываю в неё свою.

– Я умею делать женщин счастливыми. – Он подмигивает, отчего я закатываю глаза.

– Уволь. Мне этого женского счастья по горло хватает. Не лезь ко мне в трусики, и у меня не появится желание тебя пристрелить, – парирую я.

Смех Карла разносится по саду, заглушая наши торопливые шаги.

– Мне не нужно говорить Лазарро о том, что мы уходим? – шепчу я.

– Мы вернёмся. Он не заметит. Это тайна, Винни. Иисусе, женщина, держи рот на замке.

Цокаю от его слов.

– Поедете за нами. Предупреди в госпитале, что мы скоро появимся там, – приглушённо бросает Карл одному из охранников, когда мы оказываемся на подъездной дорожке.

Тот кивает, и нам через несколько минут подгоняют ма-

шину Карла.

– Она в ужасном состоянии, да? – шепчу я.

– Сама увидишь. Только потом не говори, что я не предупредил, – бросает Карл и заводит мотор.

Мы вылетаем на трассу. Меня немного знобит от того, на что я решилась. Лазарро явно будет недоволен... это ещё мягко сказано. Он придушит меня, если узнает. Он придумывает себе кучу того, чего не было, сам поверит в это и снова подарит мне адскую ночь. Я очень надеюсь, что он ни о чём не узнает.

– Госпиталь на вашей территории? – интересуюсь я.

– Нет, на чужой, но там безопасно. Если помнишь, на банкете за вашим столиком сидел мужчина. Ты ещё его прилюдно унизила...

– Да, очередной мурак, и он первый начал. Я защищалась.

– Не суть, так вот это его территория. Сэл отказал в госпитализации на своей территории, да и далеко было ехать. Марта истекала кровью. В общем, это территория семьи Бьюзе. Наркотики, притоны и рок-н-ролл. Всё по их части.

– Отвратительно, как и их Босс, – кривлюсь я.

– Ты будь осторожна с Ренато. Он на тебя глаз положил. Он только и ждёт момента, чтобы тебе об этом сообщить...

– Карл, час от часу не легче. Зачем ему я? Уверена, что вокруг всех вас вьётся куча красавиц. Почему вы так зациклились на мне?

– Почему? Всё просто, Винни. Ты то, что повысит авто-

ритет Босса на ближайшие пятьдесят лет, если не больше. Ты та, кто умеет соблазнять, даже не делая этого намеренно. Ты та, у кого развито много чувств, а они в нашем мире редкость. Каждый хочет урвать кусок искренности, бело-снежной кожи и утереть нос Лазарю.

– Превратили меня в вещь. О тебе я была лучшего мнения, – фыркаю я.

– А я не говорил о себе. Я мечу не на твою киску, Винни. Я мечу в сердце, – усмехается Карл.

– Не надо... просто замолчи. Лучше ехать в тишине, – передёргиваю плечами. Мне хватает Лазарро, так теперь ещё и эти бешеные мужчины подтянулись, устроив на меня забавную охоту. Отвратительно быть вещью в их глазах. Они абсолютно не думают о том, что я живая, и имею своё мнение. Да они никогда о людях не думают, но я уверена, что когда дело касается их самих, то здесь будет вселенская обида за то, что им боль причинили.

Глава 12

Ночь порой не всегда настолько ужасна, насколько мы считаем. Она открывает двери, которые в дневное время могут быть заперты. Она ключ ко многим тайнам. Она распахивает сердца, рождает сожаление, перечёркивает все обиды. Ночь властвует, как мрак и темнота, над разумом человека. В ночи всё кажется возможным.

Бросаю взгляд на здание закрытого госпиталя, и вся моя бравада испаряется. У нас с Мартой были сложные отношения. У меня здесь со всеми сложные отношения. Она во многом была не права, как, может быть, и я. Но я знаю, что должна это сделать. Меня так воспитали, и я цепляюсь за эти воспоминания из прошлого, чтобы не потерять себя. Нас окружают машины и люди, Карл осматривается по сторонам и только потом помогает мне выйти. Отстёгиваю шлейф, бросаю его на сиденье.

– Ты уверена, что хочешь это сделать? – тихо спрашивает Карл.

– Нет, но иначе я не могу, – так же отвечаю ему.

Он кивает мне и взглядом отдаёт приказ ожидать нас. Карл ведёт меня по коридорам, в которых уже приглушён свет. Нас пропускают без каких-либо вопросов. На нас даже особо и не смотрят, пока мы поднимаемся на четвёртый этаж. Медсестра подсакивает с места и кивает нам, возвра-

щаяся затем на своё место. Карл подводит меня к палате.

– Я останусь здесь. У тебя не больше пятнадцати минут, Винни. Нам не нужны проблемы, – шепчет он.

– Я поняла.

Делаю глубокий вдох и вхожу в палату. Это роскошная комната, вся заваленная цветами. Их вонь отравляет меня. Бросаю взгляд на кушетку, с лежащей на ней Мартой, и кровь отливает от моего лица. При иных обстоятельствах я бы даже не узнала её. Отёки под глазами, огромные гематомы, гипс на носу, разбитые губы, царапины. Всё её лицо – это месиво фиолетово-синего цвета. Марта подключена к аппаратам обеспечения жизнедеятельности.

Мои ноги подкашиваются от ужаса и сострадания к ней, но я медленно подхожу к кушетке. Слабый свет торшера играет тенями, и действительность кажется ещё хуже. Здесь так воняет. Направляюсь к окну, раздвигаю тяжёлые шторы и открываю окна, чтобы проветрить палату. Хотя я знаю, что иммунитет любого пациента очень низкий, но свежий воздух обычно помогал маме. Это чистый кислород, а не спёртые воспоминания о насилии.

– Лавиния.

Оборачиваюсь на шёпот Марты. Она едва может шевелить губами, как и открыть глаза, сейчас превратившиеся в щёлки, окружённые вспухшей фиолетовой кожей.

– Привет, – шепчу, обходя кровать и натягивая улыбку.

– Я в порядке, – с трудом говорит она. – Как ты? Выгля-

дишь прекрасно.

– Со мной всё хорошо. Карл сказал о том, что случилось. Мне очень жаль, что ты потеряла ребёнка.

– Я рада... лучше бы Сэл убил меня. – Она прикрывает глаза, а я сглатываю ком горечи в горле.

– Зачем? Зачем ты это сделала? Марта, – с болью спрашиваю и касаюсь её руки.

– Для тебя... ты не понимаешь, что чем дальше он тебя прячет от себя, тем быстрее теряет связь. У тебя есть шанс... у него есть. Прости меня... ты мне дорога. – Она шевелит пальцами руки, обмотанной до локтя гипсовой повязкой, и я сжимаю её ладонь.

– Пожалуйста, живи. Не стоит это всё того, что я вижу.

– Стоит... кто тебя защитит, если не я? Ты моя девочка. Я не дам им тебя испортить и превратить в подобную мне. Ты будешь бороться за нас обеих, – хрипит Марта. – Не позволяй ему лишиться тебя воли, Лавиния. Никогда. Иначе ты сойдёшь с ума от боли. Не отдавай ему сердце. Не заметишь, как побои станут нормой. Сначала ты думаешь, что он так заботится о тебе. Шикарный мужчина, который охотится и готов бросить весь мир к твоим ногам... – она замолкает и облизывает потрескавшиеся губы.

– Он носится за тобой, как безумный. Потом говорит тебе о том, что ему не нравится, как ты одета, и ты думаешь, что он просто хочет уберечь тебя от неприятных последствий. Затем он бьёт тебя раз, и ты прощаешь, ведь он умоляет

со слезами на глазах, обещая, что такого больше не повторится. Ты веришь, потому что любишь его. Но это повторяется. Ударив раз, мужчина не может остановиться, если его не остановишь ты. Уходи. Беги. Скрывайся. Дерись. Никогда не позволяй... ему ударить тебя. Не дай ему сломать тебя, ты сама не заметишь, как окажешься на этой койке. Ты будешь лелеять надежду, что его любовь сильнее. Ложь. Ты ненавидишь себя и его, а потом встречаешь женщину, полную надежд и грёз. Узнаёшь в ней себя прежнюю и знаешь, что если ты не сделаешь этого, то никто не подскажет ей, как выжить. Не люби их... никогда. Люби себя... – она закашливается и издаёт стон.

– Тише-тише, не разговаривай. Не надо...

– Лавиния, мне не жаль. Я сделала то, что должна была. Я не рожу ему ещё одного. Никогда. Я знала о беременности. Я рада... рада... – хрипит Марта.

С одной стороны, её слова ужасают. А с другой... жить с таким чудовищем и знать, что это всё насильно, навязано, и уже ничего хорошего не будет, это понятно. Не знаю, как бы я поступила на её месте, но не осуждаю Марту за её выбор.

– Лазарро может тебе помочь избавиться от него? – шепчу я.

– Он не пойдёт против Сэла. Не беспокойся. Он когда-нибудь сам содохнет...

– Марта...

– Или его убьют.

– Не пугай меня. Прошу, это того не стоит. Ты должна побережь себя, ведь у тебя сын. Не лишай его матери, Марта. Пусть он всего лишь один из многих для тебя, но ты для него единственная. Я поговорю с Лазарро...

– Нет, – она крепче сжимает мою руку пальцами. – Нет. Лазарь может поступить крайне необдуманно. Нет. Я справлюсь. Не впервой мне лежать здесь и прятаться от всех, пока не поправлюсь. Потом Сэл будет умолять меня о прощении, он уже делает это. Заставил всю палату этой вонью... спасибо за кислород.

– Но так не может дальше продолжаться. А если однажды он убьёт тебя?

– Тогда я заберу его с собой. Я знаю Сэла и понимаю, чем мне всё это грозит. Я знала, Лавиния. Я не жертва и не чувствую себя сломленной благодаря тебе. Спасибо тебе... за новую надежду.

– Боже, Марта, ты безумная, раз решилась на это, зная обо всех возможных последствиях. Я только не понимаю зачем? Почему ты делаешь это? Я виню себя сильнее...

– Не вини себя. Я взяла на себя ответственность за всё. Я этого хотела, и у меня теперь будет новый нос... во всём есть плюсы. – Она старается улыбнуться, а смотрю на неё, и у меня сердце кровью обливается.

– Но ты...

Меня прерывают. Оборачиваюсь и вижу медсестру, вно-

ящую в палату металлический поднос со шприцами.

– Простите, что прерываю, но сейчас время отдыха. Мне нужно сделать укол со снотворным, – мямлит женщина.

– Да, конечно, – кивая, поворачиваю голову к Марте.

– Я посижу здесь с тобой, пока ты не заснёшь. Мне так будет спокойнее. А завтра с утра снова приеду. Хочешь, я привезу книгу и прочитаю тебе?

– Тебе нужно думать о другом...

– Плевать, ты важнее. Я хочу и приеду. Никто меня не остановит, – улыбаюсь ей.

Слышу шорох шагов медсестры за спиной и наклоняюсь ближе к Марте.

– Всё будет хорошо. Я подумаю, как тебе помочь, – шепчу ей.

Целую Марту в лоб и поднимаю взгляд к окну. Меня пронзает дикий страх, когда я вижу отражение в стекле. Медсестра стоит у меня за спиной, и надо мной, в её занесённой для удара руке, поблескивает игла. Вот чёрт!

– Потерпи, – прошептав Марте, резко хватаю её и разворачиваю набок.

– Карл! – кричу и, нагибаясь и отталкиваясь от койки, сбиваю медсестру с ног. Я лечу с грохотом на пол вместе с женщиной. Моё сердце буквально вырывается из грудной клетки. Из рук медсестры на пол падает шприц, наполненный белёсой жидкостью, и в этот момент в палату врывается Карл.

Женщина в ужасе хватается за шприц и засаживает иглу себе

в бедро.

Скуля, отползаю, наблюдая за тем, как яд быстро проникает в её тело. Я уверена, что это яд, иначе бы она не была настолько напугана тем, что он оказался не во мне. Она падает на пол, а меня рывком поднимают на ноги.

– Она... я... – не могу сложить даже слова в единое предложение. Тело моментально покрывается липким потом.

Медсестра на полу начинает трястись. Её рот распахивается, и из него вырывается белая пена, вызывая у меня приступ тошноты.

– Не смотри. Иди сюда, Винни. Не смотри. – Карл разворачивает меня и одной рукой прижимает к себе. Жмурюсь и цепляюсь пальцами за его пиджак, и в этот момент раздаётся выстрел. Вздрагиваю, вся сжимаюсь, больше не слыша прекратившегося хрипа. Карл щёлкает замком на двери, достаёт телефон и кому-то сообщает о том, что случилось. Меня же сотрясает дрожь.

– Всё в порядке. Не оборачивайся. Не самое приятное зрелище, – целуя в лоб, Карл отпускает меня, а я заваливаюсь к стене. Слышу топот ног, крики в коридоре. В дверь кто-то стучит, за ручку резко дёргают, а у меня перед глазами стоят выпученные огромные глаза и белая, извергающаяся изо рта пена. Меня рвёт. Прямо на пол. Рвёт от вида очередного трупа, лежащего прямо за моей спиной.

– Помоги ей... убери её отсюда... – слышу хрип Марты.

– Береги себя.

Вытираю рот рукой, и слёзы капают из глаз. Я не могу стоять.

– Винни. – Карл подхватывает меня за талию, и в его руках оказывается бутылка с водой. Он открывает её зубами и брызгает мне в лицо. Ударяет по щекам, но такой шум в ушах. Лазарро меня убьёт. Это единственное, что бьётся в мозгу. Он придушит меня, ведь я лишила его улики. Серьёзной улики.

Меня куда-то ведут, точнее, тащат, прижимая к крепкому мужскому телу. Вокруг люди, незнакомые мне люди. Они все в чёрном. Они окружают меня, пока Карл выговаривает претензии. Он требует, чтобы немедленно произвели вскрытие и держали всё в тайне. Никто не должен знать, что здесь случилось. Никто.

– Давай, выпей воды. – Карл вкладывает в мою руку бокал. Моргая, оглядываю небольшую комнату со стеклянной стеной, за которой виден коридор.

– Она меня хотела убить. Она знала, что я приду. Откуда она могла знать об этом, если всё случилось спонтанно? – сиплю, горло саднит. Карл подносит бокал к моим губам. Делаю пару глотков.

– Она не знала. Ей дал чёткие указания тот, кто охотится на тебя. Он знал, что ты милосердна и обязательно придёшь к Марте, чтобы проверить её. Понимаешь, почему я говорил, что это опасно? Чёрт, Винни. – Карл прижимает меня к себе, а в моей голове лихорадочно бегают мысли. Насколько хо-

рошо изучил меня этот работорговец? Видимо, очень хорошо, раз везде расставил ловушки. В одну из которых я снова угодила. Дура.

– Он меня убьёт, – шепчу. – Убьёт. Надо было схватить шприц, а я заторможенная. У меня нет быстрой реакции. Тогда бы вы взяли эту женщину и узнали у неё, кто её нанял. Я тупая гуппи. Тупая. Тупая. Гуппи.

– Нет, Винни, ты не такая. Не говори про себя так. Ты выжила. Ты перевернула Марту, считая, что она может пострадать. Ты защитила и её, и себя. Ты всё обдумала. Автоматически ты проработала схему и выжила. Винни, послушай меня. – Карл обхватывает моё лицо ладонями. Мои губы трясутся, а из глаз текут слёзы.

– Они всегда убивают себя, если не выполняют задание, понимаешь? Если бы это был не шприц, то она бы убила себя раньше, чем начала говорить. Никакие пытки на них не действуют, они словно запрограммированы. Они смертники.

– Но она работала здесь... работала с людьми... и умерла из-за меня...

– Чёрт, Винни, ей было насрать на то, кто тебя любит, и кого любишь ты. Она не думала о том, что у тебя есть семья, которая будет горевать. Она не думала, что ты важный человек, и твоя жизнь ценна для многих. Она ни о чём не думала, поэтому не вини себя в её смерти. Не вини себя в смерти тех, кому ты безразлична, потому что они просто выполняют задание. Не вини себя. – Карл обнимает меня, укачивая

в своих руках, а мне неожиданно становится больно. Везде больно. Словно в мою кожу впиваются осколки.

– Не трогай меня... не прикасайся, – шепчу, отталкивая его от себя.

– Винни...

– Я хочу уйти. Уйти хочу... домой... хочу уйти, – бормочу, подсакивая с места. Я кружусь вокруг своей оси, не понимая, что делать дальше. Я должна что-то сделать, а вижу, как пена всё течёт, пузырится во рту... пены так много, и там кровь... она алая... и глаза такие огромные, как будто сейчас взорвутся.

– Винни...

– Не трогай меня! Не трогай! – кричу, вылетая в коридор, и быстро иду по нему.

Меня трясёт. Меня знобит. Шоковое состояние делает меня сумасшедшей. Мне кажется, что так быстро всё случилось. Мне повезло... снова дело случая. Я просто увидела отражение в окне и потом уже ни о чём не думала. Она даже ничего не сказала... она готовилась к моему появлению в больнице, но я вот не готова была увидеть очередной труп.

Выскакиваю на улицу, и по моему лицу бьют капли дождя. С губ срываются рваные вздохи. Поднимаю голову и хриплю. Мне что-то нужно, но я не понимаю что. Мне так сложно дышать. Жить сложно... ужасно.

В нескольких метрах от меня останавливается машина, её дверь открывается, и я просто смотрю на то, как выходит

мужчина. Над его головой сразу же появляется зонт. Слёзы смешиваются с дождём. Я иду к нему. Протягиваю руку. Он не двигается. Глаза застилают солёные слёзы. Ноги не двигаются больше. Я вся промокла под дождём, и из горла вырывается вой. Мне больно. Вина за то, что я ничего не получила, рвёт меня в клочья. Никакого результата. Я бесполезна. Корю себя. Я бичую себя, стоя под дождём.

– Винни!

Всхлипывая, оборачиваюсь на крик Карла.

– Белоснежка.

Сквозь удары дождя по зонту слышу спокойный голос Лазарро.

Я не хочу никакого выбора. Я просто хочу тепла. Колени дрожат. Смотрю на Лазарро, и горечь наполняет моё сердце. Итан, держащий зонт, делает шаг ко мне навстречу, но Лазарро поднимает руку, останавливая его. Разочарование настаивает на меня, словно мне мало было за этот день боли. Она накапливается. Снова и снова. Я стою. Одна. В полном одиночестве стою и понимаю, что никому не нужна. Всё остальное – фарс. Игра в салочки с моей жизнью. А она ведь единственная у меня. Другой не будет. И никто её не ценит, даже я сама.

Когда теряю последнюю надежду, то замечаю движение. Лазарро быстрым шагом идёт ко мне прямо под дождём. Мой пульс оглушает меня. Лазарро обхватывает моё лицо ладонями, и я, совершенно обессилившая, падаю на него,

цепляясь пальцами за пиджак.

– Прости меня... – шепчу. – Прости, что я гуппи. Я глупая. Я упустила улику... я должна была... хоть что-то должна была сделать... помочь тебе. Прости меня...

– Ты не упустила свою жизнь, Белоснежка. Это для меня намного важнее.

Всхлипываю от его слов. Лазарро прижимается к моим губам, и я отвечаю ему на поцелуй. Он обнимает моё тело, заставляя поверить снова, что не всё ещё потеряно. Есть слабая надежда. И я снова обретаю веру.

– Поехали домой. – Он подхватывает меня на руки и несёт к машине. Я прижимаюсь к нему, ища защиты и тепла.

Лазарро усаживает меня себе на колени, придерживая и постоянно поглаживая по спине. Я знаю, что близость с ним опасна и неправильна. Знаю, что всё это выйдет мне боком. Но я ничего не могу поделать сейчас со своим сердцем. Оно снова взорвалось от боли, и мне нужен тот, кто знает, как вырваться из её оков.

Глава 13

Я не думала, что после ссоры и сильных, ранящих слов, можно просто спокойно жить дальше. На самом деле ведь это странно, да? Тебе вроде бы стыдно за то, что ты сказала. Ты вроде бы была права. Вроде бы поступила так, чтобы защитить своё достоинство и показать, что не половая тряпка, а личность. Вроде бы это был конец. Но оказывается, люди бывают умнее, чем это кажется в минутный порыв эмоций. Да, именно умнее. Они не припоминают твоих слов, не обвиняют тебя, не насмеются над твоей слабостью. Они просто молча берут тебя и несут на руках, не возмущаясь при этом и не унижая прошлым.

Хотя я и нахожусь в непонятном состоянии, но мой разум чист. Да, там много грязи и ненужного мусора, но сейчас их прибрали. Очень быстро. Лазарро одной рукой сгрёб всё ненужное в охапку и отодвинул, как, в принципе, всегда и поступал. То, что мешает, он или не замечает, или игнорирует, или расчищает путь любым способом. Я наблюдаю за ним. Каждую минуту жду, что Лазарро начнёт говорить со мной, обвиняя в импульсивности, обмане, предательстве и во многом другом из того, что ему придёт в голову. Он молчит. Ставит меня под душ. Снимает с меня обувь, отбрасывая затем в сторону. Расстёгивает комбинезон и помогает вылезти из него. Раздевается сам. Он действует слов-

но машинально, снимая мои трусики и даже не возбуждаясь при этом. Он спокоен, и вот это для меня самое страшное. Значит, он разумен и сейчас не готов воспринимать меня. От слова «никак». Просто молча выполняет какую-то задачу, которую выстроил в своей голове. Моет меня, растирая кожу ладонями, убирает с лица потёкшую косметику, трёт волосы шампунем, ополаскивает и вытирает на сухую. Одевает меня в халат, набрасывает такой же себе на плечи и выносит из ванной. Осторожно сажает на матрас и уходит.

Я недоумённо смотрю на тёмный коридор и не понимаю, что делать дальше. Нужно ли с ним поговорить? Нужны ли ему объяснения? Нужны ли они мне? Я просто не знаю, как поступить, ведь всё кажется таким потерянным и холодным.

Лазарро возвращается с бутылкой виски, двумя бокалами и упаковкой сыра. Ставит всё на матрас и садится. Наливает в один бокал виски, вкладывает его в мою руку и подносит её к моим губам вместе со своей.

– Пей, – сухо бросает он. Делаю глоток и кривлюсь.

– Всё пей.

Молча, опрокидываю в себя алкоголь, и меня снова начинает тошнить. Лазарро разрывает упаковку с сыром и подносит кусочек к моим губам. Послушно открываю их и жую. Хотя бы так. Резь в желудке проходит. Лазарро обновляет мой бокал и наливает себе. Он отодвигается к стене и приклоняется к ней спиной. Закрывает глаза, делает глоток виски и облизывает губы.

Что делать? Должна ли я что-то делать?

– Поддай мне сигареты и спички. В углу где-то валяются, – сухо отдаёт распоряжение. Поворачиваю голову к складу оружия, затем оглядываюсь на Лазарро.

– Сам встань и возьми, – обиженно отвечаю. Я ему не служанка. И приносить выпивку я не просила, как и сыр. Он сам это сделал.

Демонстративно ползу к стене и сажусь в такую же позу, как и он. Лазарро даже не открывает глаз. Он тянется рукой через меня и достаёт из-под матраса помятую пачку.

– Серьёзно? Она была у тебя под рукой, а ты приказал мне тащиться к этим пушкам? – недовольно бурчу.

– Ты никогда не будешь послушной, Белоснежка. Никогда, – глубоко вздыхает и, открыв глаза, зубами достаёт сигарету из пачки. Закуривает её с помощью зажигалки, которая тоже была в этой же пачке.

– Быть послушной и прислугой – разные вещи, – замечаю я.

– Давай, скорее переваривай информацию, затем поплачь, покричи, и я посплю. У меня был тяжёлый день, я не хочу подскочить ночью из-за того, что ты больше не в шоке, – равнодушно бросает Лазарро, выпуская дым. Удивлённо поворачиваю к нему голову. Он запивает горький привкус табака виски.

– Я уже поплакала и покричала. Если это всё, чего ты ждёшь от меня, то план выполнен. Можешь ложиться спать,

бесчувственная скотина. – Разочарованно качаю головой и делаю глоток виски. Теперь он только согревает.

– Ты оскорбила меня, – не смотря на меня, констатирует Лазарро.

– Правда? Я даже и не заметила, думала по имени тебя назвала, – фыркаю я.

– За это я наказываю.

– Ну, всегда бывают исключения. Воспринимай это, как синоним своего имени. Очень похоже. Тебе не кажется?

– Знаешь, что советуют делать, когда кажется?

– Бежать к чёрту от того, кто советует.

– Дверь открыта. Вперёд. Только далеко ли ты убежишь, Белоснежка?

– Мне лень. Утром воспользуюсь твоим предложением.

И уж поверь, убежать я умею.

– Охренеть, сделала открытие.

– Ты меня что, выгнал?

– Я тебя не держу. Больше не держу.

Его слова ранят меня. Когда-то он рычал и повторял, что я его.

Моя. Моя. Моя.

А теперь? Так безразлично говорит. Насколько спокойно. Болезненно равнодушно. И ведь это то, чего я добивалась всё время. Выходит, что обманывала себя и довольно сильно.

– Хорошо, раз ты так хочешь, то уйду утром. И раз это моя последняя ночь, то мне больше бояться ничего не нужно, да

и, в принципе, тебе не важны мои слова. Значит, я могу сказать. Мне жаль. Не думала, что так сложно добывать доказательства и ловить улики. Мне следовало перехватить шприц или ударить медсестру сильнее, чтобы хоть как-то отплатить тебе за то, что ты для меня сделал. Но я имею то, что имею. Думаю, я могла бы больше, если бы умела это. Мне казалось, что я многому научилась, а на самом деле ничего не смогла, не выжала из этого покушения. Мне жаль. Просто жаль. Прости, что разочаровала, потому что себя я очень разочаровала. – Допиваю виски из стакана и тянусь к бутылке. Наливаю себе и добавляю порцию Лазарро.

– У тебя никогда не было ощущения, что ты потерялся? Просто потерялся в этом большом мире и не знаешь, что нужно сказать, что нужно сделать. Стоит ли, вообще, что-то делать или лучше просто остановиться и не делать ничего, потому что всё, что ты делаешь, впустую. Твои мысли постоянно скачут. То ты вроде бы уверен в том, что делаешь, а через секунду понимаешь, что зря это сделал. И постоянно на языке крутится «вроде бы». Неуверенность во всём, даже в самом себе. В адекватности. В разумности. В выборе. Ты чувствуешь себя таким глупым. Очень глупым, словно мозгов в голове нет, а раньше ведь казалось, что ты умён и всегда можешь найти выход. Что делать в этом случае? Идти или стоять? Бежать или прятаться? – задумчиво произношу, запивая алкоголем свои глупые слова.

– Ничего не делать. Отпустить проблему. Дать ей время

созреть, как гнойному прыщу, а когда он воспалится, то раздавить, – отвечает Лазарро.

– Но ведь время... упущено, разве нет? Когда горит что-то, то не лучше ли хватать прямо сейчас и тушить или же позволить полностью сгореть? Ведь когда огонь гаснет сам без твоего воздействия, то всё меняется. Остаётся лишь неприятный осадок внутри от ощущения, что ты что-то сделал не так, раз в ответ лишь тишина и непонимание.

– Можно обжечься, если схватить сразу. Иногда ожоги необходимы. Иногда их так много, что нет желания вновь оставлять на своей коже раны. Ты знаешь о возможных последствиях, потому что воспоминания ещё свежи в памяти. Ты избегаешь их, и пепел после огня приносит тишину для того, чтобы понять, стоит ли двигаться. Иногда отходишь в сторону для наблюдения, потому что ты словно потерялся. Тебе нужно время для раздумий и для создания нового плана. А чтобы был новый план, необходимы желание и интрига. Именно их и ждёшь. Снова ждёшь. Опять ждёшь. И видишь, что всё потеряно. Сколько бы ты трудов ни вкладывал, они всё равно сгорят. Жизнь с постоянным разочарованием для обычных смертных. Для таких, как я, это роскошь. Ты привыкаешь к тому, что каждый предаст, и тебе придётся его убить. Ты знаешь, что верить в человека опасно. Доверять ему тоже. Никогда люди не бывают полноценно честными, потому что ложь самим себе намного понятнее и проще, чем правда.

– Выходит, что мы всегда заведомо выбираем ложь? Мы врём на каждом шагу, избегая, быть честными и, боясь того, что наши сердца разобьют? Получается, чтобы выжить нужно превратиться в бесчувственный камень и не позволять себе милосердия? Это же так жестоко, – шепчу и делаю глоток... а виски нет в моём бокале. Я весь выпила. Лазарро хватает бутылку и снова наливает мне и себе алкоголь.

– Иногда жестокость – единственное, что может помочь. За жестокостью скрываются самые гнойные нарывы и глубокие раны. Жестокость не рождается с младенцем, она приобретает с годами и словно срастается с тобой, превращаясь в защитную оболочку. И зачастую только она может помочь не совершить то, о чём потом будешь сожалеть.

– Но разве жестокость можно и нужно оправдывать? Я видела Марту и то, в каком она состоянии сейчас. Не важно по какой причине она поступила так, а не иначе. Но ведь есть же слова. Есть сотня других способов сказать, что она не права. Да просто запереть, в конце концов, но только не поднимать руку на женщину, которая по определению слабее тебя физически. Она не может ответить тебе равноценно...

– Ошибаешься, женщина может ответить иначе. Ей не нужна физическая сила, чтобы причинить боль. Ей достаточно улыбнуться.

– Не меняй тему, Босс. Сэл избил её. Ужасно избил. И ты тоже бил Бруну. Почему для вас это нормально? Почему вы

себе позволяете подобное? – возмущаюсь я.

– Ты пьяна...

– Не уваливай от моих вопросов. Отвечай. – Придвигаюсь к нему ближе и пихаю в плечо.

– Я не могу ответить за Сэла, как и лезть в их отношения с Мартой не буду. Даже не смотри на меня так. Это его семья, а мне хватает разборок в своей.

– Тогда ответь за себя. Тебе не бывает противно после того, как ты бьёшь женщин кулаками?

– Нет. Мне безразлично. Сделал и сделал. Насрать. Я не думаю о чувствах Бруны и предупреждал её. Она послушалась меня. Единственное, как я могу ей показать, что она совершила грёбаную ошибку и не повторила её, это сила. Иначе такие женщины не понимают. Их боль для меня пустая. Я не вижу в них того, что боюсь разбить и уничтожить. Мне плевать.

– Ничего не отзывается в сердце? Совсем ничего? – с ужасом шепчу.

– Ничего. У меня нет сердца. Давно уже нет. Те, у кого оно было, уже в земле. Я туда пока не собираюсь. Так что, меня не волнуют чувства других.

Мне нечего сказать Лазарро. Абсолютно нечего. Ведь ничего не изменится в будущем. Он не изменится, пока не встретит кого-то особенного. Понимаю, что это буду не я.

– Ударись меня, я тебя никогда не прошу. Никогда. Мне будет больно. Я, может быть, буду даже страдать без тебя,

но не прощу. Удар будет означать, что я пустое место для тебя. Никто. Пыль. Пепел. Никогда не прощу, – выпаливаю, мотая головой.

– Я знаю, Белоснежка.

– И ты планируешь меня ударить? Тебе хотелось этого? – шепчу, поворачивая к нему голову.

– Каждый чёртов день мне хочется тебе врезать. Но не по лицу, ведь тогда я тебя сломаю. Разобью не нос, а что-то другое. Я хочу врезать тебе по заднице. Бить её так больно и так сильно, чтобы она понимала, кому принадлежит. Я сдерживаю себя. На самом деле, в последнее время, из последних сил.

Признание Лазарро поражает и шокирует. Удивлённо смотрю на Лазарро.

– И когда ты хотел сделать это за последние сутки?

– Когда увидел, что Карл успокаивает тебя. Ты думала, что я не узнаю? А я всегда всё о тебе знаю, Белоснежка. Ты думала, что я отпустил тебя и не поехал следом? Это было глупо. И я остановился. Остановился и увидел стекло, которое нас разделяет. Я мог бы войти в ту комнату и, на хрен, разнести её, утащить тебя и показать Карлу, где его место, – в его, ставшем вдруг низким, голосе клокочет злость. Лазарро снова закуривает, и его грудь начинает подниматься быстрее.

– Почему тогда ты не сделал этого? Почему не дал понять, что ты рядом?

Он бросает на меня взгляд и хмыкает.

– Я отошёл в сторону. Ты спрашивала меня, было ли у меня ощущение, что я потерялся? Так вот, в тот момент именно это я и чувствовал. Я ушёл. Ушёл, чтобы не причинить тебе боль. Весь этот вечер был как грёбаное испытание для моей выдержки. Дерьмовый день, – кривится Лазарро, вдыхая в себя дым.

Я удивлена ещё больше его словами. Не думала, что он был в госпитале. А я искала его. Только сейчас понимаю это. Мне нужен был Лазарро, чтобы убедить его в том, что ничего страшного не случилось, а он волновался за меня, несмотря на ту ссору, которая произошла ранее. Мне необходимо было услышать это от него, а не от кого-то другого.

Осторожно кладу голову ему на плечо. Я чувствую, как Лазарро напрягается, а потом перекладывает бокал в одну руку, а другой обнимает меня, прижимая ближе к себе. Утыкаюсь носом ему в шею, забираясь на его ноги. Он молчит, не сбрасывает меня с себя, не возмущается, не отталкивает. Ничего. Обнимает и затягивается сигаретой, словно это так обычно для нас, просто сидеть в тишине, прижавшись тесно-тесно друг к другу, но при этом между нами огромные рвы с кровью и острыми ножами.

– Мне нравится Карл, – шепчу я.

– Я знаю, Белоснежка. Я это видел, – спокойно отвечает он.

– Но ты не прав в том, что я занимаюсь с ним любовью. Нет... любовь может быть разной. Она бывает грубой и по-

давливающей. Она может быть тихой и незаметной. Я не хочу его... но мне нравится с ним флиртовать. Со мной никто раньше не заигрывал. Никогда в жизни. Наверное, мне просто хотелось побывать на месте тех красоток из фильмов, которым постоянно делают комплименты. Это так глупо, да? Я глупая, хотя должна быть взрослой...

Лазарро качает рукой, останавливая меня. Озадаченно поднимаю голову на него.

– Для тебя это нормально, Белоснежка. Для меня нет. Я люблю во всём чёткость и пустоту. Я трахаю женщин, чтобы получить удовольствие. Не важно куда я их трахаю, и при этом мне не важно хорошо им или плохо. Я думаю только о себе. Я не буду Карлом...

– Пожалуйста, и не надо. Будь собой, потому что именно с тобой я вижу много красок этой жизни. Не знаю, как это объяснить, мои мысли постоянно скачут, но при этом всегда возвращаются к тебе. Это, наверное, плохо, и мне не следовало... в той комнате я наговорила лишнего. Не знаю, Лазарро. Но я не буду выбирать, я уйду одна. Я не предаю себя. Я...

– Я знаю, Белоснежка. Я всё о тебе знаю, но вот только ни черта не знаю, какого хрена меня это волнует, – горько хмыкает он.

– Женщины дают обещания, что всегда будут рядом. Они клянутся в этом, закрывают тебя собой, а потом причиняют сильную боль. Они умирают и разрушают веру в то, что может быть иначе. Вокруг меня всегда смерть, и легче всего

вовсе не привязываться к людям. Не думать о них. Не видеть свой страх из-за того, что они снова могут уйти навсегда. – Лазарро ставит бокал на пол и бросает в него сигарету.

– Ты говоришь о матери? – шепчу я.

– Не только. Я видел много женщин, и зачастую они умирали из-за меня. Они думали, что могут меня вылечить. Но моя болезнь лечению не поддаётся. Они рассчитывали меня изменить, вместо пистолета вкладывая мне в ладонь розу, как будто она поможет мне убить. Они лелеяли надежду, что подчинят меня себе. Нет. Никогда. Мой мир диктует мне условия, и я поклоняюсь только им. Я сдохну в одиночестве. Это мой выбор. И ты должна его запомнить, Белоснежка. – Он забирает у меня бокал и ставит его рядом со своим.

– С чего ты решил, что я хочу тебя поработить? – искренне удивляюсь.

– Каждая этого хочет, ты не исключение, – усмехается Лазарро.

– Ошибаешься. Я знаю, что твой мир жесток. Знаю, что это твоя работа, и ты продолжишь убивать людей, которые мешают тебе или угрожают твоей семье. Я это всё понимаю и помню. Но есть ещё такая вещь, как настоящая личность. И её можно показать только одному человеку. Наверное, я просто не хочу, чтобы ты умерал в одиночестве. Да, это твой выбор, но разве привязанность не причина, чтобы жить? Искренность – это не шанс вырвать свою жизнь зубами, ради этого человека? Жизнь не должна быть пустой. Ты лишаешь

себя возможности узнать, что не все женщины пытаются поставить тебя на колени. Есть те, кто опустится вместе с тобой, чтобы поддержать и подхватить тебя, если будет нужно. Нельзя судить обо всех по одному человеку, ведь так ты лишаешь себя слишком многого. Ты только представь, если бы я о тебе судила по тому работорговцу? Но я не делаю этого, потому что ты другой. Да, вы оба бесчеловечны и жестоки. Для него я не хочу искать оправданий, а для тебя стану, даже если это будет больно, – грустно приподнимаю уголок губ и тяжело вздыхаю.

– Тебе сейчас тоже некомфортно со мной, Белоснежка?

– Мне странно. Я чувствую какую-то преграду между нами. Может быть, это слова. Может быть, это недоверие. Не знаю... может быть, я просто не хочу быть уничтоженной морально твоим отношением и пытаюсь уйти первой, чтобы не причинять себе боль, – отвечаю, пожимая плечами.

– Стекло, – произносит Лазарро, и я, удивляясь, приподнимаю брови. – Между нами стекло. Его нужно или разбить, или оставить так, как есть.

– Почему стекло, а не ров или бассейн с кровью?

Лазарро усмехается и упирается затылком в стену.

– Потому что ров можно переплыть. Кровь меня не пугает. Твои варианты для меня легко преодолимы, а вот стекло... – он делает паузу и смотрит мне в глаза. – Разбив его, можно протянуть руку и вытащить тебя оттуда. Но дыра не такая большая, как кажется. И пока я буду тащить тебя,

осколки начнут впиваться в мою кожу и раздражать её...

– Но тебе не нужно тащить меня, я ведь сама могу вылезти?

– Тогда поранишься ты, – отвечает, и что-то в глубине его глаз меняется. Они становятся сверкающими, живыми и очень печальными.

– А если я разобью тоже? Со своей стороны, чтобы никто не поранился.

– Хочешь правду?

Быстро киваю в ответ.

– Ты разбила стекло первой. И именно мне нужно понять, добивать его или оставить всё так, как есть.

– Что ты выберешь? – шепчу я.

– Сказка подошла к концу, Белоснежка. Теперь тебе нужно ложиться спать. – Лазарро снимает меня со своих колен и перекладывает на матрас.

Успеваю схватить его за руку.

– Ты же не уйдёшь? Не оставишь меня одну? Я не хочу сегодня быть одна, – быстро произношу и смачиваю языком губы.

Он переводит взгляд на мои пальцы, крепко сжимающие его запястье, а потом вновь смотрит на моё лицо.

– Захочешь ли ты этого завтра? – спрашивает он.

– Я не знаю. Наверное, всё зависит от тебя. Но сегодня ты нужен мне. Я не понимаю, почему такая зависимость от твоего тепла появилась именно сейчас, но прошу тебя, Лазарро,

останься со мной.

Я ожидаю отказа, но Лазарро убирает бутылку на пол, туда же кладёт сыр и ложится на матрас. С благодарной улыбкой опускаюсь рядом, не отпуская его руку. Мои пальцы опускаются ниже, и я обхватываю ими его ладонь. Лазарро переворачивается на бок лицом ко мне. Я поднимаю его руку и подношу к губам. Оставляю на его пальцах лёгкий поцелуй и закрываю глаза.

Очень сложно понять, что именно дарит нам спокойствие. Порой это абсолютно противоположные вещи. Порой ад может быть иным. Тёплым. Всё зависит от того, под каким ракурсом посмотреть на него.

Глава 14

Насколько можно быть зависимой от ароматов? Искать их. Ждать их. Тянуться к ним. Насколько это опасно для женщины, которая в двадцать семь лет только познаёт взрослый мир? Наверное, смертельно, потому что это доказывает чувства. Нет, они не прекрасные, не возвышенные, не сладкие. Они горькие, с лёгким привкусом табака и едким вкусом виски. Воспламеняются от искры и гаснут очень быстро и ненадолго. Они выживают при любых погодных катаклизмах. Они умоляющие, требовательные, необычные.

Я довольно давно проснулась, теперь лежу, смотрю в окно, по стёклам которого бьёт дождь. Он так и не прекратился со вчерашней ночи, и мне было бы куда спокойнее, если бы рядом был Лазарро. Но его нет. Не знаю, когда он ушёл и спал ли вообще, потому что я провалилась в сон моментально. Понятия не имею, какого чёрта столько вчера наговорила и до сих пор не могу уловить суть нашего разговора. Вроде бы были сказаны очень важные вещи, но и они не дали мне полной картины происходящего. До сих пор нахожусь в подвешенном состоянии. И я голодная.

Мне приходится встать с матраса, потуже затянув халат, пригладить волосы и выйти в коридор. Я прислушиваюсь, но нет никаких разговоров или шагов. Тихо. Спустившись вниз, пробегаюсь взглядом по пустому пространству. Иду

дальше пока с удивлением не замечаю новый стол и один стул, на котором и сидит Лазарро с планшетом в руках. На столе кофе и пустая тарелка.

– Доброе утро, – произношу, натягивая улыбку. – Ты купил стол. Это здорово. И почему-то лишь один стул.

Он поднимает на меня взгляд, и... кажется, я уже полностью привыкла к тому, что он ходит зачастую в одном полотенце, обмотанном на бёдрах. Его лицо ничего не выражает. Он просто смотрит на меня пустым взглядом.

– Ты уже позавтракал? Тебе приготовить что-то ещё? – интересуюсь я.

Лазарро откладывает планшет и складывает руки на груди.

– Поняла. Ты злишься. Скажешь причину? Прости, но голова болит от виски, я не смогу догадаться, – тяжело вздыхая, принимаю поражение.

– Возьми кашу. Она на плите. Потом найди место, где поесть, – сухо говорит он.

Значит, нормального разговора я не получу. Очень сложно маневрировать между настроениями Лазарро. Конечно, вчера был ужасный день. Отвратительный. Наверное, он ещё обижен на мои слова или, вообще, на поведение. Не знаю. Слишком много причин, чтобы он относился ко мне вот так.

Перекладываю кашу в тарелку и облакачиваюсь о кухонный гарнитур. Черпаю ложкой кашу и жую.

– Белоснежка, мать твою, я сказал найти место! – кричит

Лазарро одновременно с грохотом.

Непонимающе выхожу в бывшую столовую.

– Да не понимаю я тебя. Что это значит? Стоя поем. Где мне найти место, если здесь только один стул, да и тот занят? – возмущённо спрашиваю его.

Он недовольно поджимает губы и переводит взгляд на свои колени. Озадаченно приоткрываю губы.

– Подожди, ты хочешь, чтобы я...

– Живо, – рычит он, немного отодвигаясь.

Медленно иду к нему и ставлю тарелку на стол. Лазарро рывком обхватывает мою талию и сажает на себя. Ладно, я никогда не пойму мотивов его поступков. Надо уже смириться.

– Тебе удобно? – спрашиваю, ёрзая на нём, поворачиваю голову.

– Блять, мне ни хрена не удобно, когда ты так делаешь!

Цокаю от его слов и закатываю глаза.

– Тогда в чём суть?

– В твоём месте. Где твоё место, Белоснежка?

– Видимо, на тебе.

– Наоборот, но если я сяду на тебя, то тебе будет крайне некомфортно, – кривится он.

– Ничего не поняла. Да и плевать. Ты всегда говоришь странные вещи и даже не выдал мне словарь, чтобы я потом изучила новые слова. Поэтому сделаю вид, что всё нормально, – отвечаю, пожимая плечами, беру ложку и ем кашу.

Лазарро сидит, не двигаясь, и до меня, наконец-то, доходит. Меня, глупую дуру осеняет, зачем он это сказал и сделал. Лазарро просто иначе не может показать мне, что я ему нужна, и вчерашний день никак не повлиял на его отношение ко мне. Это безмолвное «Моя».

– Признаю, я гуппи, – шепчу, облизывая губы и снова смотря на его лицо. – Я ужасно тупая гуппи. Но в своё оправдание скажу, у меня был только один мужчина, да и тот спал в носках летом. И я не говорю уже о том, что он ковырялся в носу и ел свои козявки, пока смотрел футбол. Он не закрывал дверь в ванную, когда... хм... ходил в туалет. И принимал душ один раз, утром.

– Чёрт, это отвратительно. И ты потом ему сосала? Гадость, Белоснежка. Ты испортила мне аппетит на весь день.

– Я ему не сосала, это раз. Мой первый раз был с тобой. Два, у нас был секс в презервативе, и я никогда не понимала, почему людям нравится секс. Три, я целовала его только после того, когда он почистит зубы. Четыре, мне было наплевать на его привычки. Мне было безразлично... Боже, я поняла. Я так много сейчас поняла. Голова ещё больше болит, – жалобно издаю стон.

– Видимо, тебе думать противопоказано, – смеётся Лазарро.

– Это ты меня напоил вчера. – Поворачиваюсь на его коленях и пихаю его в плечо.

– Насильно? Нет. И я буду дальше предлагать тебе всевоз-

можною выпивку, чтобы ты стала ещё болтливей...

– Не надо. Мне и так стыдно, – кривлюсь я.

– Стыдно? За правду? Ты же вчера мне не врала, так чего стыдиться?

– Себя. Я устроила целую сцену сначала тебе, потом Карлу. И кажется, я ему больше не нравлюсь, хотя он сказал, что метит в моё сердце, и это глупо. В общем, если ты забыл, то ещё меня чуть не убили, и у меня на глазах человек умер. Паршивый день. – Потираю лоб и виновато смотрю на Лазарро.

– Он метит в твоё сердце. Прекрасно.

– Ты только это услышал?

– Нет, ещё то, что тебе кажется. Всё же воспользуйся советом и перекрестись. Вдруг поможет.

– Ты же не будешь мне сейчас ничего выговаривать, да? Не начинай этот разговор, пожалуйста, – издаю стон и обиженно выпячиваю губы.

– Не буду. Я всё тебе сказал вчера, Белоснежка. Для меня важно другое.

– Что?

– Ты здесь. Ты ещё здесь. Ты выбрала меня. Наверное, мне нужно было это услышать. Увидеть. Борьба подобных эмоций для тебя сложна, но я не отрицаю того, что однажды ты пойдёшь к нему. Я позволю это сделать, потому что буду уверен, ты вернёшься ко мне. Мужчин лучше меня ещё не рождалось.

– Боже, какой же ты самовлюблённый, – шепчу, качая головой. Лазарро довольно улыбается и играет бровями.

– Ешь. Я пока дочитаю новости. – Он разворачивает меня лицом к столу, и я ёрзаю на его бёдрах, чтобы сесть удобнее.

– Чёрт, Белоснежка, прекрати, иначе я тебя нагну прямо сейчас, – шипит он, ударяя меня по бедру.

– Кто виноват, что ты такой чувствительный на это место, – усмехаясь, сжимаю ягодицы, вырывая у Лазарро шипение. Он обхватывает мою талию одной рукой, надавливая на моё тело, и дёргает бёдрами. Охая от внушительной эрекции, бросаю на него удивлённый взгляд.

– Не провоцируй меня, – предупреждает он.

– А ты не возбуждайся так быстро, – парирую я.

– Когда у меня был секс в последний раз, не припомнишь?

– Ты говорил, что он для тебя не так важен.

– Я терпелив, чёрт возьми!

– Ты похотливый извращенец. Не верю я в твоё терпение, – прищуриваюсь и бросаю в рот кашу.

– Значит, пришло время для того, чтобы выложить карты на стол. Помнишь, о чём мы вчера днём говорили?

– Хм... вроде бы о том, что ты похотливый извращенец, – улыбаясь, говорю.

– Белоснежка...

– Ладно, и что? Какие карты ты хочешь выложить? – Игриво смотря на него, отклоняюсь на его грудь.

– И ещё раз спрашиваю: когда у меня был секс в послед-

ний раз?

– Позавчера ночью. Ты рисовал... Боже, до сих пор странно говорить об этом.

– И что ты пообещала мне, если я продержусь сутки без женщины?

– А откуда я могу знать, что ты не врёшь? Ты мог на приёме кого-то соблазнить и...

– Единственная, кого я соблазнял, это ты. Достаточно? Мне нужно кончить. Я не трогал тебя. Я был понимающим. Но я выполнил условие, где моё поощрение?

Удивляюсь обиде, сквозящей в голосе Лазарро.

– Ты что, серьёзно? Ты, правда, воспринимаешь все мои слова как условия? Боже, Лазарро, ты больной?

– Не делай меня сумасшедшим, потому что тогда тебе будет больно.

Вот теперь мне не смешно.

– И ты хочешь... прямо сейчас... хм, здесь? – обескураженно шепчу.

– О-о-о, да. Сию минуту мне нужен твой рот, – кивает он.

– Но сейчас день и...

– То есть теперь тебе день не нравится? Ты издеваешься?! Сначала ты требуешь искать рассвет, я нахожу его, а сейчас день тебе не угодил? Да ты, блять...

– Не ори, – закрываю его рот ладонью.

– Не кричи и не возмущайся. Просто я не знаю... нравится ли тебе это... то есть удовлетворяю ли я тебя, понимаешь?

Ну и у меня скудный опыт, но раз я обещала, то хорошо. Я согласна. Поем сначала, иначе меня стошнить может от голода и головной боли, а потом я твоя.

Глаза Лазарро светлеют, и он убирает мою руку со своих губ.

– Я согласен. Но ешь быстрее, я уже не могу терпеть. Я хочу твой рот. А потом

поимею тебя на новом столе.

Недоумённо хлопаю ресницами.

– То есть ты был сутки верен мне? Это прогресс, – усмехаюсь я.

– Я говорил, – он подхватывает мой подбородок и притягивает моё лицо ближе к своему. – Мне не важна цена, я хочу тебя. Ты моя, Белоснежка.

– Кажется, я скучала по этим словам, – шепчу в его губы.

– Ты снова провоцируешь меня. – Лазарро проводит по моим губам своими, и я уже не могу думать ни о какой каше.

– Не провоцирую, а стараюсь сделать всё естественно, без приказа отсосать. Это грубо и невежливо. – Оставляю мазок языком между его губ, и он сильнее стискивает пальцами мой подбородок.

– Ох, простите пожалуйста, Ваше Величество. Не соизволите взять грёбаными приборами мой член и положить его себе в рот, иначе мне придётся, на хрен, вас разорвать?

Смеюсь от его слов, прижимаясь к его лбу своим.

– Соизволю, но боюсь, что могу поранить ваш нежный и такой высокопоставленный член ножом. Вы же не хотите потом лишиться его? Это, видимо, тот орган, который отвечает за вашу мозговую деятельность. Было бы крайне невоспитанно с моей стороны лишить вас его.

– Вот ты сука, Белоснежка, – рычит Лазарро, впиваясь в мои губы.

Кофейное дыхание врывается в мой рот, и я издаю стон удовольствия от горечи и сладости вкусов. Лазарро обхватывает мою голову ладонями, врываясь языком в мой рот, и я встречаю его своим. Желание сразу же охватывает моё тело, я подаюсь вперёд, ёрзая у него на коленях. Боже мой, я не думала, что насколько сильно можно хотеть мужчину. До боли внизу живота. До жадных поцелуев. До дрожания рук в его волосах. До дискомфорта в шее.

– К чёрту всё, – шепчет Лазарро, хватая меня за талию и толкая назад. Охаю. Он ударяет ладонью по моим коленям. Срывает с себя полотенце и тянет на себя. Выхватываю взглядом его налившийся кровью член, который моментально вжимается между моих складок. Издаю стон, падая на Лазарро и цепляясь за его волосы.

Дёргает мой халат в стороны, обнажая грудь. Его глаза вспыхивают от похоти. Выгибаясь, трусь о его член, скольжу по нему, издавая стон. Лазарро впивается в мою грудь зубами. До боли кусает её, и перед моими глазами всё плывёт. Нахожу рукой пояс на халате и развязываю его. Его язык кру-

жит вокруг соска, и он всасывает другой, покусывая его, а затем с силой сжимая зубами. Распахиваю рот в крике, быстрее двигаясь на его члене. Внизу живота всё полыхает от желания. Лазарро приподнимает меня.

– Вставь мой член в себя, Белоснежка. Докажи мне, что ты хочешь его, – шепчет он, поднимаясь губами по моей груди к шее. Нахожу рукой его член, и он мокрый. Полностью мокрый от моей смазки.

– Белоснежка, чёрт бы тебя подрал! Прямо сейчас! – рычит, кусая мой подбородок. Приподнимаюсь ещё немного.

Лазарро хватает меня за голову и заставляет смотреть вниз.

– Видишь? Как ты хорошо поглощаешь меня? Тебе нравится? – шепчет он. Я медленно принимаю его член в себя.

– Да... да, – шепчу, кивая, и резко опускаюсь до основания. Вою, касаясь его лба своим, и задыхаюсь от наполненности.

– Ты большой... очень... большой, – хрипло произношу.

– Больше, чем все члены в твоей жизни, Белоснежка. – Лазарро дёргает бёдрами вверх, отчего у меня внутри всё сжимается от удовольствия.

– Да... самый большой, – всхлипываю я. Он тянет меня за волосы наверх, и я поднимаюсь. Резко тянет рукой вниз. Вскрикиваю от боли в волосах и падаю на его член.

– Теперь сама. И быстро. – Отпуская мои волосы, его ладони забираются под мой халат, и он сжимает ягодицы.

– Быстро! – Ударяет по ним, вырывая очередной крик. Я стою на носочках, поднимаясь и опускаясь на нём. Откидываю голову назад, наслаждаясь давлением внутри.

– Ещё быстрее, я сказал.

Очередной шлепок по ягодице. Задыхаюсь и двигаюсь настолько резко и быстро, насколько мне позволяют мой рост и силы. Но этого мало, я знаю, как и Лазарро. Хотя я получаю невероятное удовольствие, но не могу управлять им. Не умею ещё полноценно.

– Помоги мне, – прошу, впиваясь в его губы.

– Ты хочешь, чтобы я показал тебе, как трахаться?

– Очень. Научи.

Лазарро резко встаёт со стула и крепко держит меня за ягодицы, словно я пушинка. Мышцы у него на груди вздымаются. Он подкидывает меня вверх. Испуганно впиваюсь пальцами в его плечи и падаю вниз на его член. Из горла вырывается хрип.

– Да... вот так...

– Подними руки, – приказывает он. Поднимаю их наверх и переплетаю пальцы. Лазарро делает несколько движений бёдрами, лаская мою грудь. Соски. Он проводит языком по тонким порезам от бумаги. Неожиданно Лазарро подкидывает меня высоко вверх, и я визжу от страха. Он убирает руки. Меня буквально парализует. Уровень адреналина за секунду подскакивает до невыносимой высоты, и я опускаюсь прямо на его член. Лазарро успевает поймать меня

за ягодицы. Шиплю от удовольствия.

Впиваюсь в его губы. Он следует со мной. Где-то далеко слышу шум.

– Босс...

– Я занят. Не сейчас.

Вырываю взглядом удивлённое лицо Итана, пока Лазарро несёт меня по лестнице. Хорошо, что халат прикрывает всё самое интимное.

– Но, Босс...

– Иди на хрен. Я занят. – Лазарро находит мои губы, удаляя моей спиной в дверь. Находит ручку и нажимает на неё.

– Трахну тебя на нашей новой кровати. Помечу её. Ты будешь всегда знать, что здесь было в первый раз, – рычит, бросая меня на постель, и сразу же хватает за бёдра.

– Хм, Босс, это очень важно. У меня информация. – Раздаётся стук в дверь.

– Пять минут. Итан, мать твою, дай мне грёбаные пять минут! Я схохну, если не кончу! – орёт Лазарро.

Прикусываю губу от смеха. Он бросает на меня тяжёлый взгляд.

– Это будет быстро, Белоснежка. Очень быстро. В следующий раз отсосёшь, но терпеть я больше не могу, – с этими словами он так высоко поднимает меня над постелью, что моя спина выгибается.

Из моей груди вырывается крик, когда Лазарро начинает вдавливать в моё тело с невероятной мощью. Он насажи-

вает меня на себя. Я ловлю ртом кислород. Мои бёдра в его сильных руках. Лазарро натягивает меня на себя. Я кричу от остроты ощущений. Кажется, у меня всё кипит между ног. Жар охватывает меня. Он бьёт по каждому уголку моего тела. Я не знаю, можно ли так быстро двигаться, но член Лазарро словно поршень, который работает внутри меня. Уже через секунду меня трясёт от оргазма, бросая в разные стороны. Меня разрывает. Сгусток напряжения внизу живота взрывается, отправляя меня на чёртовы небеса. Задыхаюсь, скулю и кусаю губы, а ощущения всё не отпускают моё тело. Я сжимаюсь внутри, постоянно пульсируя вокруг движущегося члена Лазарро. Неожиданно он отпускает мои бёдра вниз и моментально оказывается сидящим на мне. Его ладонь быстро двигается на члене. Я не знаю, что нужно делать, но открываю рот, выбивая этим из его горла низкий рык. Лазарро придвигается ближе ко мне, и его член грубо входит в мой рот. Кислород заканчивается. Втягиваю его носом, ощущая аромат нашего соития, и возбуждаюсь снова. Лазарро быстро и мощно входит в мой рот. Хватает ладонями мою голову и оказывается ещё глубже, щекоча гортань. Я задыхаюсь. На глазах выступают слёзы. Впиваюсь пальцами в его бёдра.

– Посмотри на меня... посмотри... Белоснежка, мне в глаза, – задыхаясь, стонет Лазарро. Поднимаю взгляд на его лицо, и он протяжно стонет, сцепив зубы. Дёргается у меня во рту, и тёплая сперма бьётся в моё горло. Лазарро кончает.

Прикрываю веки от странного удовольствия. Шире раскрываю рот и языком провожу по его замершему члену.

– Блять... Белоснежка, – он жмурится, и его губы распахиваются в беззвучном крике. Это так красиво. Щекочу его член, чувствую, как по телу Лазарро проходит дрожь. Его кожа покрывается мурашками, и он шумно выдыхает. Отодвигается назад и перекидывает ногу на кровать. Облизываю губы, чмокая ими. Это неплохо. Не так отвратительно, как я думала раньше. Сперма довольно вязкая и имеет островатый привкус.

Лазарро хватает меня за голову и вынуждает встать на колени. Он целует меня и проводит своим языком по моему.

– Ты моя, – тяжело дыша, говорит он.

– Я помечу каждый уголок твоего тела. Помечу всё. Я буду первым везде, Белоснежка. Твой рот – грёбанный рай. Я поимею его сотню раз.

– Мне тоже понравилось, – шёпотом признаюсь, обнимая его за шею.

– Не провоцируй меня. Зачем ты это снова делаешь? – Лазарро резко опрокидывает меня на спину, нависая надо мной.

– Провоцирую? Как? – непонимающе спрашиваю.

– Глазами, Белоснежка. Чёртовыми глазами, полными похоти и желания. Я видел это вчера. Под дождём. Я вижу это постоянно. Ты знала, что у тебя бывает струйный оргазм?

– Чего?

– Потрясающе. Трахать в рот без рвотного рефлекса. Увидеть твой первый струйный. Я счастливый ублюдок, – смеясь, он целует меня в губы.

– И я всё же не поняла. О чём ты говоришь?

– Это будет моей тайной, – шепчет он, прикусывая мочку моего уха, и тело вновь отзывается на его ласку.

– Кажется, я хочу ещё... – Чувствую, как мои щёки краснеют. Лазарро улыбается и шлёпает меня по щеке.

– Обещаю. Позже. Сейчас дела. Итан, наверное, там кончил, слушая твои стоны и крики. Обожаю, когда ты громкая. – Он чмокает меня в нос, а я разочарованно вздыхаю.

– Пошли, Белоснежка. Узнаем, кто работал в паре с той тварью, которая вчера едва не забрала тебя у меня. Точнее, узнаем, сколько сегодня появилось трупов.

Охаю от его слов.

– Твои ставки? – интересуюсь, словно мы говорим о скачках, Лазарро тянет меня за руку и ставит на пол.

– Один?

– Три. Интрига, – смеясь и держа за руку, он ведёт меня за собой.

Почему нужно портить такой момент смертями? Ах да, всегда забываю, что смерти для них – это десерт, который они предпочитают подавать на завтрак, обед и ужин.

Глава 15

Спустившись вниз, моментально краснею, когда вижу недовольного Итана, сверлящего нас обоих злым взглядом.

– Лазарь, ты прикалываешься? Ты мог трахнуть её позже. – Обида так и сквозит в голосе Итана.

– Мне насрать на твои нежные чувства, Итан. Секс с ней мне нравится. Я тащусь от него. И если нужно будет сделать выбор, то я выберу этот охренный рот...

– Лазарро, пожалуйста, замолчи, – шепчу, стгорая от стыда.

Он хмыкает и поднимает полотенце с пола. Замечаю, что его член ещё твёрдый. Извращенец. Лазарро, прикрывает бёдра и, садясь на стул, тянет меня на себя.

– Ешь, Белоснежка, – целует меня в щёку и придвигается ближе к столу.

– Меня сейчас стошнит, – кривится Итан.

– Придержи своё дерьмо в штанах и не порть ей аппетит. Я слушаю. Сколько трупов? – Лазарро бросает на меня игривый взгляд.

– Как думаешь, кто выиграл?

– Три.

Закатываю глаза и цокаю.

– Никогда не ошибаюсь, – смеётся Лазарро.

– Боже мой, ты больной. Три трупа, то есть три оборван-

ные жизни, а тебе весело. Что с тобой не так? – возмущаясь, смотрю на него.

– Насрать. Это весело. Угадывать всегда весело. Когда-нибудь будем с тобой играть на деньги...

– Не дождёшься. Это бесчеловечно, – фыркая, кладу в рот кашу.

– Вы закончили? Я могу продолжить или мне снова подождать? – злясь, рычит Итан.

– Ах да, ты же ещё здесь. Говори.

– Спасибо, Босс, что обратил на меня своё внимание, – раздражённо цокает Итан.

– Если бы у тебя была пара сисек и тугая вагина, то я бы был твоим. А так, твоя задница меня волнует меньше, чем её.

Прикрываю глаза от вульгарности Лазарро.

– Подождите... – шепчу, переварив их разговор. – То есть три трупа? Работорговец снова принялся за своё? Это он? Выполняет угрозу?

Моя кровь леденеет от догадки.

– Нет, Белоснежка. Этот мудака пока выжидает время. Он считает, что мне нужно подумать и очень хорошо. Мудака, говорю же, причём довольно тупой. Я не отдам тебя, и время на раздумья мне не нужно, – категорично заявляет Лазарро.

– Задолбали. Мы можем поговорить наедине?

– Тогда откуда эти трупы? – спрашиваю одновременно с Итаном.

– Тебе – нет, – Лазарро указывает взглядом на Итана, от-

чего тот ещё больше злится. – А тебе он сейчас расскажет. Мне лень.

Закатываю глаза и цокаю.

– Я, действительно, должен это делать? – возмущается Итан. – Она, вообще, не из наших. Это семейные дела...

– Напомню, что меня вчера чуть не убили, и теперь многое меня касается. Так что, я бы хотела быть в курсе происходящего, чтобы не совершать ошибки в будущем, как и увидеть всю отвратительную картину. Для меня это важно. Спасибо, Лазарро, что в этот раз не держишь всё втайне, – благодарно улыбаюсь ему.

– Опять провоцируешь? Я же тебя прямо сейчас оттрахаю, – прищуриваясь, шипит он.

– Я не виновата, что тебя каждая моя улыбка и взгляд провоцируют. Ты держи себя в руках...

– Если я сейчас проверю?

– Так, это уже ненормально. Вы меня бесите. Вы оба меня раздражаете. У нас три грёбаных трупа. Не смотри на него, Лавиния! Отвернись, мать твою! – выкрикивает Итан. Хрюкаю от смеха.

– Ещё раз повысишь на неё голос, я тебя выебу в твою дырку чем-то очень острым. Ясно? – рычит Лазарро.

Итан едва сдерживается. Он ревнует меня к Лазарро, и мне нравится видеть его таким.

– Ясно. Я могу начать?

– Давай. Конечно, я бы хотел ещё кофе, но придётся по-

терпеть. Удовлетишь мои потребности позже.

Взгляд Итана становится совсем мрачным. Он двигает мощной челюстью, показывая, насколько клокочет в нём ярость.

– Утром сообщили, что сменщица вчерашней смертницы не вышла на работу. Симон был у неё...

– Ты слишком близко подошёл к настоящему, Итан. Нужно начать издалека, ведь Белоснежка не понимает, что это за сменщица. Она только учится видеть будущее.

Я шокирована словами Лазарро. Мне приятно, что он думает обо мне и о том, чтобы я всё поняла. Секс на него хорошо влияет.

– Тогда сам, я умываю руки. Меня раздражают объяснения, – произносит Итан и раздражённо передёргивает плечами.

– В общем, Белоснежка, твоя смертница не могла работать одна по определению. Всегда бывает ещё кто-то. Тот, кто прикрывает спину или подхватывает начатое. У них обеих был заказ, но не было чёткой информации о времени твоего появления в госпитале у Марты. Одна она не могла работать, потому что наш сукин сын слишком нетерпелив. Дважды ты избежала смерти, и это его немного разозлило. Он не рассчитывал, что тебе повезёт в третий раз, как и твой побег до сих пор его оскорбляет. Теперь ему нужна была уверенность, что ты ни при каких условиях не сможешь пройти мимо его ловушки в этот раз. Ему очень сильно важен ре-

зультат, и для его достижения он обложил тебя с двух сторон. Так что после того, как смертница себя прикончила, мои люди поехали к её напарнице. Девушки работали поочерёдно, одна в дневную смену, вторая в ночную. Они сменяли друг друга, чтобы не пропустить твоё появление. Мои люди вытащили её из постели и как следует прижали...

– Боже мой, я бы никогда не догадалась, что их было двое, – восхищённо шепчу.

– Я умный ублюдок, – довольно кивает Лазарро.

– Очень.

– Охренеть, ещё фейерверка в твою честь не хватает, Босс, – бурчит Итан.

– Но он заслужил его. Это ж надо было додуматься до такого. И что? Вы нашли её? Они, действительно, работали вместе? – интересуюсь, жуя кашу.

– Именно, Белоснежка. В её квартире обнаружили точно такой же шприц, которым смертница планировала прикончить тебя. Как я и думал, это оказалась кислота. Она быстро разъедает органы и вены. Мои люди выбили из этой женщины правду. Их обеих обработали несколькими днями ранее. Обeim пришли письма «счастья». Одной прислали отрубленный палец её брата вместе с инструкциями, как получить остальное в не разрубленном виде...

Каша комком встаёт в горле, и я выпрямляюсь, отодвигая тарелку.

– Второй пришло фото с её младшей сестрой, избитой

и прикованной цепями к стене. Обнажённой, разумеется. Фото было сделано в примерно той же клетке, в которой держали тебя.

Прикладываю ладонь к губам, чтобы вся еда не вырвалась наружу.

– И обеим женщинам ничего иного не оставалось, только как выполнить задание. В письмах была приписка о том, если одной не удастся выполнить приказ, то она должна сдохнуть от инъекции сама. Первая это и сделала. Пока никто не знал о трупе, нам удалось вытащить нужную информацию. А дальше слово передаю Итану. Развлекайся.

Поворачиваю к нему голову.

– Медсестру, работающую в дневную смену, нашли мёртвой в её квартире. Перерезано горло, значит, за её квартирой следили. Симон сам видел труп и сделал фотографии. Смерть была насильственной. Наёмник действовал в перчатках, поэтому отпечатков нет...

– И вы ничего не сделали? Вы же знали, что за ней придут, – шепчу я в ужасе.

– Мы не могли поставить своих людей на чужой территории. По нашим законам внедряться на чужую землю можно только с разрешения Босса. Ренато нам отказал, обещая, что сам пришлёт людей, но, видимо, не успел или же не захотел успеть. Её убили ещё ночью, примерно через час после нашего посещения, – Итан делает паузу.

– Он мне с первого взгляда не понравился. Слизняк, – зло

шиплю.

– Изначально было понятно, что родственников этих женщин никто не оставит в живых. Девушку нашли в мусорном баке. Изнасилование. Множественные ножевые ранения, от которых она и скончалась. Парня нашли в Бруклине. Умер от передозировки.

Жмурюсь от отвращения к этому козлу. Как можно быть настолько бесчеловечным?

– Они были молоды, да? – тихо спрашиваю.

– Тебе не стоит этого знать...

– Девушке четырнадцать. Парню шестнадцать, – выпаливает Итан, перебивая Лазарро.

– Вот ты ублюдок, – качает головой Лазарро. В моих глазах собираются слёзы.

– Проще меня ему отдать. Вы только послушайте себя, сколько жертв. Господи, сколько смертей из-за меня...

– Белоснежка, успокойся. – Лазарро обхватывает мою талию, не позволяя вскочить со своих колен.

– Успокоиться? Да это уму непостижимо. Люди умирают. Они ведь были ни при чём. Их обработали. Их заставили, и они думали, что спасают своих родных, – горько всхлипываю.

– Теперь ты понимаешь, насколько твоя жизнь важна? Если он прикладывает столько сил, чтобы тебя убить, то ты и есть его главный страх на данный момент. Ты его тайна, за которой он охотится. И он сам придёт за тобой, Белоснеж-

ка. Он придёт. Я в этом уверен. Его терпение обязательно лопнет, нужно всего лишь подождать. Ты уже прекрасно научилась избегать смерти. Ещё немного тренировок, и тебе уже ничего не будет страшно. – Лазарро заправляет прядь моих волос за ухо.

– Но сколько жертв появится до этого времени? Это ведь ужасно, – шепчу я.

– Да, ты права, но жертвы будут всегда. Они не на твоей совести, а у похитителя её нет. Он один из нас. Я могу с уверенностью сказать, что он не обучался ни в моей семье, ни в семье Сэла. Но здесь есть другие семьи, и пришло время показать им, насколько мне обидно, что они скрывают от меня кое-какую информацию. У нас есть приглашение, не так ли, Итан? – Лазарро не сводит глаз с моего лица, обращаясь к нему.

– Ты прав, Босс. Ренато приглашает тебя и твою... Лавинию повеселиться сегодня вечером в его особняке. Там же у вас произойдёт серьёзный разговор...

– То есть ты убьёшь его?

– Нет, это мне невыгодно. Ренато может быть полезен, и он знает, что накосячил, а я ещё не отошёл от приёма, который он испоганил. В общем, он даст мне то, что я хочу. И заодно снова встретится с тобой, Белоснежка, как и поймёт, что трахать тебя глазами не стоит.

– Он мне не нравится, – кривлюсь я.

– Это хорошо. Для тебя. И для него. Так что немного по-

веселимся и полетим в Чикаго. У меня там дела, да и заодно дадим новую возможность твоему ублюдку напасть на тебя. – Лазарро треплет меня по щеке.

– Не волнуйся, – заметив страх в моих глазах, Лазарро качает головой. – Будешь рядом со мной – останешься жива. Правила не изменились, только игры стали жёстче. Ты выдержишь, Белоснежка?

– Я... постараюсь, – выдавливаю из себя.

– Отлично. Иди развлекайся со своей новой ванной, а мне нужно поговорить с Итаном.

Киваю ему и поднимаюсь с его колен. Лазарро хватается меня за пояс халата.

– Мне не нравится, что ты не поела. Вечером съездим в ресторан после вечеринки. И я хочу видеть на тебе что-то очень сдержанное. Не провоцируй меня снова. Поняла?

Улавливаю рычание в его тембре.

– Боже, Лазарро, здесь людей убивают, а ты о нарядах думаешь...

– Ты поняла?

– Да.

– Одного «да» мне всегда хватит. До встречи. У тебя в распоряжении около пяти часов. Выедем в девять.

Неужели, уже день?

Возвращаюсь к себе в спальню. Запах краски ещё чувствуется, но это самая меньшая из моих проблем. Я теперь понимаю, почему Лазарро вчера был настолько спокоен. Он всё

знал. Я одновременно удивляюсь и ужасаюсь его уму. Нельзя отрицать, что он пользуется мозгами по назначению, если столь быстро всё разгадал и точно знал, сколько будет трупов. Удивляет, что я никогда не задумывалась над тем, насколько сложно сразу обо всём позаботиться, да ещё и отвлекаться на удовольствия при этом. Ужасает, что всё происходящее ему безразлично, и он равнодушен к смертям. Видимо, правда, за свою жизнь немало повидал их. Конечно, у него на глазах его мать покончила с собой, да ещё и беременная была. Насколько же сильно сломана психика Лазарро? Ведь приходится столько всего держать в голове, быстро и чётко на всё реагировать, это огромные усилия. Боже, кажется, я снова идеализирую Лазарро, забывая, насколько он жесток. У него очень много минусов для обычного мира, для обычного мужчины. Но в его мире это его плюсы, потому что он не обычный мужчина. Он какой-то дьявол, которого даже из ада выгнали за плохое поведение. Но есть ли у Лазарро слабые стороны? Они у каждого из людей есть. Тайны? Предполагаю, что куча. И я хочу их знать. Все. До единой. Я хочу быть той, кому он доверится настолько, что откроет свою душу, исповедуется во всех грехах, только вот не знаю, смогу ли всё это выдержать. Чёрт, ситуация дерьмовая.

Полежав в новой большой ванне, осмотрев все шкафчики и огромное количество косметических средств, готовлюсь к вечеру. Знаю, что Лазарро никогда не понравится то, во что я оденусь. Он всегда найдёт причину, почему та или иная

вещь мне не подходит. Хотя это довольно романтично, его ревность, но я теряюсь при выборе.

Спускаюсь вниз, слыша голос Лазарро. Он быстро говорит на итальянском по телефону. И я это понимаю. Мне всегда нравился этот язык, но я не рассчитывала, что услышу его от мафиози. Едва он замечает меня, то сразу же грубо обрывает звонок и требует, чтобы ему кто-то не звонил больше, пока он сам этого не захочет. Очередная женщина? Ревность моментально вспыхивает в груди, но я заставляю себя улыбнуться Лазарро.

– И это ты называешь презентабельным нарядом? – ехидно спрашивает, окидывая меня взглядом с ног до головы.

– Нечего было покупать такие вещи. Это только твоя вина, – отвечаю, пожимая плечами, и поправляю лямку на плече. На самом деле платье очень скромное, по меркам Лазарро. На одно плечо. Белоснежное и лёгкое. Оно идеально подчёркивает мою талию и расширяется на бёдрах. Конечно, оно не длинное, но до колен. Так что я не считаю его вульгарным.

– Проще тебя просто замуровать, – бормочет он, потирая переносицу.

– Проще тебе не быть таким придирчивым. Если я буду высказываться о твоём внешнем виде? Тебе понравится это? – обиженно бросаю ему.

– Я идеален.

Хмыкаю от его самомнения.

– Ты зачастую в чёрном, когда выходишь из дома. А в остальное время ты голый. Легко быть идеальным при таком раскладе. Попробуй постоять на таких каблуках. – Поднимаю ногу и демонстрирую ему золотистые босоножки на огромных шпильках. У меня даже ступни до сих пор в шоке.

– Если они такие неудобные, зачем ты их надела? – удивляется он.

– Не хочу смотреть на тебя снизу-вверх. Это у меня пунтик уже. Ты постоянно надо мной возвышаешься, как чёртова скала недовольства. Хоть когда-то я должна быть твоего роста.

– Странные у вас, женщин, комплексы. И тебе никогда не удастся быть выше меня, Белоснежка, – самоуверенно заявляет он.

– Это мы ещё посмотрим, – нагло отвечаю.

Он прищуривается, глядя на меня, и я повторяю этот взгляд.

– Признаю, ты меня чертовски возбуждаешь. Мда, – он цокает и протягивает мне руку.

– Это плохо?

– Это охренеть, как плохо, Белоснежка. Я уже не хочу никуда идти, мечтаю запереть тебя в одной из комнат и трахать, пока член не сломается.

– А они ломаются?

– Говорят, что да. Бывали случаи в медицинской практи-

ке.

– Боже, и на него гипс накладывают? – смеясь, захожу следом за Лазарро в лифт.

– Чёрт его знает. Лучше не проверяй эти факты, иначе я тебе шею сверну, – грозитя он.

– Теперь мне точно стало интересно, – хохочу я.

Лазарро неожиданно притягивает меня к себе за талию, и его лицо становится серьёзным.

– Мне нравится твой смех. Он меня тоже возбуждает. Как тебе идея сессии с щекоткой?

Озадаченно приподнимаю брови. Он же не всерьёз это предложил? Но по его виду я не уверена.

– Предпочту щекотку твоим членом, – выпаливаю я. Его губы медленно расплываются в похотливой улыбке, а ладонь скользит ниже и забирается под платье.

– Обожаю, когда твои демоны бушуют. – Лазарро стискивает мою ягодицу.

– Терпеть не могу, когда ты такой вульгарный.

– Не поверю. Вот опущу пальцы немного ниже, и наш вечер закончится прямо здесь. Так что хватит меня отвлекать, – шлёпая меня по ягодице и вырывая из горла слабый вскрик, смеётся он.

– Ты слишком озабочен сексом, Лазарро, – шепчу, криясь от боли на коже.

– Белоснежка, я слишком озабочен тобой. Мне не терпится узнать, какие ещё тайны скрывает твоё тело, – подмиги-

вая мне, Лазарро ведёт меня к машине.

– У тебя очень хорошее настроение. Неужели, ты так рад встретиться с этим скользким типом?

– Нет, о Ренато я даже не думаю. Я точно знаю, как пройдёт этот разговор. Я уже далеко впереди мыслями, Белоснежка. В них я приковываю твои руки наручниками, и в моих руках одна довольно забавная штучка...

– Хватит уже, – закатывая глаза, опускаюсь на сиденье.

– По местам, парни. Развлечёмся, – громко произносит Лазарро.

Не знаю, чего ждать от этого вечера, но точно его продолжение Лазарро расписал по пунктам. И признаюсь, что после новой встречи с этим подонком Ренато, мне нужно будет что-то хорошее, потому что предчувствую очередные оскорбления в мою сторону. А если учесть то, что сказал Карл про него, и его желание мной обладать, то радости мне это не прибавляет. Надеюсь, что хоть мои демоны к этой встрече готовы, ведь я-то нет. Не понимаю отчего, но я ощущаю страх перед предстоящей ночью. Он липкий и неприятный. И я полагаюсь только на Лазарро и его умение быстро разговаривать, иначе моё терпение лопнет, если ещё кто-то решит со мной поиграть. С меня уже достаточно игр.

Глава 16

Сколько всего можно сказать о человеке, только по одному дизайну его дома? Думаю, много. Сравнивая жуткую, кроваво-чёрную обстановку большого зала, в котором расставлены высокие кресла, и звучит отвратительная музыка, а свет немного приглушён, легко составить картину внутреннего мира Ренато. Хотя я не удивлена.

– По-моему, ты забыл предупредить меня о том, что мне нужно надеть что-то красное или чёрное. Они все смотрят на нас, а я выделяюсь среди всех, выглядя как ванильное безе на чёрной тарелке, – шепчу. Лазарро крепче сжимает мою руку и поворачивается ко мне.

– Ты права, но ты чертовски сексуальное безе. Хочу безе. Позже. Ренато всегда требует быть в этих оттенках, но я хочу сразу найти тебя в толпе. Так что для меня выбранный тобой цвет идеален, – приглушённо отвечает он.

Мы продолжаем стоять у входа в гостиную, ожидая, пока сам Ренато не выйдет и официально не пригласит нас. Оказывается, таковы правила. Самовлюблённый кретин.

– Тогда у него огромные проблемы с головой, – замечаю я.

– Он считает себя королём тьмы. Дебил, каких ещё поискать надо, но мне лень, – пожимает плечами Лазарро. Усмехаясь, придвигаюсь к нему ближе.

– Ему ничего и нигде не поджигает? – хмыкаю я.

– Предполагаю, что всё дело в носке, который он носит в трусах. Пытается этим доказать, что у него член больше, чем у меня. Пережимает вены, и от этого кровь не поступает к мозгам. Хотя у него и мозгов-то нет, так клейковина, которая удерживает его голову.

– Лазарро, – прыскаю от смеха.

– Но мы оба знаем, что член у меня больше, и кровь тоже циркулирует прекрасно. Так что его жалкие попытки соревноваться со мной смешны. Шут, – фыркает он.

– Ты не слишком высокого мнения о нём, да?

Глаза Лазарро темнеют, и в них проскальзывает жёсткость.

– Его кузен убил мою семью. Я убил его кузена вместе с семьёй. У меня есть причины, чтобы не считать его соперником хотя бы в чём-то, – цедит Лазарро.

– Господи, – охаю я. – И он ещё жив?

– Он не так близок был со своим кузеном. Тот жил в Италии. Его дед переехал в Америку и отказался от итальянских правил, примкнув к нам. Поэтому у меня недостаточно веских причин, чтобы наколоть его яйца, но я надеюсь, что они когда-нибудь появятся.

– То есть существует вероятность, что он может покрывать работорговца? – напряжённо шепчу.

– Ренато не покрывает, а всего лишь не помогает мне, как делает тот же Сэл. Он ждёт, что я паду, но если так и будет, то утащу его за собой. Хотя я пока не планирую подыхать.

Так что пусть дальше мечтает об этом, как и о том, чтобы изменить правила в моей семье. Его территория – наркотики, бордели и воровство. Он разрешает продавать химию, как и закупает её сам. На подобных вечеринках отказывайся от всех предложений немного развлечься. Здесь повсюду наркотики. Ничего не пей и не ешь.

Сглатывая от неприятного ощущения, киваю Лазарро.

– А у тебя это запрещено, да?

– Я не поощряю увлечение наркотиками. Все мои парни чисты, поэтому утечка информации минимальна. Я занимаюсь бизнесом, как это делали мои отец и дед. Мы не мараем руки о грязь, но кто-то должен это делать. Кто-то вроде этого мудака. – Лазарро выпрямляется, и я поднимаю голову, поворачиваясь к залу.

Хочется фыркнуть от вида Ренато, приближающегося к нам. Его бархатный чёрный пиджак, алый шарф и множество брошей вызывают у меня приступ тошноты, как и его мерзкое лицо.

– Лазарь, рад принимать тебя у себя вместе с... – Взгляд Ренато переходит ко мне, и мне становится гадко от того интереса, который я вижу в его глазах.

– Лавиния. Её имя Лавиния, Нато. Ты ведь сможешь это запомнить? – резко произносит Лазарро.

– Конечно, я уже запомнил. Лавиния, англичанка с наглым ртом. – Мужчина приближается и тянется к моей руке, но я быстро прячу её за спиной.

– Прикоснёшься, и мне придётся немного помять твой пиджак. Она моя, – рычит Лазарро.

– Ох, Босс, я всего лишь хотел проявить вежливость, но раз так, то принимаю твои правила. Хотя это странно. Насколько я знаю, ты так и не сделал её своей любовницей. Выходит, что я могу прикасаться и не только, но всё зависит, конечно же, от желания женщины, – растягивая противно слова, он смеётся, как и его охрана, стоящая по бокам.

– Поверь, Ренато, даже если меня будут линчевать и предложат, как вариант выживания провести с тобой время, то лучше сдохну, – выпаливаю я. Лазарро крепче сжимает мои пальцы.

– Она милая. Лазарь, она милая, – продолжает смеяться Ренато. – Но что мы в дверях стоим, проходите. Проходите, скорее. Шампанского или чего покрепче?

Мужчина указывает рукой на зал.

– У нас есть планы, поэтому перейдём сразу к делу, – отрезает Лазарро, проходя в гостиную. Все присутствующие продолжают смотреть на нас, и он ещё возмущался моему скромному наряду. По сравнению с остальными женщинами в практически отсутствующих платьях, я выгляжу как монахиня. Хотя я совсем не против на всякий случай укрыться каким-нибудь одеялом.

– Не спешите, у нас сегодня новая постановка для взрослых.

– Нато, не трахай мои мозги. Начнём, я не собираюсь тра-

тить на тебя своё время. У меня иные предпочтения, – грубо рыкает Лазарро.

– Ты, как всегда, нетерпелив. Конечно, тогда пойдём. Не волнуйся, твоя... хм, Лавиния будет окружена заботой и вежливостью, – произносит Ренато и бросает на меня неприятный взгляд.

– Не отходи от барной стойки. Будь там, и пока не услышишь мой приказ, никуда не отходи. Поняла, Белоснежка?

– Да. А Симон не может быть рядом со мной? – шепчу я. – Мне здесь очень некомфортно.

– Он ожидает у входа. Таковы правила. Итан пойдёт со мной...

– Ренато, Лазарь, приношу свои извинения за опоздание. Из-за этого чёртового дождя произошло несколько аварий. Пришлось ехать в объезд, – за спиной раздаётся знакомый голос, и я оборачиваюсь.

– Лавиния, дорогая, рад тебя видеть, – Амато улыбается мне.

– Какого хрена ты притащил сюда консилъери, Лазарь? – фыркает Ренато.

– Чтобы не пустить тебе пулю в лоб. Для твоей же безопасности, – язвительно улыбается Лазарро.

– Ренато, друг мой, мне придётся присутствовать. Дело крайне щепетильное. И я здесь ради тебя. Давно мы не виделись, – убеждает Амато, пожимая его руку.

– Найдёшь для меня выпивку, мальчик мой? Ненавижу

дождь. Все кости от него болят.

Я вижу, что делает Амато. Он успокаивает Ренато и обманом уводит.

– Босс, нам нужно скорее свалить отсюда, – вполголоса произносит Итан.

– Да, – кивает Лазарро.

– Ты поняла меня, Белоснежка, где тебе надо быть?

– У бара. Ждать твоих дальнейших указаний. Ничего не пить. Ничего не есть. Ни с кем не говорить, – быстро тараторю я.

– Умница. Я постараюсь закончить быстро, и мы поедем ужинать. Итан будет со мной, поэтому ты остаёшься одна. Если кто-то позволит себе лишнего, то вот. – Лазарро вкладывает мне в руку складной нож.

– Положи в сумочку и воспользуйся, если потребуется.

Теперь мне становится по-настоящему страшно, но я быстро убираю нож в сумочку и киваю Лазарро.

– Я буду у бара. Я смогу. Всё будет хорошо, – убеждаю себя в этом, потому что чувствую ложь в своих словах. Точно ничего хорошего не будет. Но я надеюсь на обратное.

– Босс, время, – напоминает Итан.

Лазарро кивает ему и отпускает мою руку. Он указывает взглядом на бар, и я беру себя в руки. Улыбаясь ему напоследок, направляюсь к барной стойке. Итан и Лазарро уходят вглубь дома, а я сажусь на стул.

Бармен с улыбкой предлагает мне напитки, но я вежливо

отказываюсь. Я спиной чувствую, как меня обсуждают, и это не самое приятное ощущение. Хотя меня всегда обсуждают, когда я с Лазарро, но сейчас мы на чужой территории, и здесь жутко воняет гнилью.

Напрягаюсь, когда рядом со мной останавливаются две девушки и просят бармена сделать им фирменные коктейли Ренато с водкой. Стараюсь не поднимать головы, чтобы не привлекать внимание и не нарываться на проблемы.

– Ты уверена, что это она? – доносится шёпот одной из них.

– Абсолютно. Белоснежка Лазаря. Она была на приёме, и я её запомнила.

Прикрываю глаза, сцепив зубы.

– Мда, у Лазаря испортился вкус. Что он в ней нашёл? Она блёклая, как моль.

– Думаю, он просто смешивает работу и удовольствие. Я слышала от Ренато, что она никакая в постели и уж точно не может удовлетворить потребности Лазаря. Если ты понимаешь, о чём я.

– Плети и остальная милая чепуха, – усмехается девушка.

– Именно. Из-за неё Лазарь даже от Бруны отказался. Ты слышала, что он с ней сделал?

– Ну, я не против. Лучше бы убил её, так освободилось бы место. Лазарь часто намекал взглядом на то, что между нами может быть что-то большее...

– Не разевай на него рот, дура. Сейчас он с этой швалью.

Он её чуть ли не на руках носит.

– Бруну он тоже когда-то на руках носил, и все ждали, что сделает её своей любовницей. Между ними была сильная связь. Так что волноваться не о чем. Придёт время, он устанет от моли и прихлопнет её, как и всех остальных. Ничто не вечно, а Лазарь никогда не был похож на принца из сказки.

– С нетерпением буду ждать этого дня. Появится следующая, и ей может стать любая из нас. Мы, по крайней мере, готовы на всё, ради повышения.

– Я бы...

– Дамы, ваш заказ.

Они забирают бокалы и, продолжая перешёптываться, отходят от барной стойки. Отвратительно и горько признавать их правоту. Всегда будет следующая. Они хотели, чтобы я это услышала, но ничего нового они мне не сообщили. Конец всегда приходит.

Неожиданно кто-то касается моего плеча, и я вздрагиваю, резко поворачивая голову. Влажный, скользкий взгляд Ренато вызывает отвращение.

– Не прикасайся ко мне, – выплёвываю с омерзением.

– Всего лишь проверил, настолько ли прекрасна кожа, как о ней говорят. Я покорён, – усмехаясь, он облокачивается о барную стойку. Сглатываю и нервно ищу взглядом Лазарро.

– Никто не спасёт в этот раз шлюху. И что шлюха будет

делать? – ехидно спрашивает Ренато.

– Прости, но ты явно не по адресу обратился. Шлюхи вон там. Обратись к ним за ответом, они будут счастливы целовать твою волосатую задницу. – Бросаю взгляд на девушек, которые недавно были у стойки. Ренато криво усмехается и качает головой.

– У тебя нет никаких прав здесь, Белоснежка. Ты лишь одна из многих. Но я могу сделать тебя кем-то большим, чем просто шлюхой. Я как раз обдумываю то, что пришло время, и мне уже пора заводить детей и наплодить мелких ублюдков. Я не так сильно озабочен чистотой крови, поэтому это место пока пустоет...

– Надеюсь, что ты найдёшь достойную себя женщину, и она не сдохнет, когда уловит смрад из твоего рта. Сходи к дантисту, потому что душок отвратительный, – едко улыбаюсь ему.

– Пока я стерплю это, но недолго осталось. Ещё немного, и ты жить без меня не сможешь, Белоснежка, – хмыкая, он окидывает меня скользким взглядом, от которого я ёжусь.

– Тогда лучше сдохну. Надеюсь, ты и это запомнишь, хотя с памятью у тебя туго. Не пережимай вены, это не делает тебя умнее, Ренато. Начинай покупать одежду по размеру, особенно брюки. Ты, видимо, навалил в штаны, или у тебя воспаление. На что только мужчины не идут, чтобы удовлетворить своё эго, считая, что именно их член всему голова. Психиатр по таким мужчинам рыдает и не только он, венеро-

лог тоже, – смеясь, нагло смотрю на его топорщащийся пах. По лицу Ренато пробегает волна ярости. Я вскидываю подбородок, готовясь использовать чёртов нож, если он рискнёт и приблизится ко мне.

– Пусть принесут виски и коньяк в кабинет. Быстро. Этому мудаку не нравится сорт, который пью я, – бросая бармену заказ, Ренато разворачивается и быстро уходит. Придурок. Сам он мудака. Лазарро в сотню раз лучше его. Благодарнее, что ли. Да, очень смешно. Убийца лучше другого убийцы.

Сажу за барной стойкой довольно долго, или мне так кажется, потому что я ничем не занята. Ко мне никто не подходит, только шушукаются за спиной, и это меня уже немного раздражает. Я ловлю себя на мысли, что без Лазарро мне одиноко и скучно. Даже когда он молчит, я не чувствую себя такой брошенной.

– Дорогая.

Вздрагиваю и чуть ли не ору от прикосновения к моей пояснице, но вовремя кусаю губу и поворачиваюсь.

– Амато, вы меня напугали, – шёпотом признаюсь. Мужчина мягко улыбается мне.

– Приношу свои извинения, ты, видимо, задумалась. Здесь всегда нужно быть начеку. В любом месте ты должна быть всегда готова бежать или драться, – произносит он.

– Надеюсь, что смогу этого избежать. Вы уже закончили?

– Практически. Лазарь прислал меня, чтобы я увёз тебя

отсюда. Он знает, насколько тебе здесь некомфортно.

– Он сказал, чтобы я ждала его, – хмурюсь.

– Хорошо. Если ты хочешь остаться, то я уеду один. Сейчас прямо здесь начнётся их вульгарный спектакль, другими словами, жуткая оргия. Лазарь посчитал, что ты не захочешь на это смотреть.

– Точно не захочу. Он прав, мне лучше уехать, – киваю, облегчённо скатываясь со стула. Я рада, что Лазарро подумал обо мне и о моём самочувствии.

– Со мной ты в безопасности, Лавиния. Я много лет работаю на Ромарисов.

– Я знаю, мне говорили об этом. Всё в порядке, просто я очень напряжена из-за неприятного разговора с Ренато. Мне пришлось его оскорбить. Наверное, это ухудшает ситуацию...

– Не беспокойся, Лавиния, Ренато это переживёт. А ты показала ему, что верна Боссу Ромарисов, что вновь повышает авторитет Лазаря. Ты всё сделала верно, – успокаивающее говорит Амато, и мы выходим на воздух. К нам сразу же подходит Симон, бросая напряжённый взгляд куда-то за наши спины.

– Я забираю её. Приказ Лазаря. Он знает, куда я её везу.

Симон коротко кивает и ведёт нас к машине Амато. Конечно, я бы хотела покинуть приём вместе с Лазарро, но и просто уйти отсюда – это хорошо. Тем более с женщиной, у которого есть понимание того, насколько опасно сей-

час мне оставаться одной.

– Вы отвезёте меня в ресторан? – спрашиваю, замечая, что за нами следует ещё одна машина с охраной. Это успокаивает.

– Нет, Лазарь придумал для тебя небольшую экскурсию. Именно там вы встретитесь, а потом отправитесь в ресторан, полностью бронированный для вас. Лазарь очень сильно волнуется, когда кто-то из мужчин смотрит на тебя дольше минуты.

подавляю улыбку.

– Поэтому он арендовал целый ресторан?

– Он пойдёт на всё, чтобы женщина принадлежала ему, – кивая, Амато везёт меня по тёмным дорогам.

– Разговор. Он сложный, да? Поэтому вас пригласили? – интересуюсь я.

– Нет. Он обычный, но, зная, насколько вспыльчив Лазарь, и как Ренато нравится его выводить из себя, тем более Босс взял и тебя, Лавиния, мне пришлось приехать на приём по собственному желанию. Порой нужно кому-то остужать пыл Лазаря, а я практически вырастил его, поэтому знаю нужные рычаги давления, чтобы всё решилось не кровопролитием, а как-то иначе.

– Наверное, вы очень долго этому учились. Сохранять спокойствие между двух огней.

– Кто-то рождается, чтобы зажечь пламя. Кто-то, наоборот, чтобы его гасить. Лазарь очень похож на своего отца.

Но ещё более импульсивен и горяч. В нём больше крови и генов отца, чем от матери. Эта девочка была слишком слабой духом, чтобы выдержать все тяготы нашего мира, но мой друг думал, что она привыкнет. Тонкая душевная психика. И я считал, что у тебя такая же, но, слава богу, нет. Ты сильная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.